

КНИГА МАГИИ

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН

ГАРТ НИКС, СКОТТ ЛИНЧ, ЭЛИЗАБЕТ БИР, ТИМ ПАУЭРС,
ДЖОН КРАУЛИ, РОБИН ХОББ И ДРУГИЕ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ГАРДНЕРА ДОЗУА

Мастера фантазии

Робин Хобб

Книга магии

«Издательство АСТ»

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Хобб Р.

Книга магии / Р. Хобб — «Издательство АСТ», — (Мастера фантазии)

Волшебники, чародеи, сверхлюди, обладающие воинственным, а порой и склочным характером и ведущие весьма странный образ жизни... Последний сборник Гарднера Дозуа (1947–2018), одного из величайших редакторов и энтузиастов фантастики, расскажет читателю: – о Джеке-попрыгунчике, неуловимом грабителе, попавшем в неожиданную ловушку, – о последних днях Умирающей земли, – о противостоянии Севера и Юга США, в котором ярчайшую роль играют магические модификаторы своих тел, поедающие кости волшебных созданий, – о том, как опасна может быть ничем не ограниченная власть – и в первую очередь для обладающего этой властью, – о спонтанных превращениях и хитроумных магических уловках, – о том, почему нельзя связываться с высшими силами, и о многом, многом другом. 17 любовно отобранных историй об интригах и приключениях в мире волшебства и магии!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Хобб Р.
© Издательство АСТ

Содержание

Гарднер Дозуа[1]	6
Предисловие	6
К. Дж. Паркер[2]	9
Возвращение свиньи	10
Мэган Линдхольм[3]	26
Общественные работы	27
Джон Краули[7]	45
Кремень и зеркало	46
Мэтью Хьюз[9]	64
Друзья Маскелейна неотразимого	65
Изабо С. Уилс[10]	83
Биография Джека-попрыгунчика. Джек и любовь	84
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Коллектив авторов

Книга магии

Сборник

THE BOOK OF MAGIC

Печатается с разрешения Bantam Books, an Imprint of Random House, a division of Penguin Random House LLC.

© The Estate of Gardner Dozois, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

*Посвящается волшебникам слова, это самая могущественная
магия на свете.*

Гарднер Дозуа¹

Предисловие

Чародеи, ведьмы, шаманы, колдуны, провидцы, целительницы, знахари, владеющие магией... Они общаются с духами, ведают древними тайнами и повелевают скрытыми силами. Они способны одновременно лицезреть потусторонний мир и реальность, являясь связующим звеном между ними, вернуться к истокам истории человечества, а то и раньше. Археологи обнаружили следы ритуальной магии при раскопках неандертальских стоянок. При погребении умершего окружали любимыми орудиями труда, оставляли еду, иногда украшения из цветов. За низкой каменной перегородкой лежали семь медвежьих голов; человеческий череп, насаженный на кол, окружало кольцо из камней... Магия неандертальцев.

Десятки тысячелетий спустя в глубоких пещерах Ласко, Пеш-Мерль и Руффиньяк кро-маныонцы тоже совершали магические обряды, доставшиеся им, возможно, по наследству от ушедших сородичей-неандертальцев. Глубоко в темных пещерах Ла-Мут, Комбарель и Аль-тамира, в самых отдаленных тайных галереях, кроманыонцы расписывали стену за стеной яркими символическими рисунками, изображая животных ледникового периода. Не подлежит ни малейшему сомнению, что эта наскальная живопись и связанные с ней реалистичные глиняные фигурки бизонов, лошадки, вырезанные из слоновой кости, загадочные женские фигурки «Венер» и абстрактные, перекрывающие друг друга контуры отпечатков человеческих ладоней, известные как «макароны», были элементами магии, использовались в ритуальных обрядах, хотя, как именно они применялись, возможно, навеки останется тайной. На стенах древних пещер мы находим самое раннее изображение чародея в истории человечества: нескладную, таинственную фигуру с головой оленя, наблюдающую за яркими плоскими образами животных, скачущих по камню.

Выходит, магия появилась раньше искусства. Скорее всего, искусство было призвано отражать волшебство, дать ему материальное воплощение, каким-то образом использовать его. Вглядываясь в глубь веков, мы видим, что художник и волшебник неразличимы, они, по сути, едины, что неизменно подтверждается многочисленными примерами – вплоть до сегодняшнего дня.

Рассказы о магии тоже родом из прошлого, возможно, даже из ледникового периода, когда охотники долгими ночами собирались у костра, прислушиваясь к разрывающему кро-мешную тьму вою диких животных. В бронзовом веке Гомер рассказывал свои истории у живого огня. В его сказаниях то и дело мелькают узнаваемые элементы фэнтези – людоеды, заклятия, снятие чар, волшебницы, превращавшие людей в свиней. В слушателях – особенно среди бывалых, опытных людей – недостатка не было.

К концу XVIII века нечто близкое к современному литературному фэнтези пустило ростки из тысячелетней устной традиции – народных сказок, волшебных сказок, мифологии, песен и баллад, сказок, наполненных чудесами, баек путешественников, деревенских легенд о феях и заколдованных камнях, о великанах, спящих под сельскими просторами, – сначала в виде готических рассказов, историй о привидениях, арабесок, позднее, к середине следующего столетия, в более скромной литературной форме. Такие писатели, как Уильям Моррис и Джордж Макдональд, переработали сюжеты фольклора и создали новые фантастические миры для достаточно искушенной публики, опираясь на явные признаки фэнтези, как на лите-

¹ © Gardner Dozois, 2018; © пер. В. Соломакиной, 2018.

ратурные тропы, а не на страшные полузабытые народные поверья. Этих людей позабавила бы мысль о блюдце молока для феи-бродяжки.

К концу XIX и началу XX века большинство уважаемых литературных деятелей – Диккенс, По, Киплинг, Дойл, Саки, Честертон, Уэллс – уже вовсю писали фэнтези в той или иной форме – истории о привидениях или «готические» рассказы. Некоторые писатели: Торн Смит, Джеймс Брэнч Кейбелл и лорд Дансени – стали специализироваться на этой форме. Однако на горизонте замаячила Вторая мировая война, и фэнтези впало в немилость, как «вышедшее в тираж», несовременное, непрогрессивное, оно сделалось своего рода изгоем. В суровые 1950-е фэнтези почти не издавалось ни в какой форме, а в США оно как жанр не существовало вовсе.

Когда начался ледниковый период и большая часть территории Северо-Американского континента покрылась льдом, тысячи видов растений, насекомых, птиц и животных переместились на юг, в защищенные горами леса, которые впоследствии станут называться Грей-Смоки-Маунтинс. В этих убежищах они пережидали нашествие ледников, которые в конце концов повернули на север. С уходом ледников стало значительно теплее. Так и скромные журналы – подвигающиеся в фэнтези и научной фантастике «Странные истории» (Weird Tales) и «Неизвестное» (Unknown) в тридцатых и сороковых годах, «Журнал фэнтези и научной фантастики» (The Magazine of Fantasy and Science Fiction), «Фантастика» (Fantastic) и «Британская научная фантастика» (British Science Fantasy) – в пятидесятых и шестидесятых скрывались в убежищах, защитивших фантастику во время ее бегства от ледников социалистического реализма в ожидании грядущего потепления климата, чтобы иметь возможность вновь расправить крылья.

К середине шестидесятых, в основном усилиями первопроходцев, таких как Дональд Воллхайм, Иен и Бетти Баллантайн, Дон Бенсон и Селвин Голдсмит, фэнтези возвращалось из небытия. А после небывалого успеха «Властелина колец» Д. Р. Толкина в США основали первую издательскую серию «The Ballantyne Adult Fantasy», посвященную исключительно фэнтези. Спустя десятилетия за ней последуют другие, а на сегодняшний день фэнтези – огромный, разнообразный, востребованный жанр, разлившийся на многочисленные «реки и ручейки»: фэнтези меча и магии, эпическое фэнтези, высокое, комическое, историческое, фэнтези альтернативных миров и так далее.

За последние десятилетия в литературе сложился типичный образ волшебника: добродушный старик с седой бородой, в фетровой шляпе с широкими полями, с посохом в руке – образ, возникший в значительной степени под влиянием Гэндальфа Серого из книг Толкина и Дамблдора, выдуманного Джоан Роулинг и – вишенкой на торте – от Мерлина, созданного Т. Х. Уайтом. В течение веков волшебников изображали то так, то эдак – то доброжелательными и мудрыми, то порочными и злыми, иногда в них сочеталось и то, и другое. Древние греки считали магию великой наукой. Известный мистик Агриппа почитал магию, как тропу для воссоединения с Богом. А в средневековой Европе говорили, что маги связаны с дьяволом и распространяют зло по всему миру, развращая и разрушая праведные души. Дым от сожженных на кострах ведьм и колдунов в течение долгих тысячелетий наполнял зябкий осенний воздух. У некоторых индейских племен Америки колдун был злым или добрым в зависимости от того, как он использовал магию. На самом деле в каждом обществе есть свой тип волшебника. В Мексике волшебник называется *curandero*, лекарь – *brujo* или *bruja*. На Гаити они *houngan* или *quimboiseur*, у американских индейцев – *shaman* (шаман) или *singer*, у евреев – *kabbalist*, у цыган *chóivhánpi*, ведьма; в современной сельской Америке – *hoodoo* или *conjure man*, знахарь, *root woman* – целительница, у племен маори в Новой Зеландии – *tghunga makutu* и так далее, по всему миру, в самых что ни на есть «развитых» обществах, не говоря уже о наиболее «примитивных».

Все мы, по сути своей, волшебники. Для большинства из нас магия – часть интуитивного культурного наследия. Как только вы скрещиваете пальцы или стучите по дереву, чтобы отпуг-

нать злых духов, чтобы не сглазить, или отказываетесь поменять «счастливую» одежду перед решающей спортивной игрой, или стараетесь, идя куда-то по делам, не наступить на трещины в асфальте, чтобы у матери не разломило поясницу, или, наоборот, нарочно наступаете, со злым умыслом, – тут вы облачаетесь в мантию волшебника, пытаетесь повлиять на мир с помощью магии, колдуете точно так же, как и средневековый алхимик, напрасно корпевший над пестиками и перегонным кубом, так же как шаман-кроманьонец в маске медведя, с оленьими рогами на голове, исполнявший ритуальные обряды в темных пещерах Руффиньяка.

В этом сборнике я попытался охватить многоликий мир магии. В нем вы найдете добрых белых и невероятно злых черных магов. Вы побываете в Исландии XVIII века на заколдованных троллями холмах, в викторианской Ирландии, где сиды, обитатели холмов, собираются на войну; в далеких, неизведанных Аппалачах и среди холмов Кентукки, где до сих пор бродят призраки; на улицах современных Нью-Йорка и Лос-Анджелеса, где на каждом углу неосторожного прохожего может подстеречь опасная магия. Потом вы окажетесь в выдуманных мирах вне привычных нам времени и пространства, пройдете по сказочному заколдованному городу Калифе, мрачным топиям и разрушающимся городам Месоги, где мертвые охотятся на живых; зловещему городу Узур-Калден на самом краю земли, откуда отправляются в путешествие обреченные на гибель странники, и мало кому из них суждено вернуться; вы посетите Страну падающей стены в последние дни Умирающей Земли, чтобы насладиться трапезой в таверне у озера, известной своими знаменитыми шкворчащими угрями; отправитесь на Матерь рынков в Мессалине в поисках странных поделок в компании мастерицы, поучаствуете в сто девятнадцатом Великом симпозиуме, где правит сам Великий Магнус, чтобы увидеть состязание искуснейших магов мира; присоединитесь к полным опасности поискам ледяных магов по повелению Великих домов, правящих Римом после падения империи в альтернативной версии истории; проникнете в Холм эльфов, откуда почти невозможно выбраться без провожатого; прокатитесь на «терраплане» дьявола, поможете деревенскому колдуну в почти безнадежной борьбе против зловещей магии; попытаетесь уговорить комету, чтобы она не разрушала мир; сразитесь с возвращенцами из небытия, пожирательницей игрушек, зловещей заколдованной книгой... Вы познакомитесь с доктором Ди, известным викторианским ученым, и волшебником Маскелейном Неотразимым, Незрячим, Властелином Черной башни, Молоксом Меланхоличным, джиннами, троллями, эльфами, остеомантами, эгрегорами, деодандами, груями, эрбами, вампирами, мантикорами – чудовищами с хвостом скорпиона; сидами, духами-покровителями Исландии; святыми и грешниками; с головами на кольях, распевающими песни, известными как каллисточуа, которые способны околдовать жертву бесконечной песней; Архангелом Бобом, Святой Блудницей, Джеком-попрыгунчиком и зятем дьявола.

Эти мечты пробудила сама магия, они, бесспорно, волшебные. Мечты живут, соединяя поколения и неизменно возрождаясь из страшной могильной бездны. Они стирают расовые, возрастные, классовые, национальные барьеры, выходят за границы времени. Я искренне надеюсь, что представленные в этой книге рассказы затронут ваши души, взволнуют умы и надолго останутся в вашей памяти. Так пускай же рождаются новые мечты, даже после того, как все причастные к этой антологии превратятся в прах.

К. Дж. Паркер²

К. Дж. Паркер считается одним из самых изобретательных писателей, работающих в жанре фэнтези. Он автор бестселлера «Инженерная трилогия» (Engineer Trilogy): «Средства и желания» (Devices and Desires), «Око за око» (Evil for Evil), «Бегство» (The Escapement), а также трилогии «Фехтовальщик» («Закалка клинка», «Натянутый лук», «Пробирная палата») и трилогии «Мусорщик» (Scavenger): «Тень» (Shadow), «Образец» (Pattern), «Память» (Memory). Его рассказы публиковались в сборниках «Академические упражнения» (Academic Exercises) и «Тайник» (Priest's Hole).

Он был дважды удостоен Всемирной премии фэнтези за повести «Дайте карты другим» (Let Maps to Others) и «Малая плата за птичью песню» (A Small Price to Pay for Birdsong). Его перу принадлежат также романы «Жулики» (Sharps), «Компания» (The Company), «Складной нож» (The Folding Knife) и «Молот» (The Hammer), «Дикари» (Savages), «Сильнее меча» (Mightier Than the Sword) и «Два меча» (The Two of Swords).

К. Дж. Паркер – это псевдоним британского писателя Тома Холта. Под своим настоящим именем он опубликовал «В ожидании кого-нибудь повыше» (Expecting Someone Taller), «Кто боится Беовульфа» (Who's Afraid of Beowulf), «Эй, боги!» (Ye Gods!) и многое другое.

В запутанном рассказе, представленном в этом сборнике, вы попадете в элитную Академию волшебников, где в конкурсе на важную должность участвуют три могущественных мага, и станете свидетелем, как соперничество превращается в нечестную, смертельно опасную борьбу.

² © K.J. Parker, 2018; © пер. В. Соломакиной, 2018.

Возвращение свиньи

Ностальгия, от греческого νοστος — боль возвращения домой.

Такие капканы обычно ставят на медведей и других опасных животных, что мне польстило, ведь я на первый взгляд не произвожу впечатления опасного противника. Он вонзился слегка наискось, с хрустом вгрызаясь в пятку и щиколотку, пока стальные зубья не сомкнулись в мышцах. В голове помутилось от боли, и впервые в жизни я на некоторое время выпал из реальности, не в силах ухватиться за какую-либо мысль.

Что ж, неплохой ход. Когда мозги соображают как надо, мне любая напасть нипочем. Ясное дело — ничто здесь не причинит мне боли, я сильный, хотя по виду этого не скажешь. Но сейчас боль затмевает разум, мешает сосредоточиться. При такой острой боли, сковывающей мысли, ничего не получается, — это словно носить воду в решете: все ускользает, как струйка дыма.

Да, мы неизбежно наживаем врагов. Как ни старайся быть кротким и сохранять спокойствие, рано или поздно — простите за каламбур — угодишь в капкан, потом злость и возмущение застилают взор, и вот уже мы ведем себя вопреки здравому смыслу. Загоревшись обидой на красноречивое обвинение в дурацком честолюбии, один образованный интеллект губит другого, готовя для него ловушку. Можно, конечно, шире взглянуть на ситуацию и посмеяться, если бы не боль.

* * *

Что такое сила? Простите, если это прозвучало как вопрос на экзамене. Серьезно, что это? Я бы назвал это качеством, позволяющим выполнить некую работу и приобрести власть. Чем ты сильнее, тем больше можешь сделать, тем более высокие цели ставишь перед собой. Мой отец легко поднимал наковальню весом сто пятьдесят килограммов. И я могу, но совсем другим способом. Вот ведь парадокс: я не стал кузнецом, как отец, потому что всегда был слабаком, а потом меня отослали в школу, где остатки моих мускулов превратились в жир, но я стал гораздо, гораздо сильнее. К черту наковальню! Я могу горы свернуть! Нет такой скалы, которую я не мог бы поднять. Совсем не плохо для человека, которому требуется помощь, чтобы открыть консервную банку.

Людям свойственно путать силу и безопасность. Обычно думаешь: раз уж я такой сильный, то мне нечего бояться. На четвертом году обучения учителя говорят: вы завершили этот курс, теперь никто и ничто не сможет вам навредить. Чудненько. И ты пишешь родным: «Дорогие мама и папа! В этом семестре мы проходим Абсолютную Силу. Приеду в гости неуязвимым и непобедимым. Представляете? Ваш любящий сын, и прочее, и прочее».

И мы верим... ведь это так правдоподобно! Потом следует назначение на должность и практические занятия, где вы жонглируете тяжелыми предметами и сражаетесь с демонами, поворачиваете реки вспять и мановением руки раздвигаете морские волны — дурманный хлам для девятнадцатилетнего паренька, и в конце концов ты думаешь: я, выпускник Академии, вооруженный *strictoense* и защищенный *logica*, не боюсь зла. А затем тебе предстоит первое задание, и ты потом и кровью, медленно, порой унижительно приобретаешь полезные навыки.

В процессе обучения боль упоминают лишь мельком. Боль, по словам профессоров, не дает сосредоточиться на главном, поэтому, по возможности, ее следует избегать. Ты глубоко-мысленно киваешь и конспектируешь: «избегать боли». Однако на экзаменах этот вопрос не

возникает, поэтому о нем быстро забываешь. Уж я-то всю жизнь остерегаюсь боли; правда, с переменным успехом.

* * *

Голова все еще кружилась, когда появились убийцы. Так я называю их для удобства. Когда тебе известно, чем человек зарабатывает на жизнь, ты видишь не его, а профессию. «Эй, кузнец, мне надо подковать коня» или «Трактирщик, кружку пива!». А завидев меня, вы обычно падаете на колени и просите благословения, надеясь, что я не превращу вас в лягушку.

На самом деле они – типичнейшие батраки из Месоги, худощавые, сильные, с большими руками, обтрепанными манжетами, крепкими зубами, не испорченными сладостями. У одного в руке мотыга (на моей родине их называют тятками), у другого – камень. Что хорошо в ремесле убийцы – никаких затрат на орудия труда. Они равнодушно смотрят на меня, прикидывая, насколько я ослаб от боли. Похоже, им не соизволили сообщить, кто я такой и чем занимаюсь, хотя по одежде можно было бы догадаться. Они решили, что со мной хлопот не возникнет, но все же, разделившись, пошли на меня с двух сторон. И телегу не взяли – видимо, им приказали швырнуть меня в канаву, когда дело будет сделано. Один из них что-то жевал; кажется, свиную шкуру.

Заклинание *strictoense* довольно-таки простое. Его могли бы преподавать и первокурсникам, будь они чуток посерьезнее. А вы оставили бы дома шестнадцатилетнего оболтуса с бутылкой бренди и собственной дочерью? То-то и оно. Нужно всего лишь как следует сосредоточиться, представить картинку и произнести: «*Strictoenseruit in hostem*».

Лично я всегда представляю человека, которого лягнула лошадь, потому что я видел всю сцену с участием моего старшего брата. Мне тогда было шесть лет. Он, как обычно, делал свою работу – приподнял правое заднее копыто лошади, чтобы почистить подкову. Должно быть, он был рассеян, потому что лошадь рванулась и с быстротой молнии ударила его копытом. Я увидел брата за секунду до того, как тот упал, – над бровями зияла полукруглая рана глубиной с ноготь. Он удивленно моргнул и упал навзничь, истекая кровью, и... и все. Полезная, однако, штука – хорошая память: не надо напрягаться.

Хорошо, что они не пришли минутой раньше – я ведь почти отключился. Но минуты хватило, а *strictoense* – плевое дело, я частенько пользовался этой формулой, и детское воспоминание такое отчетливое и всегда под рукой, как кинжал под подушкой. Я отвлекся от боли и представил, как эти парни будут выглядеть с отпечатками копыта на лбах. Потом раздался хлопок. Вообще это так скучно, словно пытаешься расколоть бревно, а топор вязнет в древесине; бревно падает с глухим звуком, но потом все же раскалывается. И я оставляю их лежать неподвижно, уделяя все свое внимание боли.

* * *

Два дня назад мы мерзли в холодном, блистающем суровой красотой Капитуле, обсуждая вакансию на кафедре Совершенной логики, возникшую после безвременной кончины отца Витрувия. Чародей старой школы, он всегда был настолько погружен в абстрактные размышления, что в реальной жизни чувствовал себя не в своей тарелке, словно бедный родственник, вынужденный таскаться по чужим домам с визитами вежливости. Ходили слухи, что он не всегда был оторван от жизни, – в пригороде жила его любовница, а два прижитых сына были удачно пристроены на процветающем канатном заводе в Корисе. Большинство слухов в нашем тесном мире правдивы, но не этот.

На должность претендовали трое: ваш покорный слуга, отец Суллиций и отец Гнато. Честно говоря, ни один из нас не имел заметного преимущества. Мы знакомы со второго курса,

причем мы с Гнато на год старше Сулпиция. А Гнато я знал еще дольше – вместе окончили Академию, выбрали одинаковую профессию, встретились после первых заданий, виделись за столом и в библиотеке почти ежедневно в течение двадцати лет. Способности различные, но уровень один. Троица необычайно умных, прилежных парней, способных выполнить работу в любых условиях – хоть стоя на голове. Вакантная должность была пожизненной, а все три претендента равно честолобивы. Для двоих неудачников жизнь не оставляла достойного выбора: они попадут в подчинение счастливчику, дабы исполнять его прихоти. Он будет помыкать ими как только заблагорассудится, посылать в глушь на опасные задания.

Я, в общем, неплохо отношусь и к Сулпицию, и к Гнато. Они мои старые близкие друзья, роднее братьев. Будь у нас еще один относительно достойный кандидат, все трое безоговорочно его поддержали бы. Но – увы! – остается разве что пригласить такого из соседнего университета, на что Академия никогда не пойдет из-за элементарной гордыни, так что выбора не оставалось. Вот такие сложности.

Заседание длилось девять часов кряду и закончилось голосованием. Я проголосовал за Гнато, Сулпиций – за меня, Гнато – за Сулпиция. Каждый получил по девять голосов – тупик. Отец Приор, тяжело вздохнув, отложил выборы на тридцать дней. Кандидатов разослали с заданиями в глубинку во избежание дебатов. Приор Сигват действительно ничего больше сделать не мог, однако и варианта хуже нельзя было себе представить. Видите ли, несмотря на громадное могущество, мы всего лишь люди.

* * *

И вот я здесь, могучий чародей с капканом, вгрызающимся в ногу. Я никогда не умел справляться с болью. До того как сподобился овладеть *sicut in terra*, я криком кричал от малейшей зубной боли. Отец обычно приходил в ярость, когда я распускал нюни и хныкал, как девчонка. Я постоянно разочаровывал его, даже когда научился превращать свинцовую трубку в золото. Медвежий капкан, должен признать, измотал меня. Всего-то и надо было разомкнуть его с помощью *qualisartifex* и залечить рану с *vergens in defectum* – делов-то секунд на пятнадцать, но я никак не мог себя заставить. За это время я дважды обмочился – фу, мерзость. Хотя, возможно, это меня и спасло. Отвращение к собственному ничтожеству заставляет сосредоточиться, страх, по идее, тоже, но в итоге ничего не получается. Спустя почти пять часов, судя по солнцу, боль отступила, а может, я к ней привык.

Первым делом следует схватить пучок дыма, не давая ему развеяться, затем – пятнадцать секунд полного погружения, и вот уже я размышляю, из-за чего, черт возьми, вся эта суета. Я встал, морщась, – вторую ногу закололо иголками, но я отмел, не колеблясь, все страхи и внимательно осмотрел ботинок – он развалился. Тогда я укрепил подошвы ног с помощью *scelussceleris* и пошел босиком. Ерунда, переживу.

(Вопрос: интересно, почему нет заклятий для починки обычных вещей? Ответ: в этом нет нужды, поскольку мы живем в удобном мире, где имеется все необходимое для комфорта. Напомните мне, чтобы я занялся этим, когда выдастся свободная минутка.)

Мне никогда не приходило в голову поинтересоваться, «почему» или «кто». Естественно. Чего тут думать, если заранее знаешь ответ.

* * *

Меня не готовили в дозорные, но с годами я все же стал им. Причина довольно банальна – хорошие способности. Хочу предостеречь тех, кто жаждет вступить в Орден: хорошенько подумайте, прежде чем демонстрировать свои таланты в чем бы то ни было, – никогда не угадаешь, к чему это приведет. В молодости, окончив учебу, я получил первое военно-полевое задание:

выявить и нейтрализовать вероотступников – мы называли это «охотой на ведьм». А вот вам так говорить не следует, это неприлично. Я считал: проявлю себя, приобрету почет и славу, создам себе имя. А на самом деле? Мне стали доверять наигрязнейшую работу, за которую никто не брался. И с тех пор так оно и продолжается, я всеобщая палочка-выручалочка, когда надо укротить какого-нибудь распоясавшегося необразованного кретина.

Гнато, как и я, неплохо разбирается в таких делах, но он хитер. Он нарочно заперол первое задание, пришлось старшим спасать его шкуру и расхлебывать кашу. На его карьере это никак не повлияло, но с тех пор его никуда не посылали. Сулпиций же не отличит необученного кандидата в волшебники, даже если отправить их вместе в баню, поэтому вопрос отпадает сам собой.

Охоту на ведьм приятным времяпрепровождением не назовешь, а уж эту... Я провел на болоте пять часов в невыносимой боли и все еще не добрался до места.

Я прибавил шагу, чтобы наверстать упущенное время. В горах я плохой ходок, а Месоги кишит всякой гадостью. Когда я добрался до Риенса, было темно, хоть глаз коли. Конечно, я знал дорогу. Риенс находится в шести милях от моей родной деревни.

Покинувшие Месоги и осевшие в больших городах счастливчики редко возвращаются сюда. Богатые, успешные купцы разглагольствуют на званных обедах о родных красотах – водопадах Шерии, небесных просторах Бохека, закатах на заливе Белуаза, и только выходцы из Месоги молчат в тряпочку, притаившись, дабы небрежное произношение гласных не выдало их с головой. Пятнадцать лет я не был в родных краях. Любое другое место изменилось бы за такой промежуток времени. Но не Месоги.

Все те же осыпающиеся каменные стены, ветхие крестьянские домишки, заросшие чертополохом и вереском пастбища, изрезанные колеями дороги, грязные обочины, мрачные небеса, тощий шелудивый скот и мерзкие, жалкие людишки. Говорят, человек – плод той местности, где он родился, и, к сожалению, с этим невозможно не согласиться. Всю жизнь борюсь с въевшимися в плоть и кровь местными привычками, однако отчасти благодарен своим корням. Они сформировали мой характер, помогли мне стать трудолюбивым, порядочным, честным, терпеливым, терпимым – полной противоположностью этим людишкам, даже отдаленно не напоминающей нрав жителей Месоги. Не люблю я туда возвращаться, ей-же-ей.

Риенс – типичный городок Месоги, взгромоздившийся на вершину холма, поэтому приходится карабкаться целую милю, истекая потом и источая соответствующий запах. Попутно обращаешь внимание на толстые стены из красного песчаника, городские ворота, которые сгнили полвека назад, и никто с тех пор так и не удосужился их сменить, одну длинную улицу с постоянным двором и молельным домом посередине. Жители Месоги поколениями воровали овец друг у друга. В сорок лет ты уже старик. Мой отец был кузнецом, ковал наконечники для стрел.

Женщины в Месоги сплошь коренастые, редко встретишь симпатичное лицо – красотки подались на восток, развлекать почтенную публику. Остались лишь мускулистые, трудолюбивые, волевые и вспыльчивые, как моя мать.

Женщина с постоянного двора была того же типа.

– Кто ты такой, черт побери? – спросила она.

Я сказал, что путешествую и мне нужны ночлег и еда, да еще пинта пива, пожалуйста. Она нахмурилась и предложила переночевать на сеновале за шесть грошей. На сеновале в Месоги хранят сено для лошадей. На ужин подали вяленую рыбу с овсянкой. До моря – сотня миль, но мы едим вяленую рыбу, поди разберись почему, а с ней – если не повезет – гору квашеной капусты. Пиво... Я заглянул в кружку.

– Это можно пить?

Она взглянула на меня.

– Мы пьем.

– Спасибо, я обойдусь.

На сеновале нашелся матрас, весьма почтенного возраста на вид. Я лежал с открытыми глазами, слушая, как внизу шумно хрустят сухой травой и топчутся лошади. «Дома, – сказал я себе. – Какое счастье».

* * *

В эту утомительную экспедицию меня отправили ради третьего сына дубильщика. Глядя на него, я будто видел себя самого, правда, он – кожа да кости, а я в его годы был крепышом. Та же защитная колючесть в хитрых маленьких глазах, смесь страха и вины, сдобренная пониманием своего еще не измеренного превосходства, – он знает, что лучше окружающих, только пока не понимает почему. А вдруг из-за странных способностей он перестанет расти или ослепнет? Так-то вот: и спросить не у кого. Неудивительно, что многие из них – из нас – сбиваются с пути истинного.

Я сказал, что нам надо поговорить наедине. У его отца был сарай из камня, где вдоль стен, подобно коврам, стояли перевязанные веревкой рулоны дубовой коры.

– Садись, – сказал я.

Он опустился на пол, скрестив ноги.

– Не садись на холодный мокрый пол. Почему бы тебе не сделать так?

Я пробормотал: «Qualisartifex», – и изготовил пару табуреток. Он уставился на меня, но фокус его не удивил.

– Не знаю, о чем вы...

– Да брось. Тебя никто не обвиняет. Само по себе это не является преступлением, – усмехнулся я. – Не является, потому что этого просто не может быть. Закон придерживается того мнения – и мы тоже, – что магии не существует. А если она не существует, то и не может быть противозаконной.

Затем я сделал стол, чайник и две фарфоровые чашки.

– Ты чай пьешь?

– Нет.

– Попробуй, это одна из немногих радостей жизни.

Он хмуро взглянул на чашку и не сдвинулся с места. Я налил себе чаю и подул немного, чтобы остудить ароматный напиток.

– Волшебства нет. Существуют некоторые эффекты, которым умный и образованный человек может запросто научиться. Это не магия, ничего необычного, странного и необъяснимого. Вот, например, видел, как кузнец сваривает два прута? Берет два куска металла, фокусничает с огнем, искрой, – и два куска так аккуратно соединены, что уже не ясно, где кончается первый и начинается второй. А еще более удивительный фокус, когда женщина вытягивает живого человечка между ног. Странно? Несомненно.

Он покачал головой:

– Женщинам магия не подвластна. Все это знают.

Ум буквалиста. Хорошо.

– Так и мужчинам тоже не подвластна, потому что не существует. Ты что, не слушал? Но некоторые, обладающие даром, могут хорошенько сосредоточиться и проделать кое-какие фокусы, которые другие люди не поймут, посчитают странными. Это не волшебство. Мы точно знаем, как и что происходит, ну, скажем, когда твой отец кладет шкуру убитой коровы в каменное корыто и спустя какое-то время достает твердую и гладкую с одной стороны кожу.

– Как скажете, – пожимает плечами мальчишка.

Да, трудновато. Впрочем, это же Месоги. Такие здесь ценности, такие проявления добродетели – ничему не удивляться, не делать первого шага, не выказывать интереса и энтузиазма.

– Ты это все умеешь, я знаю, люди видели.

– Не докажете.

– Не больно-то и надо, я и так знаю. Я читаю твои мысли.

Дошло наконец. Он побелел как полотно и, не будь дверь подперта снаружи бревном (простенькая предосторожность), вылетел бы из сарая, как пробка из бутылки.

– Вы не можете...

Я усмехнулся.

– Я вижу, как ты смотришь на овец, а через три дня половина стада подыхает. Я вижу, как ты снимаешь серьгу с уха старика, он падает и ломает ногу. Вижу горящую скирду, нет, три скирды... А ты опасный дьяволенок!

В его глазах блеснули яростные слезы. Я на всякий случай прошептал *logica*. Но он не набросился на меня, как когда-то на его месте сделал я. Он покачал головой и проворчал что-то невнятное насчет доказательств.

– Мне они не нужны, мой свидетель – ты.

Я сделал паузу в три удара сердца и продолжил:

– Все нормально. Я на твоей стороне. Ты один из нас.

Он нахмурился. Понятно – не верит.

– Хорошо. Смотри внимательно. Маленький толстый мальчик – это я.

И я показал ему пару-тройку эпизодов из своей памяти. Простое заклинание *lux dardaniae* действует безошибочно. К своим проказам я добавил выходки Гнато. Хотя какая разница!

Ненависти в его взгляде прибавилось.

– Так вы местный.

Я кивнул:

– До мозга костей. Тебе ведь тут не нравится, да?

– Нет.

– Мне тоже. Поэтому я и уехал. И ты можешь. Через десять лет будешь, как я. Только без живота и двойного подбородка.

– Мне? В город?

Я понял, что добился своего.

– Смотри.

Я показал ему Перимадейю – стандартный ознакомительный тур: фонтаны, дворец, площадь Победы, шерстяной рынок на Гусиной ярмарке. Мальчишка все еще колебался, и тогда я продемонстрировал ему Академию – величественный вид с гавани, если смотреть на вершину холма.

– Где бы ты хотел жить, там или тут? Тебе выбирать. Никто не заставляет.

– Если я уеду, мать с сестрами смогут меня навещать?

Я нахмурился.

– К сожалению, нет. Женщин туда не пускают.

Он ухмыльнулся:

– Это хорошо. Ненавижу женщин.

* * *

Гнато в этом возрасте был сплошь кожа да кости. Я вспоминаю, как маленький тощий мальчишка крал яблоки с нашей единственной яблони со съедобными плодами. Мои яблоки. Мне не хотелось делиться ими с незнакомцем. Я шлепнул его тем, что позднее стало называться *strictoense*.

А ничего не вышло. Неожиданно вокруг меня закружила огромная штукавина, она бы даже солнце закрыла, если бы не была невидимкой. Ну, вы понимаете. Недолго думая, я и развернул ее заклинанием, позднее известным мне как «*scutumveritatis*». Они столкнулись. Земля затряслась под ногами. Мы с Гнато уставились друг на друга.

Отчетливо помню, как я впервые посмотрелся в зеркало, хотя это было даже не зеркало – мы же в Месоги, – а тазик с водой, стоявший на улице. День был безветренный. Помню разочарование: неужели этот толстый дурашливый мальчишка – я? А еще вспоминается, как Гнато, сосредоточенно смотревший на меня, вдруг свалился с ветки дерева, едва не сломав себе шею, – ха, облом вышел!

Я пытался подхватить приятеля – *adiutoremmeum*, неуклюже выполненный десятилетним мальчишкой, чего вы хотите? – и во время падения стукнул его о ствол дерева. У него до сих пор на лице шрам: грубой корой содрало кожу со щеки. Глупец не сумел воспользоваться *scutum*, испугался. Ему еще повезло, что я оказался рядом, хотя если бы не оказался, то он и не упал бы вовсе. Он решил, что я нарочно скинул его с дерева и изуродовал. Когда нам было по восемнадцать лет, я показал ему свою память, так что он знает, как все вышло. Похоже, он до сих пор в глубине души винит во всем меня и побаивается, как бы я не проделал этот фокус снова.

* * *

Нужно было соблюсти все необходимые формальности. Пришлось повидаться с родителями мальчишки. Мы долго, нудно беседовали. Его родители сначала испугались, потом разозлились, но тут я предложил компенсацию за потерю работника. Орден баснословно богат. В городе на десять крейцеров можно прожить неделю, если ты не особо привередлив. В Месоги же это целое состояние. Нам позволено платить за ученика до двадцати крейцеров, но деньги не мои, а я человек честный.

* * *

По возможности я всегда предпочитаю ходить пешком, с повозками и каретами мне не везет. Лошади меня не любят: они чуткие твари, и что-то во мне им не нравится. Стоит мне сесть в повозку или карету, жди беды. Если не с лошадьми, то сломаются ось или спица, или карета завязнет в колее, а то случается – возница упадет, корчась в судорогах. Я не один такой, у многих из нас в пути происходят разного рода несчастья, но лучше встретить их на суше, чем на море, как бедный отец Инцитатий. Чтобы добраться до Месоги, я нанял лодку от города вниз по реке Аспер до самого Старка, а остальную часть пути прошел пешком. Жаль, что реки текут только в одном направлении. Возвращаясь, я двину до Инсупер, поплыву на барже-лесовозе до моря, а там – до города на судне, перевозящем зерно. У меня морская болезнь, а заклинания от этого нет. Не везет так не везет.

От Риенса до Инсупера – семнадцать миль, вниз по долине и вверх по Чертову холму. В шести милях от Риенса дорога проходит через деревушку. Можно еще пройти старой дорогой к Тору, потом свернуть вниз, в леса, пересечь реку Блэквотер у Сенс-Форд, и окажешься на главной дороге в миле от деревни. Этот путь на пять миль длиннее, ненадежный и опасный, но зато не надо заходить в деревню – унылейшее, типичнейшее для Месоги местечко.

Везет как утопленнику. Я поплелся наверх, к Тор-Дроув, поскользнулся и скатился по лесовозной колее, заросшей вереском, где лесозаготовщики жгли хворост, и обнаружил, что река Блэквотер вышла из берегов от весенних дождей, брода не найти, как и способа перебраться на тот берег. В отчаянии я подумал, не раздвинуть ли мне воды или не повернуть ли реку вспять. Но на это существуют строгие правила, а будущему главе кафедры Совершен-

ной логики нарушать их не к лицу, тем более понять, чья это проделка, не составит никакого труда – все знают, где я.

Так что пришлось тащиться назад, вверх по лесовозной колее, вниз к дороге, и от унылых размышлений о моей чудовищно растянутой одиссее путешествие стало еще утомительнее. Переночевав под буком и проснувшись от хрюканья диких свиней, на рассвете я добрался до деревни (простите, не хочется упоминать ее названия).

Напрасно я надеялся, что здесь хоть что-нибудь изменилось. Кузня по-прежнему находится на главной улице. После смерти отца мать переехала к родне на север. Приобрел кузню какой-то трудяга, стук молота по наковальне слышался за двести ярдов. Мой отец начинал работать через три часа после рассвета – «надо уважать соседей», которых он ненавидел и с которыми без конца ругался. Петли на воротах так никто и не закрепил, труба того и гляди рассыплется, держится исключительно на честном слове, – в Месоги на этом зиждется всё и вся.

Я натянул капюшон поглубже, чтобы не быть узнанным. Нечего и говорить, что при виде меня все бросали работу. Каждый здесь, кто старше двадцати лет, был мне знаком.

Гнато родился в семье угольщика. В Месоги сильны социальные различия, и угольщики, живущие на открытом воздухе, передвигающиеся по лесу с места на место, якшающиеся с чужаками, находятся на низшей ступени. Даже моя родня смотрит на них свысока. Но отец Гнато каким-то образом унаследовал ферму, примыкавшую к деревне. Загон выходил к дороге, там угольщик построил сарай для угля и дом. Ничего не изменилось... Из дома вышли четверо, неся на плечах дверь, на которой лежало что-то, завернутое в занавеску.

Я остановил какую-то старуху, не будем уточнять имя, и спросил:

– Кто умер?

Она ответила, что отец Гнато. Гнато больше не носит это имя, так же, как и я свое. В Ордене каждому дают религиозное имя. Наши настоящие имена состоят из пяти слогов и не вписываются в общепринятый алфавит. Женщина посмотрела на меня.

– Я тебя знаю?

Я покачал головой.

– Когда он умер?

– Болел последнее время. Ты знаком с семьей?

– Я встречал его сына в городе.

– А, этого... – Она нахмурилась.

Такие строптивцы эти крестьяне – и logica их не проймет, поэтому я не стал обращать внимание на ее гримасы.

– Значит, он еще жив?

– Говорят...

– Я точно тебя не знаю? Голос вроде знакомый.

– Нет, мы никогда не виделись.

Отец нашего Гнато... Шумный, вспыльчивый мужик, поколачивавший жену и дочерей, пьяница, буян, озлобленный на весь мир. Люди ни во что его не ставили, хотя он работал всяко больше других. Красномордый от угля и пьянства, прихрамывающий на одну ногу громила, стыдящийся своего тощего, вороватого, никчемного сына. По здешним меркам, он дожил до глубокой старости. Маленькая высохшая женщина, бредущая за процессией, должно быть, его измученная жена. Теперь она обеспеченная женщина – освободилась наконец от этой свиньи. Она плакала. Странный народ...

Что-то заставило меня выудить золотую монету из кармана и вложить ей в руку. Она оглянулась и искала меня глазами, но я благоразумно исчез – стал невидимым. Она рассмотрела монету и сжала ее в кулаке.

* * *

Я вышел из деревни и вскарабкался на холм всего за двадцать минут, судя по моим отличным механическим часам. «Неплохо», – отметил я. Преодолеешь себя однажды – и от успеха кружится голова, пока не столкнешься с новыми трудностями. Я подошел к еще одной разлившейся реке – Инзо, которая, разбушевавшись, смыла мост у Мачеры и в щепки разбила паром. Паромщик сообщил мне то, что я и сам знал: надо вернуться на три мили назад к развилке дороги, свернуть на юг до Коники, потом на старую Военную дорогу, которая приведет меня к побережью. У Фриеста – пристань, дальше идти не придется. Хотя и так путь неблизкий.

Хотите верьте, хотите нет, я настроился шагать на пристань. Конечно, это несправедливо по отношению к другим пассажирам, невинным крестьянам, которые не сделали мне ничего плохого. Нет, по какой-то причине Месоги меня не отпускала, играла, как с едой, – мать всегда за такое ругала.

Одна из причин отсталости – это отсутствие хороших дорог, связи с внешним миром. Парочка ливней – и все: ни проехать, ни пройти.

Поэтому так неохотно я начинал свое путешествие в прошлое. Должен сказать, платье ученого – хорошие доспехи, шерстяная версия logica. К тебе никто не пристаёт, не заговаривает, дают все, что попросишь, и нетерпеливо ждут, когда уйдешь. Я купил ботинки в Ассистенцо, у знакомого башмачника. Выглядел он сейчас лет на сто шесть, не меньше.

Он меня узнал, но виду не подал. Хорошие ботинки, ничего не скажешь, только пришлось их обработать qualisartifex, чтобы не скрипели.

«Умеренность и бережливость» в Нонсе определенно лучшая среди гостиниц Месоги, одному богу известно почему. Там и комнаты с настоящими деревянными кроватями, еда съедобна, и – слава Всевышнему – там подают настоящий черный чай. Вообще-то это бордель, но если ты одаришь девчонку улыбкой и шестью монетами, то получишь комнату в свое распоряжение. Кажется, я не спал так сладко целую вечность, пока какой-то кретин не забарабанил в дверь.

– Вы из Академии?

Пришлось признаться – мантия, перекинутая через спинку стула, не даст соврать.

– Срочно нужна ваша помощь. В деревне – черт с ним, с названием, – беда. Повезло, что застал вас. Вовремя мост снесло, а то вы давно бы ушли.

* * *

За мной прислали повозку. Идиоты. Понятное дело, лошадь охромела сразу же, как только я забрался на телегу. Пришлось возвращаться к гостинице за другой, потом треснула ось. Мы долго выстругивали щепку и забивали трещину. «Пешком было бы быстрее», – подумал я.

– А я тебя знаю, – сказал возчик. – Ты ведь местный.

Ну что поделать, бывают времена, когда неохота спорить.

– Точно.

– Ты его сын. Угольщика.

Ничто не может вывести меня из равновесия. Кроме некоторых мелочей.

– Да нет же, черт побери! – огрызнулся я. И назвал ему свое имя. – Сын кузнеца.

Он кивнул. Сказал, что у него хорошая память на лица. Дело касалось отца Гнато. Такая в Месоги традиция: мертвецы не лежат спокойно в могилах. В других местах танцуют народные танцы в костюмах Робин Гуда или пьют сидр, чтобы накликать богатый урожай яблок. В Месоги, если ты унес в могилу обиду или к тебе плохо относились при жизни, почти навер-

няка вернешься к дорогим соседям либо в своем раздутом, гниющем теле, либо страшной тварью – волком, медведем или свиньей.

– Бьюсь об заклад, он вернулся свиньей, – догадался я.

– Хорошо, видать, ты знал старого черта, – усмехнулся возчик.

– Угу.

Возвращенцы с того света не похожи на обычных животных. Они гораздо крупнее, черны как смоль, с красными глазами, которые светятся в темноте. Обычным оружием их не возьмешь, ловушками не удержишь, и яды тут бесполезны. Отец Гнато пристрастился к подкапыванию домов по ночам, когда все спали. Подкапывал стены, и крыша рушилась. Много ли надо ветхим домишкам, которые и так сплошь и рядом заваливаются без надлежащего ухода, но я видел, что там, где поработал блестящий призрачный кабан, сделать уже ничего нельзя.

* * *

Я кое-что знаю про возвращенцев, мой дед был таким. Он вернулся медведем и на протяжении девяти месяцев убивал там и сям живность и ломал изгороди, пока из города не приехал человек в серой мантии и не утихомирил его. Я все это видел и еще тогда решил, кем стану.

Дед умер, когда мне было шесть. Я помню его веселым здоровяком, угощавшим меня яблоками. Когда-то он убил двоих соседей – говорят, в целях самозащиты, – но в тесной общине это не играет роли. Посланец Академии выслеживал его четыре ночи подряд, поймал, вероятно, замораживающим заклятьем «*in quo vincit*», обездвижив до утра. Потом вернулся с дюжиной мужиков с кольями, топорами, молотками – инструментами, в моем понимании предназначенными для починки забора. Дед только и мог что наблюдать за происходящим, вплоть до того, когда они отрезали ему голову. Конечно, я видел просто медведя, огромного, черного. И только позднее мне рассказали все в подробностях.

* * *

Не знаю, можно ли убить смущением? Надо бы испытать такой способ. Но я испугался и вооружился *fonslaetitia* – формулой, способной ослабить кого и что угодно. Раз уж я вернулся в деревню, меня все узнают. Старина Му, по прозвищу Собака, а настоящее его имя Мутахаллиуш, теперь мэр. Как сейчас помню его лицо, забрызганное вонючим коричневым соком гнилых листьев салата, он сидит в колодках за то, что обрюхатил дочку мельника. Кажется, у других память короче, или они просто не помнят зла. Шап-дубильщик – констебль, Ати из «Пяти ясеней» стал могильщиком, новый кузнец, которого я не знаю, – сборщиком долгов и отвечал за раздачу милостыни. Я с холодным изумлением оглядел их и велел рассаживаться по местам.

Наверное, им было неловко. Взглянем-ка на происходящее их глазами: мальчишка, которого они походя шлепали по затылку, иногда лупили палкой, теперь стал ученым, волшебником, способным убить одним лишь взглядом или превратить кучу дерьма в чистое золото. Немудрено, что мы общались холодно-официально.

На собрании я не услышал ничего нового – возчик рассказал все что мог, да и собственное мое воображение довершило картину. Я произнес речь о том, как следует себя вести и какие беды ожидают ослушников в случае игнорирования моих инструкций. Потом встал, дав понять, что собрание завершено. Тогда Шап, мой дальний родственник – в деревнях все друг другу родные так или иначе, – спросил меня насчет племянника. Племянника? Тут меня осенило. Он спрашивал про Гнато.

– У него все хорошо.

– Он ученый? Как ты?

– Как я. Значит, он сюда не возвращался?

– Мы не знали, жив он или нет.

Ну да, насчет меня то же самое.

– Я расскажу ему про отца. Может, ему захочется... – Я замолчал, осознавая, что сейчас собирался сказать. Посидеть на могиле? Какой? Обычно останки четвертованного возвращенца захоранивают по границам прихода.

– Он захочет узнать.

Это была откровенная ложь, но должен признать, что мне *хотелось* рассказать ему. На моем месте он поступил бы так же.

* * *

Отец Гнато и на этом свете не был семи пядей во лбу. Мертвым он приобрел определенную хитрость и сметку, хотя, возможно, это свинья попалась умная. Я караулил его три ночи. Он не особо тайлся, и силищи у него осталось предостаточно. Когда я наконец справился с ним с помощью *posui adiutorem*, то сам выдохся и дрожал как осиновый лист.

Должно быть, я ввел вас в заблуждение, назвав его свиньей. Нет, благостная картинка жирной розовой свинки, похрупывающей капусткой в хлеву, тут не годится. Дикие свиньи огромны, весят до полутонны, покрыты лоснящейся проволоочной щетиной, здорово мускулистые. Настоящие, то бишь живые, известны подкупающей застенчивостью, они тихо сидят, притаившись в кустах. Если ты идешь по лесу, шумя как придурок, то никогда их не увидишь, пока случайно не наступишь на хвост. А как наступишь – тут тебе и конец. Доблестные охотники на чертовых кабанов с удовольствием расскажут тебе, что лесная свинья – самое опасное животное в Пермии, гораздо страшнее волков, медведей или лосей. Настоящие свиньи темно-рыжего цвета, а отец Гнато черен как смоль, и глаза у него красные, горящие, что уголья.

Когда завалишь возвращенца, с ним надобно поговорить. Я встал – ноги у меня подкашивались – и приблизился, тщательно соблюдая безопасное расстояние, даже после двойной дозы *logica*.

– Здравствуй, – сказал я.

Парализованная туша уставилась на меня, подрагивая пугающе человеческими ресницами.

– Мы знакомы?

– Я сын кузнеца.

– Точно. Ты уехал в город учиться на волшебника.

– Я вернулся.

Он хотел кивнуть, но у него не получилось.

– Что со мной будет?

– Ты и сам это знаешь.

Я понял, что он смирился со своей участью, достаточно трезво восприняв ситуацию.

– Боль... Мне будет больно?

Неприятная тема, но сомнений на этот счет не было.

– Боюсь, что да. Ты ведь живой.

Я не стал добавлять: сам виноват, что вернулся. Не будешь же спорить с тем, кому предстоит пройти через адовы муки.

– А потом... Я умру?

Ненавижу такие разговоры.

– Нет, ты не умрешь. Ты просто не сможешь больше распоряжаться своим телом. Жить будешь, но... делать ничего не сможешь.

Я чувствовал, как его охватил ужас. Да мне и самому стало не по себе. Честно говоря, нет ничего хуже, чем лежать в черной земле без движения... вечно... Но увы – не тебе решать, быть возвращенцем или нет, обычно профессионалы предупреждают о возможном исходе. Что ж, бывает... Невезение. И, конечно, наследственность. А Месоги за тысячелетия кровосмешения давно уже превратилось в одну большую семью. Хорошо бы меня минула сия участь, но даже я не в состоянии этого предотвратить.

– Отпусти меня. Я уйду далеко, в те края, где нет людей. Обещаю никому не причинять зла.

– Прости, если Орден узнает – мне конец.

– Они не узнают.

Действительно, откуда им узнать-то? Вернусь в город, скажу, что не справился со свиньей, они пошлют еще кого-нибудь, а к тому времени отец Гнато уйдет далеко (хотя они всегда возвращаются, с этим ничего не поделать). Я испорчу свою репутацию идеального агента. Вот будет здорово! Я иногда задумываюсь о своем дедушке – живые куски в сырой земле. Как бы я себя чувствовал?

– Извини, – сказал я. – Работа есть работа.

* * *

Мы распилили его на куски поперечной пилой. Если вы не в курсе, пилить надо вдвоем. Один пилит с одной стороны, другой – напротив. Один толкает, другой тянет. Я тоже приложил руку к процессу, из чувства долга, но у меня никогда не получалось попасть в ритм.

* * *

Я покидал родную деревню не в самом радужном настроении. Как уже было сказано, если ты победил свои страхи, наступает легкая эйфория. Я вернулся, больше мне не придется этого делать, груз сброшен с плеч. Я поднимался по утомительно длинному холму и вдруг поймал себя на мысли: не важно, чего я добился, здесь мои корни, здесь сокрыта часть меня самого. Наверное, возвращенцы натолкнули меня на эту мысль.

Видите ли, возвращение – типичное для Месоги событие. Возвращенцы есть и в других местах, но, когда удастся проследить линию предков, оказывается, что у них присутствует, хоть и капелька, крови Месоги.

Помоги нам Господи, мы не такие, как все. Из всех народов и рас мы единственные на Земле, кто смог достичь бессмертия, хоть и в таком вот неприглядном виде, возникшем от озлобленности и ведущем к бесконечной боли. Надежной статистики, конечно, нет, но мы считаем, что таких – где-то один на пять тысяч, среди них могу оказаться и я, и Гнато, и Квинтилий, и Сцевола, доктора наук и профессора чистой, незапятнанной мудрости, свирепствующие в ночи, ломающие ограды, хватающие путника за горло. Как я сказал, они всегда... мы всегда... возвращаемся, рано или поздно. Они... мы... И с этим ничего не поделать.

Гнато, гораздо больший оптимист, чем я, раньше хотел выяснить, как у нас это получается, почему избраны именно мы. Он намеревался сделать всех людей бессмертными. Гнато даже провел предварительные исследования, пока деньги не иссякли и он не занялся учительством, потом стал вникать в политику Ордена, что отнимает чертовски много времени и энергии. Возможно, он сохранил свои записи. Как и я, он ничего никогда не выбрасывает, и в его кабинете – настоящий свинарник.

* * *

Когда я добрался до Мачеры, река успокоилась, военные построили понтонный мост. Приятно видеть, как они делают для разнообразия хоть что-то полезное. Небольшая прогулка – и я смогу уплыть домой с относительным комфортом.

Я предвкушал дополнительное удовольствие от этой утомительной миссии. Дорога проходит через Иденс, ничем не примечательный городок, но там живет старинный друг, с которым я переписываюсь и с которым много лет не виделся: алхимик по имени Дженсерик.

Когда я сдавал вступительные экзамены, он был уже на пятом курсе, но мы сразу нашли общий язык. В год моего выпуска он уехал из Академии, получив должность настоятеля в Эстолейте, и затем переходил с места на место, унаследовал от дядюшки небольшой капитал и отошел от дел, занявшись независимыми научными исследованиями. Прекрасный особняк, парк с оленями и живописное озеро тоже являлись частью его наследства. Время от времени он просил меня скопировать для него какой-нибудь текст или поискать справку. Я не силен в алхимии, но это не имеет значения. Возможно, это даже хорошо, что мы не являемся коллегами – нет конкуренции, не нужно красть чужую работу.

Дженсерик отнюдь не пользовался уважением. Во-первых, он оставил Академию, во-вторых, о нем ходили сомнительные слухи, поговаривали о женщинах и незаконнорожденных детях. Но игнорировать ученого было невозможно, и с его стороны никогда не было недоброжелательного отношения. Из его писем было понятно, что он гордится тем, что окончил Академию, но при этом был рад оставить «клееварню», как он называл ее, уйдя в настоящий, живой мир. Ну что ж. У каждого свои недостатки.

Иногда твой затаенный страх оказывается на поверку вовсе не таким страшным, а предвкушение триумфа оборачивается горьким разочарованием. Я представлял себе нашу встречу: широкие улыбки, крепкие объятия, дружеская болтовня, хлещущая бурным потоком в попытке наверстать все то, что произошло за последние двадцать лет, когда он уплыл на корабле. Конечно, в реальности все было по-другому. Сначала мы смущенно молчали, думая про себя: «А приятель-то изменился, и не в худшую ли сторону, – с неизбежным размышлением: – Если он выглядит таким постаревшим, значит, и я тоже?» Потом чрезмерно широкие улыбки, приветствие с запинкой. Это словно клятвы, разрезанные пополам монетки, которыми обмениваются при расставании влюбленные, – по прошествии долгого времени разлученные половинки больше не соединишь.

Ну и ладно. Через полчаса беседа, слегка чопорная, чтобы не дай бог не ступить на скользкую тропинку, вошла в нормальное русло. Выручили профессиональные темы – мы ведь как-никак ученые, – поэтому я постепенно успокоился.

А вот к роскоши я готов не был. Отрочество в Месоги, взрослая жизнь в Академии, поездки в самую что ни на есть глухомань, ночлег на постоялых дворах, в деревенских гостевых домиках других Орденов. Что сказать, не привык я к хорошему постельному белью, подушкам, салфеткам, бокалам, коврикам, гобеленам, восковым свечам, белому хлебу, фарфоровым чайным сервизам, стульям со спинкой и подлокотниками, к вышколенной прислуге... особенно к прислуге. Во время обеда за нашими спинами стоял столбом мужчина, смотрел, как мы едим.

Он подавал нам миску с горячей водой для омовения рук между блюдами. Меня так и подмывало вовлечь его в нашу беседу, чтобы он не чувствовал себя обойденным вниманием. Понятия не имею, умел ли он вообще разговаривать. Еда была слишком жирной и острой на мой вкус, к тому же ее было слишком много, но я сосредоточенно продолжал жевать, чтобы никого не обидеть. И всякий раз, едва я расправлялся с одним блюдом, как тут же приносили новое, пока до меня не дошло, что это никакая не показуха, а образ жизни. Дженсерик жил, нимало не задумываясь о таких вещах. Я был в шоке, но, разумеется, не подал виду.

За обедом я поведал ему о недавних приключениях, а он показал мне свою гордость – лабораторию. Я знаком с основами алхимии, но работы Дженсерика – это нечто невероятное, и вскоре я запутался в терминах и нюансах. Главная цель моего друга оставалась все той же: поиск реагента или катализатора, могущего изменить основу одного вещества и превратить его в другое. Я не верю в эту ерунду, но важно кивал с заинтересованной миной на лице. В лаборатории все полки уставлены баночками, горшочками, две дубовые скамьи покрыты стеклом, печка-кроха, похожая на кузнечный горн моего отца, как маленький ребенок походит на взрослого. Дженсерик, сияя от гордости, продемонстрировал несколько опытов. После одного из них комната наполнилась лиловым дымом, я закашлялся и ничего толком не смог разглядеть.

Сославшись на усталость, я проследовал за слугой в просторную спальню, уставленную мебелью, которой хватило бы на большой городской дом. Кровать была размером с амбар, стены увешаны коврами («Свадьба Остроумия и Мудрости в Мезантийском стиле»). Я хотел было раздеться, но тут женщина принесла кувшин горячей воды. Что за жизнь – ни минуты покоя.

* * *

Проснулся я от того, что задыхался, будто тяжелый камень сдавил мне грудь. В комнате было темно. Я попробовал *lux in tenebris*. Бесполезно. «О-о», – подумал я. Как же я оплошал, не установив охрану перед тем, как закрыть глаза! Есть старинная военная пословица: «Худшее, что может сказать генерал: я этого не ожидал». Но здесь, в доме моего старинного приятеля... Да, влип.

Я едва ворочал языком.

– Кто здесь?

– Извини, – сказал Дженсерик. – Вряд ли ты простишь меня, но все же не принимай это на свой счет. Ты всегда был человеком непредубежденным.

Иллюзия давления, как я понял, была вызвана не действием некой силы, а ее отсутствием. Впервые в жизни я был лишен могущества! *Virtusexercitus*, мерзкое заклинание из программы пятого курса, подавляет талант, усыпляет его. Я превратился в обыкновенного человека. *Virtus* используют не часто, потому что он причиняет боль не жертве, а самому заклинателю. Существуют и другие формулы – с тем же эффектом. Дженсерик намеренно выбрал *virtus*, чтобы показать, как он сожалеет о содеянном.

– Так это из-за должности на кафедре Логики, – догадался я.

– Боюсь, что так. Видишь ли, у меня в Академии есть еще друзья.

Необходимо было любой ценой выиграть время.

– А капкан?

– Да, тоже моя работа. Родственники моего садовника. Жаль, что тебе пришлось их убить, но я понимаю. У меня есть связи. Я ведь тут живу.

Чтобы *virtus* продолжал действовать, надо сильно сосредоточиться. Напряжение изнуряет, выжимает все силы.

– Должно быть, ты очень любишь Гнато.

– Тут дело в интеллектуальных потребностях, – он вздохнул. – Мне требовался доступ к одной старинной формуле, но, увы, он весьма ограничен. Мой друг получил необходимое разрешение, добыл мне формулу, но на определенных условиях. Я бы и сам мог в конце концов прийти к ней, вывести из первопричин, но это займет годы, а у меня, знаешь ли, каждый месяц на счету. Даже владея формулой, для завершения работы потребуется не менее десяти лет. Мы ведь не знаем, сколько нам отпущено, да?

Он засмеялся.

– Извини, бестактно с моей стороны так вести себя при данных обстоятельствах. Послушай, ты ведь простишь меня? Я же не со зла. Ты должен меня понять как ученый ученого. Дело прежде всего. Ты представляешь, насколько оно важно, я же рассказал тебе.

Этот момент я пропустил мимо ушей. Его слова пролетели над моей головой, как гуси, спешащие на зимовку в теплые края.

– Хочешь сказать, что у тебя не было выбора?

– Я пытался действовать по официальным каналам, но мне отказали. Я не могу получить доступ, поскольку больше не работаю в Академии. Это несправедливо, – пусть я не живу там, но я выпускник Академии! Мой отъезд ничего не меняет, правда же?

– Ты мог бы вернуться.

Рано или поздно все возвращаются.

– Может быть... Нет, невозможно. Стыдно признаться, но мне тут больше нравится. Здесь так удобно работать. Никаких дурацких правил, политики, никто не станет глумиться надо мной и не пырнет ножом в спину из-за мелкой должности. Нет, я не стану возвращаться. С меня хватит.

– Мальчишка в Риенсе... тоже ты?

– Да, моя работа. Я нашел его и сообщил властям. Мне надо было заполучить тебя.

– Ты сделал гораздо больше, – это была лишь догадка, но мне нечего было терять. – Ты напичкал мальчишку злостью и ненавистью. Подозреваю, что ты приходил к нему в снах. Fulgensorigo?

– Естественно, я знал, что они пошлют на дело именно тебя. Ты незаменим. Будь это обычный кандидат, послали бы первого попавшегося под руку чародея. Чтобы заполучить тебя, я превратил его в опасного мерзавца. Увы, я причинил кучу неприятностей стольким людям.

– Но игра в конце концов стоила свеч.

– Конечно.

Боль, знаете ли, отвлекает внимание. Едва мне представится возможность причинить ему нестерпимую боль, уколоть его совесть... мне есть на что надеяться.

– Ну нет, дружище, твоя теория никуда не годится. В ней есть изъян, и я его заметил. Он настолько очевиден, что бросается в глаза.

Мне не требовались заклинания, чтобы читать его мысли.

– Ты лжешь.

– Не оскорбляй меня! Я никогда не лгу, если речь идет о науке.

Он замолчал.

– Да, верно. Хорошо, тогда что это? Давай, рассказывай.

– С чего вдруг? Ты же убьешь меня.

– Необязательно. Ну, расскажи, бога ради! Что ты заметил?

В этот момент кончиками пальцев я наконец нащупал то, что искал: бутылочку aqua fortis, которую я прихватил из лаборатории несколько минут назад, когда нас обоих окутал лиловый туман. Я поддел ногтем пробку и бросил бутылку в нужном, как я надеялся, направлении.

* * *

Aqua fortis безжалостна. На сострадание она не способна. Она разъедает сталь. Люди, знающие в этом толк, говорят, что боли сильнее просто не существует. Я припас ее для Гнато, разумеется, в целях самозащиты, если бы он устроил на меня засаду и попытался заколдовать. В таком случае спасти меня может только боль. Я не смог бы достать подобное вещество в Академии, к запасам зелий и декоктов с ограниченным доступом так просто не подберешься, но я знал, что у моего друга Дженсерика найдется подходящая жидкость и добыть ее не составит труда.

Боль поразила его внезапно, и он утратил контроль над *virtus*. Я возродился к жизни. Я произнес *lux in tenebris*, чтобы разглядеть, что именно произошло. М-да, зрелище не из приятных. Кожа на его лице пошла пузырями, обнажив череп. Я воочию увидел, как растворилась кость. Поверьте, я пытался спасти его с помощью *mundus vergens*, но не смог надлежащим образом сосредоточиться, глаза не отрывались от ужасной сцены. Боль парализует, вгрызается в мозг, и ты теряешь способность думать. Я простил его, и он умер.

Откровенно говоря, в его теории с самого начала крылся изъян, ошибочная посылка. Он был неплохим человеком и в основном хорошим другом, но плохим ученым.

* * *

Вернувшись в Академию, я направился напрямик к отцу Сулпицию. Я рассказал ему обо всем произошедшем, включая признание Дженсерика.

Он взглянул на меня и кивнул.

– Гнато, – сказал он.

– Нет, – покачал я головой. – Ты.

Он нахмурился.

– Не глупи.

– Твоих рук дело.

– Чушь! Слушай, я легко докажу свою невиновность – у меня нет доступа к алхимическим складам, а у Гнато есть.

– Правильно, – кивнул я. – Поэтому ты и попросил его их достать. Он был рад помочь. Вы ведь друзья.

– Неправда.

– Дженсерику пришлось искать кандидата в студенты. Ты на такое не способен, а вот Гнато умеет их находить. Если бы ты умел, не обратился бы к Дженсерику.

Он глубоко вздохнул.

– Бред, чушь. Но допустим, ты прав, что бы ты сделал?

Я улыбнулся.

– Ничего. Нет, вру. Я снял бы свою кандидатуру. Так же, как и ты.

– И что, позволить Гнато...

О, сколько презрения было в его словах! Он бы ударил меня, если бы отважился. Он всегда смотрел на нас с Гнато свысока только потому, что мы оба уроженцы Месоги.

– Он достойный ученый. И потом, мне никогда не нравилась эта дурацкая должность.

* * *

Мальчишка из Риенса объявился в Академии, и его приняли. Он вписался в коллектив достаточно легко, намного лучше, чем я в его годы. Имейте в виду, у меня не было такого влиятельного покровителя из «стариков» на факультете, как у него. При должной поддержке он многого добьется. Я очень надеюсь, что так оно и будет, во славу нашего Отечества.

И еще я рад, что не получил должность на кафедре. В противном случае у меня не хватило бы времени на исследования, на которые я возлагаю большие надежды. Они касаются использования сильных кислот, чтобы уничтожать останки возвращенцев. Мы знаем, что огонь в данном случае бесполезен, поскольку оставляет по себе пепел, но если вся субстанция пожирается целиком, растворяясь в кислоте, то ничего не остается. Что ж, посмотрим, что из этого выйдет.

«Он непременно вернется, – говаривал некогда мой отец. – Наряди свинью в серьги, а она – бултых в навоз». Он сказал это, провожая меня в Академию. И ладно. Посмотрим.

Мэган Линдхольм³

Мэган Линдхольм пишет романы в жанре фэнтези: «Голубиный волшебник» (Wizard of the Pigeons), «Полет гарпии», «Заклинательницы ветров», «Врата Лимбрета», «Колеса удачи», «Народ Северного оленя» (The Reindeer People), «Волчий брат» (Wolf's Brother) и «Расколотые копыта» (Cloven Hooves). Также на ее счету научно-фантастический роман «Чужая земля» (Alien Earth) и, совместно со Стивеном Брастом, «Цыган» (The Gypsy).

У писательницы есть и другой псевдоним: Робин Хобб – автор бестселлеров, продавший свыше миллиона копий в мягкой обложке в жанре фэнтези. Под псевдонимом Робин Хобб написано эпическое фэнтези «Сага о Видящих», включающее «Ученик убийцы», «Королевский убийца» и «Странствия убийцы», а также четыре связанные с ним серии: «Сага о живых кораблях», состоящая из книг «Волшебный корабль», «Безумный корабль» и «Корабль судьбы»; цикл «Сага о Шуте и убийце», в который входят «Миссия Шута», «Золотой Шут» и «Судьба Шута»; «Хроники Дождевых чащоб», состоящие из книг: «Хранитель драконов», «Драконья гавань», «Город драконов» и «Кровь драконов»; «Трилогия о Фитце и Шуте», состоящая из романов «Убийца Шута», «Странствия Шута» (Fool's Quest) и «Судьба убийцы» (Assassin's Fate). Она также является автором серии «Сын солдата», в которую входят «Дорога шамана», «Лесной маг» и «Магия отступника». Мэган Линдхольм и ее «альтер-эго» даже выпустили «совместный» сборник «Наследие и другие рассказы» (The Inheritance: And Other Stories).

Одолжение старому приятелю может повлечь за собой риск, разочарования и ловушки, особенно если вы давно не виделись, прекратив общение после резкого разрыва. К тому же он когда-то вас предал, и вы не настолько глупы, чтобы доверять ему. Особенно если дело касается опасной магии.

³ © Megan Lindholm, 2018; © пер. В. Соломакиной, 2018.

Общественные работы

Зазвонил телефон. Я сняла резиновые перчатки и взяла трубку. Телефон у меня старинный, желтый, с диском, висит на стене. Работает. Мне он нравится.

– Доброе утро. Зоогостиница.

– Селтси, это я, Фарки. Не вешай трубку.

Я повесила трубку. Снова надела перчатки. Не знаю, чем таким хозяин Покеды кормил своего кота, но в лоток тот не попадал, а уборка его «сокровищ», разбросанных там и сям, требовала недюжинных усилий. Но я предпочитаю убирать кошачье дерьмо, чем разговаривать с Фарки. Больше ему меня не облапошить.

Телефон звонил и звонил.

Я дала ему прозвенеть дважды, прежде чем вновь сняла перчатки. Звонки возможных клиентов пропускать не хотелось. Только три клетки в длинном ряду были заняты: я не отказалась бы еще от нескольких питомцев – постричь, помыть кого-то, – или чтобы кто-нибудь сейчас вошел в дверь с одной из моих визиток в руке, они у меня выполнены в виде карт Таро. Но полоса везения давно закончилась, и последнее предсказание прямо говорило – на удачу не надейся. Я вдохнула, прокашлялась и изменила голос.

– Гостиница домашних животных. Доброе утро.

– У меня неприятности, и никто, кроме тебя, мне не поможет.

– Добавь меня в список отказников.

Трубку – на рычаг. Перчатки. Щетка. Я с удовлетворением подумала, что наконец-то отомщу предателю. Сколько раз уже я помогала Фарки? А до меня мой отец. А чем он отплатил? Обманул и обокрал. Ублюдок всегда клялся, что чист, аки агнец. Умолял дать ему последний шанс. И конечно, был паинькой неделю, пару месяцев или даже почти год, пока в очередной раз не совал свой нос в наркотики. И пиши пропало. Он «брал кассу» в мое отсутствие или делал копию ключа от комода и возвращался ночью, чтобы прихватить с собой все, что только можно заложить в ломбарде. Дай Фарки машину на ночь – проснешься, а половина драгоценностей тью-тью. Нет. Спасибо. Сыта по горло. Если урод вляпался в неприятности, то так ему и надо. Я лишь похихикаю в кулачок.

Любопытно, конечно. Во что он вляпался на этот раз и насколько глубоко? Как бы там ни было, сам виноват. Опять небось ночует на улице? Кинул наркодельца? Приятно было бы услышать, как он выплачет все свои неприятности, и потом послать его в далекое пешее путешествие.

Телефон звонил.

Я рассеянно считала звонки, пока снимала резиновые перчатки и наливала себе чашечку кофе, затем добавила сливок и уселась на табурет перед аппаратом.

Я сняла трубку и проговорила суровым, как арктический лед, голосом:

– Гостиница для домашних животных. Доброе утро.

– Селтси, клянусь, я чист! И не то чтобы никто мне не хотел помочь, они просто не могут. Только ты, ты одна! Мне нужна эта волшебная туфта, ну, как ты умеешь. Слушай, я тебе заплачу, правда. Или отработаю, или еще что-нибудь.

Слова лились из него нескончаемым визгливым потоком. Я молчала.

Ни словечка в ответ.

– Селтси, ты на проводе? Хорошо. Слушай, просто выслушай меня. Я, конечно, сволочь, хреново обошелся с тобой. Прости. Мне на самом деле жаль. Если б только мог, вернул бы ожерелье и сережки, но чувак не помнит, кому их толкнул.

Меня снова захлестнула волна гнева. Серебряные сережки в форме единорога и ожерелье – подарок отца и бабушки на мое одиннадцатилетие, как компенсация за отсутствие

совиной почты из Хогвартса: «Настоящее серебро для настоящей маленькой волшебницы». По крайней мере, открытка сохранилась. Но сережки и ожерелье исчезли. Часть моего детства украдена навсегда. Я поперхнулась, испытывая целую гамму сложных чувств: злость, боль, утрата? Плотно сомкнула веки, не давая пролиться слезам. Потом открыла глаза. Мокрые ресницы. Молчу, молчу. Не желаю, чтобы он слышал боль в моем голосе.

– Слушай, Селтси, ты еще там? Или трубка болтается у стенки? Селтси, послушай. Если ты меня слышишь, я здорово вляпался, и не только я. Селма тоже. Не знаю, сможешь ли ты уладить дело, но если не ты, то никто уже не поможет.

Угу. Селма. Как и с Фарки, мы учились с ней в одной школе. Она ушла после одиннадцатого класса. Мы продолжали общаться постольку-поскольку. Она работала в кафе «Дорогой кофе» в шести кварталах от меня. Я сглотнула слюну. Неделью назад я как раз наслаждалась ее кофе, редкое удовольствие для меня. В тот день она выглядела подавленно. Даже не спросила, как мои дела, зато поинтересовалась, что я желаю, хотя прекрасно знала, какой кофе я предпочитаю.

– Что случилось с Селмой? – спросила я ровным голосом.

Нетрудно догадаться. Наверное, он и ее обчистил до нитки.

– Я расскажу тебе, но это действительно долгая история. Могу я зайти?

– Нет. Судебный запрет все еще в силе.

Ложь. На самом деле он истек несколько месяцев назад.

– Что? Все еще в силе? Боже, Селтси, уже год миновал!

– Да, у него срок больше года.

– Хорошо. Пускай. Но мне нужна твоя помощь. Твоя магия. Ты должна это сделать ради Селмы, если не для меня.

– Ради Селмы – пожалуй, но не ради тебя.

Похоже, произошло что-то из ряда вон и благодарности можно не ждать.

– Хорошо, согласен. Несколько месяцев назад я попал в беду. Клянусь, я не знал, что так получится. Броди просит меня подвезти его до магазинчика. Хочет, типа, кукурузную лепешку с начинкой. Я везу его, и он говорит: «Подожди меня». Входит внутрь, потом выбегает оттуда, залезает в машину и кричит: «Езжай, езжай!» Я еду, он оглядывается, а я думаю: «Что, к чертям, он там делал?» Он говорит мне поколесить немного до Лейквуд и обратно. У него на коленях коричневый мешок. Когда мы приезжаем к нему домой, он вытряхивает из мешка на стол деньги.

Ну, я так и думала. Это же Броди.

– Тут я ему: «Ты что, магаз обчистил?» А он: «Чувак, я купил прошлый раз у них три лепешки, пришел домой, а в пакете только одна. Я вернулся. Они говорят: «Нехорошо», но толку чуть, ничем не помогли, поэтому они как бы у меня в долгу». Я ему: «Это ты зря, глупость сделал». И тут в дверь ломятся. Копы. Увидели его на камере наблюдения и сразу узнали. Ну и меня тоже арестовали.

Я уже устала от этой жалкой хрени.

– А Селма-то тут при чем?

– Я как раз к этому подвожу.

Слезливые, визгливые нотки в голосе, знакомые до тошноты. Я чуть не бросила трубку, но сжала ее покрепче и прикусила губу, набираясь терпения.

– Так вот. Мне досталась судья Мейбл. Слышала о ней?

Еще бы. В Такоме все знают судью Мейбл. Она местное сокровище. Заставила магазинных воришек носить сэндвич-рекламу перед магазинами, в которых они воровали. А любители «клубнички» в дождь и зной стояли с дорожными знаками на тех углах, где пытались снять девочек. Я ждала продолжения.

– Она мне, типа, говорит: «Раз вы так любите катать друзей, то можете подвозить пожилых граждан, которым потребуется куда-нибудь поехать». А если клиенту услуга не придется по нраву – в тюрьму.

Ну, я и согласился, думал, что легко отделался. Через несколько дней получаю задание и на автобусе еду к миссис Труди Мего, потому что машины у меня нет. Стучусь, она выходит, и это, типа, не какая-нибудь добрая бабуля. Натуральная обитательница склепа в женском платье. Костлявая физиономия, сквозь седые патлы проглядывает странной формы череп, на высохших лапках перчатки, вся в черном: платье, чулки, туфли. В руках черная трость, да еще черная сумочка, из которой торчит сложенная газета. Но черт с ним, все равно лучше тюрьмы, правда? Под навесом стоит старый «Мерседес», в общем, круто. Я раньше никогда не ездил на «мерсе».

Ну, дает она мне ключи, я открываю дверь. Вроде все в ажуре, сажусь в машину, внутри воняет уксусом. Сильный запах. Я завожу «мерс», и вдруг она вопит как резаная: «Вылезай! Открой мне дверь!» Типа хочет сесть сзади, а я буду сидеть впереди один. Да ради бога! Я выхожу, открываю заднюю дверцу, она подходит к машине, садится и потом наклоняет голову, втягивает в машину руки, ноги и трость. Клянусь, ну чисто тебе паук, осьминог или какое-то животное, прячущееся в норку. Я закрываю дверцу и спрашиваю, в какой магазин поедem. Она выхватывает из черной сумочки сложенную газету и говорит: «Поезжай. Потом скажу». Я ей: «Я должен вас отвезти в магазин». Она наклоняется и бьет меня газетой по затылку, попутно сообщая, что машина ее и она скажет, куда ехать, когда будет готова. В противном случае она пожалуется в социальную службу. Потом достает из сумочки как-там-это-называется и начинает пудриться целую вечность.

Эта басня меня изрядно утомила. Я подумывала бросить трубку, пусть себе болтается у стены на витом проводе, а я пойду, почищу клетку. Я оглянулась, чтобы взглянуть через дверь со шторами на переднюю комнату моего магазина. За окном шел дождь, очереди страждущих покупателей снаружи не наблюдалось. Я растянула телефонный провод на всю длину и налила себе еще чашечку. Долгий, смакующий глоток божественного кофе.

– Селтси? Ты здесь? Я слышу, ты пьешь кофе. Черт, я испугался, что ты бросила трубку. Или нет, не бросила, я бы услышал гудки, просто на минутку отпустила, да?

– Я брошу трубку, если ты так и будешь сопли жевать. Что случилось с Селмой?

– К этому-то я и веду. Но погоди, все по порядку, иначе ты не поймешь.

– Так в чем же дело?

– Знаешь, я звоню из аптеки, и у меня кончились монеты. Можно я приду? По-жа-луй-ста!

Мне хотелось встретиться с ним в парке, но сидеть на мокрой скамейке под дождем рядом с этим...

– Хорошо, – сказала я и повесила трубку.

Вот же идиотка. Знаю ведь, что нельзя его пускать. Я почистила клетку и оставила ее сохнуть. Вытащила чистые подстилки из стиральной машины и положила их в сушилку. Я вынимала посуду из посудомоечной машины, когда звякнул дверной колокольчик. «Звонок-попрыгун», так называли его папа и дедушка, колокольчик был из старомодных созданий, такой, на пружинке. В магазинчике осталось много всякой ерунды с тех времен, когда дедушка держал тут волшебную лавку. Его товары – карты для фокусов, цилиндры, перчатки на большой палец, шелковые шарфы и дымный порошок. Насколько я помню, в магазинчике продавались только необычные вещи. Иногда мне становится интересно, что бы он подумал обо мне? Ошейники, поводки, кошачьи игрушки на той самой витрине, где раньше висел реквизит для волшебных фокусов.

Колокольчик возвестил о приходе почтальона. Когда вошел Фарки, я сортировала счета по дате оплаты. Настоящее имя моего приятеля Эммануэль Фаркар. Фарки звучит ничуть не

лучше. Я своим глазам не поверила! Чисто выбрит. Подстрижен. Дорогая рубашка застегнута на все пуговицы. Джинсы и ботинки. Я не видела, чтобы он выглядел лучше с тех пор, как мы фотографировались для школьного альбома в восьмом классе. Он взглянул на меня слезливыми карими глазами.

– Она заставляет меня так одеваться, – пожаловался он. – Вручила мне эту рубашку и отобрала мою майку с «Нирваной».

Затем, прищурившись, Фарки оглядел магазин.

– Что-то слишком тихо. Где Купер?

Купер – большой трехцветный кот, которого мне подбросили четыре года назад.

– Спит где-нибудь, – для светских бесед настроения не было. – Так что там с Селмой?

– Я расскажу тебе, расскажу.

Грустный взгляд, оббегающий полки и прилавок.

– Может, сядем за стол? Как раньше.

Ну что я за дурочка. Совсем как мой отец. Стоило Фарки упомянуть, что мы больше не друзья, и я уже не могла вышвырнуть его за дверь, как следовало бы поступить. Мы прошли в заднюю комнату. Когда-то здесь располагалась маленькая кухонька для крошечной квартиры за магазином. Сейчас это магазинная кладовка, но в ней сохранился круглый красный стол с хромовой окантовкой. И четыре стула с обтянутыми винилом сиденьями и спинками были почти целиком красными, если не обращать внимания на дырки, заклеенные темным скотчем. Вздыхнув, Фарки уселся. Я налила ему чашку кофе и подогрела свой. Машинально. А как бы поступили папа и дедушка?

– Селтси, мне так...

– Что случилось с Селмой?

Если он снова начнет мямлить извинения, я никогда его не прощу. Ужасно выслушивать такую неуклюжую хрень, когда вся твоя боль – наружу и всем видна. Он сделал большой глоток кофе и вздохнул.

– Я так замерз! О'кей, о'кей. Итак, я еду, поворачиваю, где миссис Мего мне указывает, и мы останавливаемся у Фреда Мейера. Мне велят ждать в машине. Она делает покупки, выходит с тремя пакетами и тележкой, которую толкает упаковщик. Я укладываю в багажник пакеты, открываю дверцу, чтобы она могла вместить свою задницу. И, когда я сажусь в машину, она сообщает адрес. «Что?» – говорю я. А она: «Не важно, придурок, я покажу дорогу». Выезжаем с парковки, она показывает дорогу, но навигатор из нее так себе. Ну да ладно.

Он мнется, видя, что меня бесит его ахиня.

– Так вот, подъезжаем к месту, там реклама «Распродажа». И товары перед гаражом на столах и на простынях, прямо на лужайке. Я открываю ей дверцу машины и следую за ней взглянуть, потому что, чем черт не шутит, может, что приглянется.

Он бросает вороватый взгляд в сторону.

– Черт, покурить бы. Не найдется сигаретки?

– Я не курю. Ты прекрасно это знаешь. Продолжай.

Фарки встал из-за стола, налил себе еще кофе и подлил мне. Он так быстро здесь освоился, точь-в-точь блудный кот, который возвращается домой, только когда ему подобиют глаз или порвут ухо. Я ждала.

– Итак, она идет к игрушкам, шарит, словно ищет какое сокровище. Барби, пластиковые тематические наборы, динозавры, в общем, всякое барахло. Но она аккуратно берет каждую вещь, подносит к лицу одну за другой. Затем кивает мне, и я открываю дверцу машины. Мы едем дальше на такие же точно барахолки, где-то пять или шесть базарчиков. Я, по идее, должен работать два часа в день, а прошло не меньше четырех. Мы подъезжаем к очередному гаражу, где мужчина и женщина еще раскладывают товар и говорят: «Мы еще не готовы». А миссис Мего их словно бы не слышит, начинает копаться в коробке с куклами. Она долго

держит в руках одну куклу, но, как только хозяйка выносит коробку из-под обуви, миссис Мего роняет куклу и хватается за коробку. «Сколько?» – спрашивает. Женщина просит доллар, миссис Мего расплачивается и спешит к машине, стуча тростью по тротуару: тук, тук, тук. Я открываю ей дверь. Она бросает сумку на сиденье и плюхается задом, сжимая коробку двумя руками, как невеста какое сокровище.

Кажется, я выпила много кофе, тянет в туалет.

– Я в туалет. Жди здесь.

Я подумала было сказать, чтобы он ничего не трогал, но не хотелось лишний раз с ним заговаривать – желчь так и кипела из-за этого гаденыша. Он потупил глаза и сжал кружку.

Когда я вернулась, он курил сигарету. В центре стола стояла папина старинная стеклянная пепельница. Я возмутилась, что он тянет лапы к моей собственности, но, как выяснилось, то были еще цветочки.

– Черт возьми, Фарки! Где ты взял сигарету?

Я догадывалась и боялась ответа.

– В ящике с волшебным хламом, – тихо признался он.

Фарки ссутулился и втянул голову в плечи, как нашкодившая псина, которую сейчас стукнут по лбу газетой.

– Там еще зажигалка была, – добавил он и щелкнул ею перед моим носом.

Не какая-нибудь пластмассовая дешевка: серебряная «Зиппо».

– Черт бы тебя побрал!

Я шагнула к комоду и притронулась к ручке ящика. Мертвый. Полностью разрядился. Никакого жужжания.

– Фарки, я подпитывала и заряжала его целый месяц. И как раз в тот самый момент, когда он нам может понадобиться, ты сжигаешь магическую силу из-за дурацкой сигареты!

– Но мне нужна была сигарета! – заскулил гаденыш. – И ящик, словно он помнит меня, дал мне хорошую зажигалку.

– А я подпитывала его целых два месяца и ничего не просила! И если он нам срочно понадобится, то...

Я задохнулась от гнева. Фарки. В этом весь Фарки. Каким местом, черт возьми, я думала, выпускаю его в дом? Я шумно плюхнулась на стул.

– Селма, – процедила я сквозь зубы.

– Да-да, я помню.

Он затыкнулся и стряхнул пепел с сигареты.

– Как я уже сказал, старушечка потащила обувную коробку к машине. Я обогнал ее, чтобы открыть дверцу, и подумал, что раз она накупила всякой всячины, то возвращаемся домой. О'кей. Я захлопнул дверцу, залез в машину и не успел ничего спросить, как вдруг она командует: «Поезжай». А я: «Куда?» «Поезжай, кретин». Ну, еду.

Фарки глотнул кофе и обвел глазами кухню.

– Боже, как же хочется есть.

Он бросил жалостный взгляд на банку с печеньем, зная, что это «собачья радость». Я достала пару бананов. Он сразу очистил свой, откусил половину, пробубнил что-то с набитым ртом. Сигарета – в одной руке, банан – в другой. Я ненавидела его, хотя это не имело смысла, я же знала, чего от него ждать.

– Я проехал с квартал, когда сзади донесся знакомый звук. Когда-то у меня была собака, любительница пожевать пластмассу. Такое сочное чмоканье забыть невозможно. Я посмотрел в зеркальце. В коробке лежали зеленые пластиковые солдатики. И тут я увидел, как миссис Мего положила в рот «ползущего пехотинца» и откусила. Раскусила его пополам и жевала с открытым ртом, шумно дыша носом и ртом одновременно. В зубах ее торчали зеленые кусочки. Она жевала пластик, как засохшую ириску, споро работая челюстями, полуприкрыв

глаза, словно в экстазе. Я не знал, что и подумать, поэтому просто вел машину. Она сожрала все содержимое коробки! Потом сказала: «Вези меня домой». Привожу, открываю дверцу, она свешивает ноги, юбка задирается, и я думаю, что для старой дамы ножки в черных чулках слишком хороши. Она протягивает мне руку, как какая-нибудь принцесса, и, когда я подаю ей свою, выходит из машины, и – святые угодники! – передо мной уже совсем и не старуха. Ну, конечно, и не девчонка, а из тех дамочек среднего возраста, с которыми можно неплохо провести время. Лицо ее покрыто потрескавшейся коркой из пудры, и она командует: «Отнеси еду в кухню». Она заходит в дом, я несую покупки и кладу их на кухонный стол, а ее там нет. Вылизанная до блеска кухня, пустые столы. Я хотел положить продукты в холодильник, но это была не еда, а бумажные полотенца, моющее средство и тому подобное. И ухожу.

Я молчала. Первое, что пришло на ум, «пикацизм» – извращенный аппетит. В моей школе была девчонка, которая срывала пуговицы с пальто и ела их. В детском саду ребята иногда едят зубную пасту. Люди с пикацизмом лакомятся самыми необычными вещами. Но сжевать целую коробку пластиковых солдатиков – это уже перебор. Старческое слабоумие? Никогда о таком раньше не слышала и понятия не имею, как с этим бороться. Да и надо ли? Старушка ест детские игрушки, при этом молодеет. Кому это мешает?

Фарки встал и выбросил банановую кожуру в ведро под мойкой. Он с тоской оглядел кухню. С ней много чего было связано, как у него, так и у меня. Он забегал перекусить после школы, поиграть в «Волшебные карты» или «Ключ» за этим самым столом. Подростком он приходил к моему папе залечивать раны после драк, когда у него никого не было дома. Мое сердце ожесточилось. Он сам виноват в том, что здесь ему больше не рады. Не плюй в колодец...

– Селма, – напомнила я.

– Да-да.

Он вернулся к столу.

– Вот так все и было. Дважды в неделю. Я должен был возить ее к врачу, в аптеку, в банк. Но мы ездили на распродажи. За игрушками. И всегда одно и то же: поднимает, держит, потом покупает. И все съедает! Сорок пять предметов из «Радуги» лягушонка Кермита, игрушечных роботов из «Броска «Коб». Изрядно потрепанную «тряпичную Энн» миссис Мего разорвала зубами, как собака, и съела. И всегда одинаково: выходит из дому старая дама, а возвращается женщина средних лет.

– Селма, – снова напомнила я.

– Да. Насчет нее... Это вообще кошмар. Она снимает маленький домик на Джей-стрит, ты знаешь.

– Да.

– А я вот не знал. Мы подъехали на очередную распродажу, и я сначала не узнал Селму. Она сидела на стульчике, на газоне, в широкополой шляпе и шортах. Помнишь ее волшебные карточки? Ее красивый альбом? Она медленно перебирала карточки, складывая их в стопки на раскладном столике. Миссис Мего увлеченно копалась в корзинке с пластиковыми пони, а я подошел к Селме поздороваться. Ей срочно нужны были деньги, и она надеялась продать карточки. Старые коллекционные карточки ведь можно выгодно продать. На столике лежали раскрашенные фигурки из «Подземелий и драконов». Мы поболтали о наших детских играх в этой самой кухне, она даже вспомнила названия фигурок и подземелий, мы смеялись, повторяя: «А помнишь?» Тут подходит миссис Мего, наклоняется, рассматривает фигурки и спрашивает: «Почем?» И у меня появилось плохое предчувствие.

Фарки сделал драматическую паузу, и мне захотелось его чем-нибудь стукнуть. Как это я забыла, что он любитель театральных эффектов. Я бросила взгляд в переднюю комнату. Покупателей не было.

– Так что же случилось? – спокойно спросила я.

– Селма пыталась сказать, что они еще не продаются, она их только сортирует и пока что не решила, с какими именно расстанется, но миссис Мего наклоняется и грубо так спрашивает: «Сколько?» Селма выходит из себя и отвечает: «Четыреста за все».

Он снова делает паузу. Сраный позер.

Потом тихо продолжает:

– Миссис Мего достает черную сумочку и отсчитывает сотни, потом по пятьдесят, двадцать... Селма молча наблюдает, по лицу видно, что ей не хочется расставаться с барахлом, а может, она жалеет, что не запросила тысячу. Деньги грудой насыпаны на столике, а миссис Мего торопливо, словно куда-то опаздывает, собирает карточки и фигурки. Заодно она схватила и альбом. Помнишь, у Селмы был такой для стикеров? Ну вот, его тоже прихватила. Она ринулась к машине и даже сама рванула дверцу – так ей было невтерпеж. Вскрабкалась в салон, прижимая рукой к груди игрушки, чтобы не дай бог не выронить раскрашенных клириков и варвара. Помнишь такого? Всякий раз выходил победителем, когда мы играли.

Он затушил окурок.

– Помню, – кивнула я, представив фигурку.

– Я стоял там, а Селма словно застыла. Посмотрела на деньги и сказала: «Мне правда нужны деньги. Но не такой ценой». И заплакала: горько, без единого всхлипа. А в машине миссис Мего заталкивала игрушки в рот и жевала. Она срывала коллекционные карточки со страниц альбома и ела их. Я загородил ее своим телом, чтобы Селма этого не видела. Я произнес что-то типа: «Мне жаль, что она взяла твою куколку. Она мне так нравилась, ее ведь звали Сельмия, да?» Но Селма вдруг быстро стребла деньги, будто боялась, что я их отберу, и ответила: «Чушь, Фарки. Я даже не помню, как играть. Катись-ка отсюда, пока не распугал мне настоящих покупателей». С таким злом, Селтси, веришь? И она не шутила.

Я вернулся в машину и, не спрашивая, повез миссис Мего домой. Когда она выходила из машины, то выглядела лет на двадцать или, может, чуть старше. В своем черном платье и чулках идет такая, покачивая бедрами, словно танцуя, обутая в старые туфли, как шлюха, хватая меня за задницу и говорит: «Мальчик, я вижу, тебе нравятся мои ноги. Хочешь узнать, где они заканчиваются?» Я едва не обделался со страху.

Он перевел дыхание.

– Я пару раз после того случая заходил к Селме в кафе. Первый раз, когда я поздоровался, она, похоже, была в шоке, что я знаю ее имя. А во второй раз она налила мне кофе с собой и заявила: «Босс не любит, когда здесь ошиваются наркоманы». Сначала я решил, что это такая идиотская шутка, но нет. Селма, знавшая меня, исчезла.

– А миссис Мего?

– Какое-то время она еще оставалась молодой. Я возил ее в торговый центр, а однажды пришлось ждать часа два перед магазином, пока она не привела какого-то чувака. Он чуть не хрюкал от восторга, что у нее машина с личным водителем, и пришлось везти их к нему домой и полночи караулить в машине.

Я удивленно взглянула на него.

– А что? Одна жалоба от нее, и я в тюрьме, Селтси! Но она снова начала стареть и пудриться. Сезон распродаж подошел к концу, и я не знал, откуда она возьмет еду. И мне кажется странным, что она ела старые игрушки. Понимаешь, словно это нечто большее, чем просто игрушки. А кто может остановить ее? Кроме тебя, я никого не знаю. Угомони ее.

Он сел на стул, достал из кармана рубашки пачку «Кэмела», вытащил сигарету.

– Ты выпросил у ящика целую пачку сигарет?

Он помедлил, вертя в пальцах сигарету и зажигалку.

– Прости, я не смог представить одну сигарету.

Я в отчаянии обхватила голову руками. Он исчерпал магию волшебного ящика из-за чертовой пачки сигарет и зажигалки! Фарки зажег сигарету, затянулся и выпустил струйку дыма к потолку.

– Ну и вот. Что будем делать?

– Не знаю, – категорично сказала я.

– Но ты что-нибудь придумаешь, а? И поскорее.

– Постараюсь. А сейчас уходи. Как придумаю, позову. Добавь денег на телефон.

– У меня нет денег.

– Ладно.

Я перевернула банку с печеньем. Заначка в двадцать долларов была все еще приклеена ко дну. Удивительно. Увидев сигарету, я решила, что денежки утекли в его карман. Я бросила их на стол.

– Сейчас же пойди и положи деньги. Аптека недалеко, в трех кварталах. И не вздумай их тратить, они мои.

– А вдруг кто-нибудь позвонит?

– Не отвечай. Да двигай уже, Фарки. Я делаю это ради Селмы, не для тебя.

– Обидно, Селтси. Что ж... Знаю, сам виноват. Но все равно обидно.

– Этого я и добивалась, – холодно отрезала я.

Я выпроводила его из магазина. Дождь на время стих. Фарки обхватил себя руками – замерз, бедняжка, – и быстро ушел. Я решила без промедления повидаться с Селмой, удостовериться, что он не навешал мне лапши. Но жизнь всегда вносит свои поправки, а может, кто-то наколдовал, ставя препоны: ко мне потоком хлынули клиенты. Такса, два хорька, старый серый котяра, пара лоснящихся черных кис – все поселились в клетках моей гостиницы прежде, чем я смогла на часок прерваться. Я повесила табличку «Скоро вернусь», заперла стеклянную дверь и вдобавок опустила рольставни. Фарки ловко вскрывал любые замки.

Я подняла воротник ветровки и пробежала трусцой шесть кварталов до кафе. Народу было много, Селма стояла за прилавком, одновременно принимая заказы и отработанными с годами движениями готовя кофе. Второй бариста напоминал сумасшедшую белку, он шмыгал туда-сюда и только мешал Селме. Она сосредоточила внимание на покупателе, которого обслуживала. Я заняла очередь. Подождала, пока Селма меня заметит. Она меня не узнала, хотя дважды улыбнулась, окидывая взглядом клиентов, все ли довольны обслуживанием. Подошла моя очередь.

– Мне большую порцию охлажденного латте без сахара. С соевым молоком. И рогалик.

– Хорошо, – Селма вбила заказ в кассовый аппарат, только пальцы замелькали. – Что-нибудь еще?

– Селма, – окликнула я.

Она взглянула на меня.

– Ой, Селтси. Рада тебя видеть. Что-нибудь еще?

Я покачала головой.

– Семь долларов восемьдесят пять центов.

Я полезла в карман.

– Черт! Оставила кошелек в магазине. Скоро вернусь.

– Хорошо. Следующий.

Я вышла на улицу пошатываясь, к горлу подкатывала тошнота. Моя давняя подруга. Неужели она забыла, что от соевого молока меня тошнит, как это случилось много лет назад в машине ее матери? И что я ненавижу рогалики. Разве она не знает, что от искусственных подсластителей в наших с ней головах мозги сворачиваются в сумасшедшие спирали? Что-нибудь, конечно, вполне могло подзабыться в такой тяжелый день. Но не все! Если только у нее не украли какую-то часть души.

Я возвращалась к себе в магазин, внимательно разглядывая тротуар – нашла в сточной канаве обшарпанный цент и голубую девчоночью заколку-бабочку, довольно-таки грязную. Я открыла дверь и вошла. Все было на своих местах. Я прошла в кухню, потирая шрам на шее. Иногда его дергает от холода. Я открыла волшебный ящик со старьем, бросила заколку и цент. Помешала содержимое, не зная, что попросить. Иногда он сам подсказывает. Но только когда заряжен. Итак, в наличии: обрывок билета, свечной огарок от фонаря из тыквы, сверкающий алый брелок-башмачок на цепочке, линейка, засохший оранжевый маркер, мраморное яйцо для штопки, три заколки... – барахло, которое волшебный ящик делал просто так, забавы ради. Я задвинула ящик.

Остаток дня тянулся, как ириска. Купер уселся у кассы. Такса тявкала на него, пока он не огрызнулся и не зашипел в ответ. Одна из черных кис жалобно кричала. Все получили по сардине и кое-что еще, и на некоторое время в магазине установилась тишина. Я задумалась, как избавиться от пожирательницы игрушек. Как, интересно, она распознает дорогие для человека игрушки? Как она стала такой? Следует ли людям ее опасаться, или же с Селмой случилось что-то другое?

И вообще, действительно ли произошло нечто из ряда вон выходящее, или мы просто изменились за эти годы? Как же я не спросила Селму, продала ли она свои коллекционные карточки? Фарки – трепло, каких свет не видывал. И чокнутый к тому же. Ведь сжег весь заряд волшебного ящика из-за обычной сигареты. Игрушки. Дорогие человеку вещи. Наверху в шкафу стоит коробка с двумя старыми, набитыми ватой игрушками – Терри и Бумером. Что случится со мной, если пожирательница игрушек их съест?

Я смухлевала, закрыв магазин на пятнадцать минут раньше срока. Когда все рольставни были опущены, я открыла клетки и выпустила «содержимое», как люди их называют, будто собаки, кошки и хорьки – вещи, отданные на хранение за ненадобностью. Купер подремывал около кассы. Я его растолкала.

– Куп, отведи их наверх.

И он отвел. Спрыгнул на пол со стуком двадцативосьмифунтовой гири, оглядел постояльцев и повел их к маленькой дырке в двери, ведущей наверх. Я наблюдала: хорьки спешили – чапоньки-лапоньки за котами, и завершала шествие такса. Она задержалась на мгновение в дырке, слегка покачиваясь, и полезла внутрь.

Закрыв магазин, я собрала весь мусор, наполнила плошки свежей водой и отправилась за питомцами. Я медленно поднималась по лестнице с обшарпанными ступеньками, где только по краям сохранился красный цвет. Я прошла мимо запертой двери на второй этаж. Эту часть я называла наследством. За этой дверью в углу сгорбился блестящий музыкальный автомат, ожидающий монетку. На стене висели две лосиные головы, словно угрожающие друг другу, стоял шкаф с первыми изданиями Киплинга, старинными игрушками, лучшими долгоиграющими пластинками и сотней других расчудесных вещей, которые никем другим не ценились бы так высоко, мои восхитительные драгоценности. Пир для пожирательницы игрушек? Наверное.

Я вскарабкалась на следующий пролет лестницы и вошла в свою квартиру. Квартира у меня что надо: три спальни, кухня, удобная ванная комната и библиотека. Не понимаю тех, кто устраивает в квартире гостиную, когда можно устроить библиотеку. Возле книжных полок – мягкий обшарпанный диван и два столь же мягких кресла, обтрепанные там, где Купер, да и другие коты, точили когти. На консоли стоит старый телевизор с девятнадцатидюймовым экраном, на соседней тумбочке – проигрыватель. Все работает. Зачем менять вещи, если они работают? Я подогрела в микроволновке остатки куриного рагу по-китайски и положила на тарелку хрустящую лапшу. Потом пошла в спальню и открыла шкаф.

Терри и Бумер хранились в большой коробке из-под зимних сапог. Я вытащила их и внимательно осмотрела. Терри – набитый ватой игрушечный терьер. Сейчас он похож на мешок с комковатой свалявшейся начинкой. Остались только фетровые круги с глазами-пуговками,

а уши давно утратили жесткость. Кое-где у Бумера виднелись полоски, единственное свидетельство тигровой породы, два уса и безвольно обвисший хвост. Я поймала себя на том, что глажу эти помятые тряпичные игрушки, словно домашних любимцев. Я снова уложила их в коробку и прикрыла оберточной бумагой.

– Спокойной ночи.

В детстве я всегда с ними так прощалась, когда они лежали на моей кровати, той же самой, на которой я сижу сейчас. Игрушки впитали целые озера детских слез, пролитых из-за мальчишек, не замечавших меня, и из-за проваленных экзаменов. Они сопровождали меня, когда я уехала учиться в колледж, и украшали мою кровать в спальне. И вернулись со мной в родную Такому.

Я накрыла коробку крышкой. Почему я их не выбросила? Правда, что в них такого, помимо куска облезшей ткани с дешевым наполнителем? Ответ дурацкий и простой: Терри и Бумер – мои друзья, свидетели тысячи придуманных игр. Они были со мной, когда казалось, что в целом свете я никому не нужна.

Я представила, как миссис Мего их ест. Уничтожает успокаивающие объятия после липких ночных кошмаров, слезы из-за Стива, порвавшего со мной на глазах у всех в школьном автобусе. Желтые зубы рвут потрепанную ткань, жуют старую вату.

Нет. Надо остановить пожирательницу игрушек. Но как?

Решение казалось очевидным. Поедая любимые кем-то игрушки, она молодеда. Что, если дать ей что-то ненавистное? Хранит ли кто нелюбимые игрушки?

Я пыталась вспомнить игрушки, которые мне не нравились. Отвратительные уродцы: обезьяна ростом с двухлетнего ребенка, казалось, она хватает меня эластичными руками, кукла-модель с раскрашенными глазами шлюшки и сжатыми губами серийного убийцы. Ой, был ведь еще клоун с огромным ртом, красными губами и тусклыми темными глазами. Что с ними стало? Двух кукол папа отдал в благотворительный магазин. Одну я закопала у автобусной остановки.

У своего бизнеса есть определенные недостатки: в рабочее время хозяин не может бросить магазин. Особенно если клиент пожелает забрать своего любимца. Весь следующий день я висела на телефоне, обзванивала секонд-хенды, разыскивая игрушечных обезьян и клоунов. Потом я попытала счастья у старьевщиков и коллекционеров. Ни обезьян, ни клоунов я не нашла, но пара магазинов, работавших до позднего вечера, предложили мне коллекционных кукол.

Оба магазинчика располагались далеко от Уэджа, района, где я живу. Автобусы туда не ходили. У меня есть старенький «Шевроле» универсал – «селебрити», которым я пользуюсь, когда мне нужны колеса. Я езжу на нем уже много лет. Как и телевизор, он выполняет все мои прихоти, и менять его нет нужды. Я добралась до магазинчика Марселлы. Ее куклы были безупречны – нарядно одеты, упакованы в коробки, но абсолютно неинтересные. В магазинчике «Старая игрушка Раймонда» мне повезло больше. Я вошла в захлавленную комнату, пахнущую дешевыми сигарами и средством для чистки мебели. Продавец, наверное, Раймонд, махнул рукой в сторону стеклянных витрин в конце магазина и вернулся к чтению старого выпуска журнала Tiger Beat.

Да тут золотая жила! Передо мной в трех стеклянных витринах сидели ужасные куклы. Большинство – в плохом состоянии. Какая-то Барби насмешливо смотрела на меня, не разжимая губ. Куколка в комбинезоне сгорбилась в витрине. Там же лежала ярко раскрашенная марионетка бандита-мексиканца с маниакальным взглядом, с патронташем на груди и длинными ружьями в обеих руках, по шесть в каждой. Но не было ни одной куклы, от которой бы по спине пробежал озноб.

На одной витрине лежал пупс с невероятно широко раскрытыми синими глазами, открытым ртом с двумя крошечными зубами. Он тянул ко мне толстые ручонки. В бледно-розовом

одеянии, напоминавшем больничные рубашки, он походил на чертенка. По его лицу, покрытому царапинами, и розовым пластиковым рукам было понятно, что он пожаловал сюда из коробок с игрушками «Макдоналдса», из серии ужасов. Да, именно так. Никто не хочет поиграть с пластиковым Бургер-вором?

Я с трудом оторвала хозяина от сигареты и кофе, чтобы отпереть витрину, и вышла из магазина с добычей – дьяволенком в коричневом пакете. Прежде чем завести машину, я позволила Фарки.

– Кажется, у меня есть то, что нам нужно. Приходи.

Я не оставила ему времени на вопросы. Когда он примчался, я впустила его, открыв стеклянную дверь и подняв кулису рольставни. Он вошел, стряхивая капельки дождя и сжимая руки перед собой, чтобы унять дрожь, никак, впрочем, не связанную с погодой.

– Где твое пальто?

– Продал старьевщику, – резко ответил он. – Что у тебя?

Иногда человеку можно помочь, но бывает, что все надежды напрасны. Я кивнула на пакет, лежащий на столе.

– Там кукла, которую наверняка боялись и ненавидели. Если миссис Мего съест игрушку, она, возможно, разрушит ведьму изнутри.

– Да, как противоположность любви.

Он прошел в кладовку, оставляя мокрые следы на полу, и взял пакет, не заглядывая в него. Посмотрел на меня.

– Спасибо.

– Да ладно.

Я вытерла руки о джинсы, но чувство вины не прошло. Хотелось предложить ему еды, денег, кофе, но я удержалась от этого порыва. Он ушел с пакетом в руках. Как только я открыла ему дверь, проливной дождь глухо забарабанил по бумаге.

Вот так-то. Я вновь заперла дверь, погасила все огни, кроме сделанной на заказ неоновой лампы в витрине, и поднялась по обшарпанным ступенькам. Остановилась на площадке и даже нащупала ключ на связке, но потом решила, что сегодня неподходящее время разглядывать сокровища и ворошить милое сердцу прошлое. Вместо этого я поднялась в квартиру, подогрела пирог с курицей и съела его на диване под внимательными взглядами постояльцев. Когда я улеглась спать, пришел Купер, сел на подушку и замурлыкал мне в ухо. Я закрыла глаза и принялась размышлять, удастся ли Фарки подсунуть ядовитую куклу пожирательнице, пойдет ли он к ней работать или откажется и что с ним будет, если он попадет в тюрьму... Я притворилась, что все это меня не касается. Утром в половине седьмого я перестала делать вид, что сплю, встала и в пижаме спустилась в закрытый магазин.

Постояльцы последовали за мной вниз и неохотно разошлись по местам. Не знаю, как Купер объясняет им, что делать? С тех пор как он у меня поселился, жизнь стала намного легче. Я раздавала завтрак, налила воды, сменила подстилки. Опять поднялась наверх, оделась и пошла открывать магазин.

Дождя не было. Работа шла ни шатко ни валко. Я раздавала корм, выгребала дерьмо, шарила в Интернете. Продала один поводок и приняла на постой черного котенка. Блэки мне оставили на месяц. Зачем люди берут домой котенка аккуратно перед тем, как уехать в отпуск на целый месяц? Ума не приложу.

Я положила руку на волшебный ящик. Едва жужжит. Поднялась наверх и покопалась в столе в поисках хлама. Потом спустилась и положила в ящик аптечную резинку, пальчиковую батарейку, изогнутую скрепку, визитку службы по уборке помещений, магнит на холодильник и три монетки. Волшебному ящику все равно, что я брошу внутрь, главное – он получил подарок.

В полдень я повесила табличку «Скоро вернусь» и отправилась в кафе. Селма стояла за прилавком. Я заказала латте с ванилью.

– На кого оформляем заказ? – спросила она.

– Селма, это же я, Селтси.

Она подняла глаза от кассы, встретила мой взгляд и устало улыбнулась:

– Да-да, конечно. Прошу прощения.

Она взяла деньги и дала сдачу.

Я села за стол у окна. Когда прокричали «Келси», я пошла за кофе. Да. Так Селма записала имя. Пока я получала кофе, одна из служащих врезалась в прилавок и разлила молоко на пол. Селма повернулась к ней:

– Убери. И будь внимательнее. На тебя столбняк напал, ты под кайфом или что-о-о?

Девушка смотрела на Селму широко раскрытыми глазами. Она сжала губы, пробормотала «извините» и начала уборку. Я ушла. Такую Селму я не знала. Интересно, станет ли она прежней, если убить пожирательницу игрушек?

В магазине я проверила сроки возвращения питомцев хозяевам, прикрепила табличку «Скоро вернусь», прицепила к ошейнику таксы поводок, собрала мешки с дерьмом и отправилась на прогулку в Ронз-парк.

Парк расположился по другую сторону зеленой изгороди, недалеко от магазина. В парке Райт были фонтан и игровая площадка, ботанический сад и образцы деревьев со всего мира. В парке Ронз – другие достопримечательности Такомы: статуя мужчины с загипсованной ногой, который просит женщину понести его портфель. Еще одна изображает человека с протезом, а самая душераздирающая, на мой взгляд, – «Изгнание китайцев из Такомы».

Конечно, это не то, что мы любим вспоминать, а то, что не должно забываться. Я как раз шла вокруг скульптурной группы людей, которых заталкивали в поезд, когда меня нашел Фарки и уныло приветствовал. В его голосе не слышалось ни радости, ни ожидания, ни злости. Ничего. Джинсы, кроссовки и зеленая куртка с капюшоном промокли под дождем.

– Ну как? – спросила я.

Он уселся на мокрую скамейку, словно не слышал. Я тоже присела на краешек, завернувшись в плащ. Фарки медленно достал пачку сигарет. Я подождала, пока он прикурил сигарету, затянулся и выпустил клубы дыма.

– Не так, как хотелось бы, – печально сказал он. – Может, так и должно было быть? Я думал об этом. Что, если она съест куклу, та ее убьет, а я тут в машине, и кругом мои отпечатки пальцев?

– Я тебя понимаю, – кивнула я.

Об этом мы не подумали.

– Так что же случилось?

Еще одна затычка. Он пожал плечами:

– Я все думал, как ей предложить куклу. Я положил бумажный пакет в рюкзак. Приехал к миссис Мего, как обычно, бросил рюкзак на переднее сиденье «мерса». Она влезла в машину, как всегда, протискиваясь задницей вперед, и вдруг, ни слова не говоря, потянулась ко мне. Селтси, она открыла рюкзак! Нет, не открыла, а разорвала и сожрала ту куклу, как я ем бигмак, когда голоден. Потом она сидела на заднем сиденье, тяжело дыша. Я и не думал, что она такая сильная. Я боялся, что она увидит, как я смотрю на нее в зеркало, боялся обернуться. Потом она сказала:

– Выпусти меня. На сегодня достаточно.

Я открыл ей дверь, и она вышла. Она была молодой и сильной, но на этот раз иначе. *Страшно*. Вот и все, что я могу сказать. Она чуть ли не налегла на меня грудью, но не по-женски. Как... короче, я отступил назад. «Приноси еще. Ты знаешь, что мне нужно. Достань для меня». Она посмотрела на меня... угрожающе. Мне стало не по себе.

Он хмыкнул, еще раз затянулся, глядя грустными преданными глазами.

– По-моему, я влип еще глубже.

Мы молчали. Такса заскулила и поставила грязные лапы на колени Фарки. Он потрепал ее голову и почесал за ушами. Он прав: добычу еды для пожирательницы игрушек карьерным взлетом не назовешь.

– Что теперь? – угрюмо спросил он.

Угрюмо, потому что знал ответ.

– Не знаю.

– Может, спросишь?

Я сердито поджала губы оттого, что он это предложил.

– Я не люблю спрашивать, – сурово оборвала я.

Еще одна длинная затяжка. Он бросил сигарету, медленно встал и выдохнул:

– Тогда мне крышка.

И пошел прочь. Я смотрела ему вслед. Что я могла сделать? Я ни в чем не виновата. Он мне не друг... больше. Я ему ничего не должна, и так очень много для него сделала. Я вернулась в магазин, только раз убрав за таксой.

Когда руки заняты работой, мыслям ничто не мешает. И это плохо. Я снова подумала о том, сколько раз Фарки меня обманывал. Потом добавила к этому то, сколько раз он меня подводил. Я закрыла магазин, навела порядок и невольно представила, как он сидел за красным столом, по его лицу текли кровавые ручейки, а мой папа прикладывал лед к его брови. Тогда мы его спасли. Но какое отношение это имеет к нынешним событиям?

Я вздохнула и погладила волшебный ящик. Чуть-чуть жужжит. Нет, вопросы истожили бы его. Я выдвинула его и заглянула вовнутрь. Закладка. Ой, здорово! Такими закладками обычно награждают в школах. Я взяла ее в руки: с одной стороны были нарисованы Артур и Бастер Бакстер, с другой была надпись: «Молодец, Селма! Хороший доклад по книге». Я закрыла ящик.

Закладка могла лежать там годами, застряв где-нибудь между ящиками, а потом упала. Но я знала, что это не так, и знала, что это значит. Я погасила свет и потащилась наверх.

Как-то в школе мне пришлось делать доклад по физике. Дедушка распилил для меня батарейку пополам, а потом папа поднял капот машины и рассказал, как работает аккумулятор. В нем кислота и металлические пластины с противоположными зарядами, и поток электронов движется от одной пластины к другой.

Но лишь годы спустя я поняла, что происходит с книгами. Дьюи был блестящим ученым, жаль, что слишком мало людей знает о его вкладе в дело сохранности библиотек. Об этом обычно умалчивают библиотекари и книготорговцы. Книги хранят так, словно надеются на неминуемую катастрофу. Однажды я разговаривала с Дуэйном, и он объяснил мне, что случилось с библиотекой в Александрии. Небрежное, необдуманное расположение манускриптов и свитков могло породить мощный поток между разнополярными томами, и волна растущей энергии послужила причиной пожара.⁴

Библиотека у меня небольшая, но впечатляющая. В основном книги в твердом переплете. С иллюстрациями. Пара старинных книг в мягкой обложке. Публицистика служит изоляционным материалом, отделяя друг от друга тома авторов-гениев, но все равно следует соблюдать осторожность. Однажды я поставила на одну полку «Шок будущего» рядом с «Двадцать тысяч лье под водой». Никогда больше не сделаю такой ошибки! И не поставлю более трех томов поэзии на одну полку. Юмористические же издания вообще лучше хранить в защитных пла-

⁴ Джон Дьюи (1859–1952) – американский педагог и философ-прагматик.

стикových конвертах. Но и в таком виде держать несколько книг рядом взрывоопасно. Ладони вспотели, прежде чем я зажгла в комнате свет.⁵

Я долго смотрела на корешки: если вытащу неподходящий изолятор, мне расскажут то, чего никто не должен знать. Что же именно я хотела узнать? Я хотела помочь Фарки. Может, втиснуть «Тома Сойера» рядом со сказкой «Мышь и ее дитя»? Нет, мне нужно что-то более близкое к обстановке. Мне надо узнать, как избавиться от пожирательницы игрушек. «Плюшевый кролик» стоял рядом со «Справочником деревьев», изданным Саймоном и Шустером. А за ним – «Век сказок», в котором полно умирающих монстров. Возможно, это то самое!

Прошептав молитву, я вытащила справочник. «Кролик» привалился к сказкам. Я унесла книжку на кухню, тихо прикрыв за собой дверь, села за стол – нужно было выждать немного времени, не слишком долго. Я отчетливо вспомнила, как книга «Записки о Галльской войне» Гая Юлия Цезаря просвистела через всю комнату и ударилась о стену так, что корешок лопнул. Встала. Черт, ходить не могу. Ждать тоже. Магия не любит, когда от нее чего-то ждут. Я сделала себе бутерброд: бекон, салат, помидор, пара ломтиков сыра. Водрузила еду на стол и заварила чаю. Я поставила чашку с блюдцем, старательно делая вид, что совсем позабыла о книге, и села пить чай. Пришел Купер и попросил кусочек бекона. Кушай, милый, не жалко. Он уселся на стол и составлял мне компанию до тех пор, пока я не услышала вожаденный звук: глухой стук падающей книги.

Я осторожно прокралась в библиотеку, быстро вернула на место справочник и склонилась над упавшим томом. Сборник афоризмов Бартлетта. Да уж, кажется, придется поломать голову. Я опустилась на колени рядом с книгой, делая вид, что смотрю вообще в другую сторону, потом быстрым взглядом «сфотографировала» открывшуюся страницу.

«Противоположность любви – не ненависть, а безразличие»: Эли Визель. Вот оно! Я вложила закладку Селмы в томик в знак благодарности и осторожно поставила его на полку. Таааак... Это меняет дело. Теперь мне нужно найти игрушку, к которой хозяин был совершенно безразличен. Безразличен, как я понимаю, не в смысле «это не мое, я с Барби не играю», *осознанно* безразличен. И я понимала, что это значит.

У моей мамы была сводная старшая сестра. Звали ее Тереза. Они никогда не встречались. Но похоже, она считала, что сестры, даже не знавшие друг друга, все-таки родня, потому что дважды вторгалась в мою жизнь. Когда мне исполнилось восемь, спустя несколько лет после смерти мамы, Тереза позвонила папе и дедушке, сказав, что будет в Такоме и хочет меня увидеть. Так я узнала о ее существовании. Все жутко стеснялись, она не притронулась к обеду, который мы для нее приготовили, но предложила свою помощь папе и дедушке, «когда придет время», обучить меня всяким «женским штучкам».

Потом она исчезла, но два года подряд присылала мне подарки ко дню рождения, которые обычно опаздывали на месяц. Сначала пришел пакет с игрушками Beany Babies – дешевая подделка, которую бесплатно кладут в «Макдоналдсе» в «Хэппи милз», а вовсе не их коллекционные сестрички. Потом книжка про Нэнси Дрю. Книжку я благополучно сдала в букинистический магазин, выгодно обменяв ее на несколько выпусков серии про Дока Сэвиджа. Но эти куклы из «Макдоналдса»... Я нахмурилась. Нужно ли хранить такую ерунду? Если только, как говорил папа, в коробке под названием «На всякий случай», чтобы подарить или кому-нибудь так отдать. Все-таки вещи новые – мало ли, могли кому-то пригодиться, но для нас они были бесполезны. Как пятое колесо в телеге. «Нужны как собаке пятая нога», – говаривал дедушка. Кофейник – френч-пресс или дешевая подставка для айпада, которого у меня никогда не было. Носки – длинные, до колена, для подарков на Рождество. Друзья дарят нам такое годами, а мы при случае передаем.

⁵ Элвин Тоффлер. «Шок будущего».

Коробка «На всякий случай» хранилась у меня глубоко в шкафу во второй спальне, закрывая, вместе с другими коробками, вход в тайник. Я вытащила ее на свет божий и принялась за поиски. Вот набор носков с нарисованными кошками и собаками, под ним – упаковка со щипцами для завивки волос. Завтра же отнесу весь этот хлам в благотворительный магазин! Но, копая глубже, я обнаружила пакет с Beany Babes. Я увидела розового бегемота, вытащила его и хорошенько рассмотрела. На нем висела этикетка производителя: мне старательно объяснили, что это именно бегемот, а не кто-то там еще. Понять самостоятельно, что изображает бесформенный розовый пузырь, наполненный пластиковыми шариками, было невозможно. Я, прищурившись, пригляделась к уродцу. Нравится мне эта штука или нет? Жалко ли его или обидно оттого, что я получила такой подарок? Ничего подобного. Он был мне безразличен, как я своей тетке.

Я выставила ящик с «чужими» сокровищами в коридор, чтобы снести их вниз. Бегемот был маленький, с мой кулак. Хватит ли этого безразличия, чтобы уничтожить пожирательницу игрушек? Что ж, узнать можно только одним способом. Теперь передо мной стояла еще одна задача: доставка. Как скормить игрушку нашей даме?

У меня зазвонил телефон. Мобильник. Телефон на стене служил для деловых разговоров, а по мобильному мог позвонить либо друг, либо рекламщик. Номер был незнакомый, и отвечать я не стала. Но мне оставили сообщение, и, прослушав его, я тут же перезвонила Фарки.

– Сегодня вечером я должен ей что-нибудь принести. Так она приказала. Не то, говорит, позвоню в полицию и скажу, что ты продавал наркоту перед торговым центром.

– Вот как?

Молчание.

– Селтси, она угрожала мне полицией, но, я боюсь... все гораздо хуже, – он перевел дыхание, – потому что у нее моя футболка.

Бывает время для размышлений и время для действий. Так говорил мой отец. Помню, как он закрыл собой незнакомого подростка, и пуля, предназначенная тому, попала в ногу отцу. Он так и не избавился от хромоты. Но я никогда не слышала, чтобы он об этом сожалел.

– Давай ко мне. Минут через пятнадцать.

Я отключила мобильник. По спине пробежал холодок – я знала, что нужно делать, но думать об этом не могла. Боялась, что струшу. Не сказала бы, что поступаю хорошо, но ведь у меня не было выбора!

Положив розового бегемота на стол, я вернулась в спальню, вытащила старую коробку из-под обуви и, понимая, как трудно расставаться с любимой игрушкой, решила действовать вслепую: что первым рука нащупает, то и вытащу. Мои пальцы коснулись изношенной материи, и я тут же узнала Терри. Я достала его из коробки, отправив одинокого Бумера обратно в шкаф.

Сжимая Терри в объятиях, неторопливо отнесла на кухню. Не могла себе представить, что будет со мной, когда миссис Мего его съест. Я надеялась, что он ничего не почувствует, что Бумеру не будет одиноко. Когда-то у Терри были ярко-черные глазенки-пуговицы. Я смотрела на полинявшие фетровые круги, на остатки засохшего клея, раньше прочно державшего их на местах, потом обняла и расцеловала игрушку на прощание. И положила Терри на стол.

Я справлюсь, так надо.

Я вытащила шкатулку для шитья. Руки работали, а в голове мелькали тревожные мысли. Я делаю это не только ради Фарки! Взяв в руки ножницы, я вспорола игрушке живот. Может, Терри поможет Селме и хозяевам пластиковых солдатиков. Кто знает, сколько жертв на счету пожирательницы игрушек? Сколько ей лет и как долго живут такие ведьмы? Я раздвинула разноцветную набивку в животе Терри и вложила туда неинтересного мне бегемота, прикрыв мягкой ватой, вдела серую нитку в иголку и зашила игрушку. Терри заметно потолстел.

У меня было странное чувство, что это уже не Терри. Интересно, а если бы я вскрыла его и вытащила бегемота, стал бы он прежним Терри? Назад пути не было. Я нашла под рако-

виной коричневый бумажный пакет, бросила в него игрушку, зажав ее голову в руках и лаская свисающие уши.

– Прощай! – сказала я дрожащим голосом и заплакала.

В дверь позвонили.

Я взяла сумку и спустилась по лестнице. Фарки ждал на улице. Я открыла стеклянную дверь, потом подняла полотно рольставни. Вечерело. Осенний дождь прекратился. Мокрые улицы блестели, и последние ручейки, журча, стекали в канаву.

– Вот.

Я протянула Фарки пакет и сняла с вешалки ветровку.

– Ты со мной?

Я кивнула. Мы вышли во дворик за домом. Я села в машину и открыла дверцу.

– Сколько лет, сколько зим...

Фарки сел в машину и оглянулся.

– Ты, я и Селма на заднем сиденье, на том, которое «смотрит назад». Возвращаемся с «Норвескона».⁶

Я промолчала.

– Как же я любил этот слет! Каждый год твой дедушка дарил нам приглашения, как подарки на Рождество.

Я опять кивнула.

– Куда ехать?

После этого наш разговор превратился в инструктаж. Мы выехали из Уэджа и поехали через Хиллтоп. Дом пожирательницы игрушек находился на границе района Эдисон. Интересно, снимала ли она жилье или была полноправной его владелицей? Я увидела маленький серый домик с белой отделкой – ни лучше, ни хуже соседних. По мощеной дороге я въехала на стоянку и припарковалась за «Мерседесом». Выключила мотор и фары. Мы сидели в темноте. В одном из окошек горел свет, зашторенный желтый квадрат.

– Наверное, надо отнести ей пакет, – нерешительно сказал Фарки.

Я молча кивнула. Лучше не разговаривать, а то закричу, что я передумала, отдайте мне моего Терри. Верните мне собачку, которая столько лет охраняла меня от ночных кошмаров! Я коснулась пакета кончиком пальца. Терри покончит и с этим кошмаром. Я всегда знала, что никакие черные тучи не обидят меня, пока Терри в моих объятиях. Он примет последний бой. Мой маленький храбрец...

Миссис Мего, высокая женщина с угловатой фигурой, стояла на пороге дома, черный силуэт в залитом светом дверном проеме. Фарки открыл дверцу машины, и кабина осветилась. Она могла меня видеть! От этой мысли по спине пробежал холодок. Фарки захлопнул дверцу, свет погас, и я смотрела, не дыша, как он понес пакет с игрушкой.

Она не дождалась, шагнула к Фарки, требовательно протягивая руки. Он держал игрушку перед собой, слегка подавшись назад. Миссис Мего выхватила пакет и разорвала его. Бумага, зашуршав, упала, и старуха вцепилась в Терри. Я невольно вскрикнула, когда она поднесла игрушку к лицу. Она широко открыла рот и закусила Терри посередине туловища, постепенно вгрызаясь в него, обеими руками заталкивая в глотку голову и хвост. И жевала, жевала...

Вдруг она остановилась. Покачнулась. Я зажгла фары. Она задыхалась. Она рвала ногтями рот!

Я никогда не считала Фарки храбрецом. Я видела, как он старательно избегал драк в начальной школе, плакал, подвергаясь издевкам на первом курсе. А сколько раз он обманывал, чтобы выкрутиться из щекотливой ситуации, я и счет потеряла. Но он прыгнул на ведьму.

⁶ Региональный конвент научной фантастики, проходящий в штате Вашингтон, – ежегодный научно-фантастический конвент, впервые проведенный в 1978 г.

Одной рукой он держал ее голову, другой заталкивал набивку и ткань ей в рот. Старуха упала навзничь на ступеньки, а он прижал ее грудь коленом и двумя руками вталкивал в нее игрушку.

Я вышла из машины и подошла поближе. Я никак не могла взять в толк, что происходит. Чем яростнее Фарки заталкивал ей в рот игрушку, тем меньше становилась миссис Мего. У нее укорачивались конечности и все тело, руки-палки висели безвольно, туловище на моих глазах превращалось в кожу и кости. Фарки тяжело дышал, запыхавшись от борьбы. Когда он остановился, в квадрате света от распахнутой двери мы увидели плоское, словно картонное тело в несоразмерной кукольной одежде с безобразной пластиковой головой, зеленоватой от света моих фар. Вдруг голова повернулась набок, и я узнала этот профиль! Фарки отшатнулся и, спотыкаясь, отошел.

Волшебный ящик пытался мне все объяснить, но у него не хватило сил. Блестящий красный башмачок. Рубиново-красный.

– Уходим, – сказала я.

– А как же...

– Оставь, кто-нибудь да уберет. Нам здесь делать нечего.

Мы возвращались в магазин молча, радио и то не включали. Вышли из машины молча, я захлопнула дверь.

– Это был Терри? Твой любимый пес? – тихо произнес Фарки.

Я ушла от него, подняла полотно рольставни, отперла стеклянную дверь и вошла в дом. Потом закрыла за собою дверь и поднялась наверх, где Купер и постояльцы смотрели по телевизору канал Animal Planet. Я села рядышком, и такса тут же залезла ко мне на колени. Я ее приласкала. Интересно, изменилась ли я теперь, после гибели Терри? По крайней мере, я ничего не чувствовала. И решила, что ничего не изменилось.

Около полуночи я выключила телевизор. Все спали. Я оставила их в темноте и пошла на кухню. Открыв ноутбук, я кое-что поискала. Ответ нашелся быстро. Мего. Игрушечных дел мастер. Автор серии кукол по мотивам «Волшебника страны Оз». И Злой волшебницы тоже.

Любил ли кто-то эту куклу, наделив ее жизнью? Или ненавидел?

Моя магия не дала мне ответа.

В пижаме мне было холодно, а когда я улеглась в постель, стало, казалось, еще холоднее. Лет десять прошло с тех пор, как я спала в обнимку с мягкой игрушкой. Скучаю ли я по какой-нибудь игрушке? Что за глупости! Я закрыла глаза.

* * *

Неделю спустя я наведалься в «Дорогой кофе». Уж и не знаю, на что я надеялась. От Фарки не было ни слуху ни духу.

– Ну что ж, – сказала я себе. – Черт с ним. А чего ты хотела?

Правда, чего?

Выбрав такое время дня, когда в кафе нет особой запарки, я решительно шагнула в дверь кофейни и встретилась глазами с Селмой.

– Латте с ванилью, цельное молоко, двенадцать унций. Черничный маффин подогреть.

Она протараторила мой заказ и вернулась к стоящему перед ней клиенту. Когда подошла моя очередь, она вручила мне горячий кофе и теплый маффин. Моя милая подруга.

– Как дела? – спросила я.

– Ой, да все как обычно. Кофе да выпечка. А что нового в мире кошек и собак?

– Как всегда: лотки с дерьмом да сухой корм. Красивые у тебя сережки.

Она коснулась рукой серебряных единорогов и улыбнулась.

– А они не кажутся слишком уж детскими? Я не глупо выгляжу?

– Нет, что ты.

Не пойму, что я почувствовала в этот момент. Не найду подходящих слов. Словно прошлое волной прокатилось внутри меня, всколыхнулось, но не ожило. Будто мимолетной вспышкой мелькнул обрывок сна. Мои прежние чувства угасли и потеряли значение.

– Это подарок. От Фарки. Помнишь Фарки?

Водя указательным пальцем по прилавку, она словно набирала номер на старом телефоне.

– Мы раньше играли в настольные игры в магазине твоего отца. И в волшебство. Давным-давно.

Я кивнула:

– Давным-давно. Да, помню.

– У Фарки все хорошо. Почти чист, и курит, по его словам, только траву.

Она дотронулась до единорога, озадаченно покачала головой.

– Странно, что он принес мне подарок. Без всякого повода.

От ее движений единороги пустились в галоп. Селма нахмурилась, окинув взглядом очередь за мной.

– Приятно было повидаться.

И она повернулась к следующему клиенту.

– Приятно вновь поболтать с тобой, Селма, – ответила я и отошла от прилавка, в одной руке кофе, в другой – завернутый в салфетку маффин.

Что-то я хотела ей сказать... Про сережки. Забыла. Значит, какая-то ерунда. Я толкнула плечом дверь. На улице опять шел дождь.

Джон Краули⁷

Джон Краули – один из самых успешных и уважаемых авторов современности. Самая известная работа Джона Краули – его длинный роман в жанре фэнтези о взаимоотношениях – иногда опасных! – двух миров: нашего, обычного, и волшебного мира фей. Роман называется «Маленький, большой», и за это произведение Джону Краули была присуждена «Всемирная премия фэнтези».

Среди других его романов – «Звери», «Демономания», «Глубина», «Машинное лето», «Переводчица», «Роман лорда Байрона»: «Вечерняя земля», «Четыре свободы», «Любовь и сон».

Его короткие рассказы вошли в сборник «Безделушки на память», и недавно был написан роман «Ка. Дар Оукли на развалинах Имра».

Писатель живет в западной части штата Массачусетс в районе Беркшир-Хиллс.

В ярком и лиричном рассказе, который мы предлагаем, говорится о мальчике, которого обучал великий врач и маг елизаветинских времен, доктор Джон Ди для участия в предстоящей войне, которая произойдет и на Земле, и между силами, живущими вне ее...

⁷ © John Crowley, 2018; © пер. В. Соломакиной, 2018.

Кремень и зеркало

Примечание редактора.

Нижеследующие страницы были недавно обнаружены среди не внесенных в каталог бумаг писателя Феллоуса Крафта (1897–1964), которые поступили в фонд Расмуссена по завещанию после смерти автора.

Они представляют собой тридцать четыре машинописных листа с редкими пометками карандашом на желтой бумаге марки «Сфинкс», очевидно, задуманных как часть второго романа Крафта «Столкновение» (1941), давно не переиздававшегося и недоступного для читателей.

Под конец автор исключил их из романа, возможно, потому, что произведение превратилось в более традиционное историческое повествование.

Математик и благочестивый искатель приключений Джон Ди появится в последующих произведениях Крафта, как законченных, так и незаконченных, в другом образе, нежели здесь.

Слепой поэт О'Махон рассказывал:

– В Ирландии пять королевств, по одному в каждой стороне.

В былые времена в каждом королевстве имелся и свой король со свитой, и место для замка с выбеленными башнями, стены с бойницами щетинились копьями, да над ними раздавался смех добрых воинов.

– И был также верховный король, – сказал десятилетний Хью О'Нил, сидевший у ног О'Махона на траве, все еще зеленой в конце осени в День всех святых.

С холма, где они расположились, виднелось Великое озеро, чьи серебряные воды солнце заливало золотом. Стада коров – настоящее богатство Ольстера – бродили по просторным зеленым равнинам. Все это владения О'Нилов испокон века и до скончания времен.

– И в самом деле был верховный король, – подтвердил О'Махон. – И воцарится вновь.

Седые космы поэта развевались на ветру. О'Махон не видел Хью, своего кузена, зато, по его словам, видел ветер.

– Ну, братец, – сказал он, – смотри, как здорово устроен мир. Каждое королевство Ирландии славится по-своему: Коннахт на западе славится ученостью и магией, манускриптами и летописями, местами, где жили святые. Ольстер на севере, – он обвел рукой невидимые земли, – храбростью, битвами и воинами. Ленстер на востоке славен гостеприимством, открытыми дверями и празднествами. Котлы там никогда не пустеют. Манстер на юге славится трудолюбием – крестьянами, пахарями, ткачами и скотоводами – от рождения до смерти.

Хью посмотрел вдаль на просторы, на то, как ветер собрал тучи над рекой, и спросил:

– Какое же королевство самое великое?

– Какое? – повторяет О'Махон, притворно задумавшись. – А ты как считаешь?

– Ольстер, – говорит Хью О'Нил из Ольстера. – Из-за воинов. Кучулан был из Ольстера, он всех победил.

– Вот как.

– Мудрость и магия – это хорошо, – заключил Хью, – гостеприимство тоже, но воины сильнее.

О'Махон не согласился.

– Величайшее из королевств – Манстер.

Хью ничего не ответил. О'Махон нащупал плечо мальчика, положил на него руку. Хью понял, что сейчас ему все объяснят.

– В каждом королевстве: северном, южном, восточном и западном есть также север, юг, восток и запад. Так ведь?

– Да, – согласился Хью.

Он мог их показать: слева, справа, впереди, сзади. Ольстер находится на севере, но и севернее Ольстера есть земли, севернее севера, там, где правил его безумный, злобный дядюшка Шон. И на том севере, дядюшкином, должны быть еще север и юг, восток и запад. А потом снова...

– Послушай, – сказал О’Махон, – в каждое королевство с запада приходит мудрость о том, что существует мир и откуда он взялся. С севера приходит храбрость для защиты мира, чтобы никто его не поглотил. Гостеприимство приходит с востока, чтобы вознаградить ученость и храбрость и тех королей, что сохраняют эти земли. Но кроме этого есть большой всеобщий мир: мир, который нужно постигать, защищать, восхвалять и хранить. И начало свое он берет в Манстере.

– Ага, – кивнул Хью, ничего не понимая. – А сначала ты сказал, что королевств было пять.

– Сказал. Так гласит предание.

– Коннахт, Ольстер, Ленстер, Манстер.

– А пятое какое?

– Ну, братец, какое же?

– Мит, – догадался Хью. – С Тарой, где короновали королей.

– Славный край. Не на севере и не на юге, не на западе, не на востоке – посредине.

Больше он ничего не сказал, а Хью показалось, что ответ, наверное, другой.

– Где же ему еще быть?

О’Махон только улыбнулся. Хью стало интересно, знал ли сам слепой, что он улыбается и что другие люди видят его улыбку.

По спине Хью пробежал холодок – солнце клонилось к закату.

– А может, оно вообще за тридевять земель?

– Может, далеко, а может, и близко. – Он пожевал губами и добавил: – Скажи-ка мне, братец, где находится центр мира?

Это была старинная загадка. Хью знал на нее ответ. Еще судья дядюшки Фелима его когда-то спрашивал. В мире пять направлений: четыре из них – север, юг, восток и запад. А пятое где? Он знал ответ, но в тот момент, сидя со скрещенными голыми ногами в зарослях папоротника недалеко от башни Данганнон, отвечать не хотел.

Приемные родители мальчика, семья О’Хаганов, привезли Хью О’Нила в замок Данганнон весной. Для мальчишки это было целое событие. Два-три десятка лошадей, позвякивающие упряжью, телеги с дарами для дядюшек О’Нилов в Данганноне, рыжие коровы, мычащие в фургоне, копыеносцы и лучники, женщины в ярких шaliaх. О’Хаганы и О’Квинны со своими домочадцами. Десятилетний мальчик понимал, что все это затеяно ради него.

В новом плаще на худых плечах и с новым кольцом на пальце он восседал на пестром пони. Он вглядывался в даль, и ему казалось, что вот уже видны окрестности замка, расспрашивал кузена Фелима, кто приехал за ним из Данганнона, и ежечасно донимал расспросами, долго ли еще ехать. В конце концов Фелим рассердился и велел Хью молчать, пока замок не появится на горизонте.

Когда мальчик увидел замок, бродяга солнце только проснулось, в его лучах сверкал влажный от росы, побеленный частокот, который казался ярче, ближе и мрачнее одновременно. При виде них щемило сердце, потому что для Хью деревянная башня и глинобитные крытые соломой пристройки казались замками, воспетыми в балладах.

Мальчик пришпорил пони и помчался вперед, не обращая внимания на оклики Фелима и смеющихся женщин, по длинной грязной дороге, которая поднималась к холму, где уже собралась группа всадников с тонкими длинными копьями, черневшими на солнце, – его кузены и дяди. Завидев всадника на пони, они приветствовали мальчика.

Несколько недель он был в центре внимания, и это его раззадоривало ещё больше. Словно рыжий звонкоголосый бесёнок на тощих ножках, покрасневших от холода, он носился по замку. Повсюду его похлопывали и поглаживали своими огромными ручищами многочисленные дядюшки, умилялись его выходкам и болтовне, а когда он убил кролика, мальчика хвалили и держали на руках, словно он добыл два десятка оленей.

Ночевал он вместе со всеми, укладывался среди огромных, духовитых, косматых тел вокруг очага, пылающего в середине зала.

Взбудораженный, он долго не мог заснуть, наблюдал за дымом, струящимся сквозь проём в крыше, слушал, как дядя и кузены храпят, беседуют и пускают ветры после доброй кружки эля. Хью чувствовал, что все это неспроста, что-то от него скрывали, почему в этот приезд его ставили выше более взрослых кузенов, ему доставалась лучшая порция густой похлёбки, щедро сдобренной маслом, почему прислушивались к тому, что он говорил. Мальчик не мог объяснить, почему время от времени ловил на себе пристальные, печальные взгляды, словно его жалели. Иногда какая-нибудь женщина, не обращая внимания на его выходки, хватала его на руки и крепко обнимала. Он явно был замешан в неизвестной ему истории и от этого еще больше расхотелся.

Однажды, вбежав в залу, он увидел, как дядя Терлох Луних ругается со своей женой. Дядя кричал, чтобы она не совала нос в мужские дела. Увидев Хью, женщина подошла к нему, одернула на нем плащ, смахнула листья и репы.

– Ему что, всю жизнь придется одеваться на английский манер? – бросила она через плечо Терлоху Луниху, который сердито пил у костра.

– Его дед Конн носил костюм, – фыркнул Терлох себе в кружку. – Нарядный камзол черного бархата с золотыми пуговицами и черную бархатную шляпу. С белым пером! – рявкнул он, а Хью не мог понять, на кого он сердится: на жену, Конна или на себя.

Женщина заплакала. Она закрыла шалью лицо и вышла из зала. Терлох взглянул на Хью и сплюнул в очаг. Ночи напролет они сидели в свете костра и огромной чадающей свечи из камыша и сала, пили пиво, испанское вино и беседовали. Все разговоры были об одном – клане О’Нилов и том, что его касалось, будь то сказания или песни, дошедшие из глубины веков, или обсуждения странного поведения – глупости ли, коварства, трудно сказать – английских захватчиков, или налетов соседних кланов и ответных нападений, об историях из глубокой старины.

Хью не всегда мог разобрать, да и старшие не были уверены, что из рассказа произошло тысячелетие назад, а что совсем недавно. Герои рождались и совершали набеги, убивали врагов и угоняли их скот и женщин. Некоторых даже короновали в Таре. Упоминали о короле Ниалле Девяти Заложников, верховном короле Юлии Цезаре, о Брайане Бору и Кучулане, Шоне О’Ниле и его свирепых «красноногих» шотландцах, о сыновьях Шона и сыне короля Испании.

Его дед Конн был О’Нилом, но позволил англичанам величать его графом Тиронским. У ритуального камня всегда маячил какой-нибудь О’Нил, принимавший корону в Туллихоге под звон колокола Святого Патрика. Конн О’Нил, граф Тиронский встречался за морем с королем Гарри и обещал выращивать кукурузу и учить английский язык. А на смертном одре сказал, что англичанам доверяют только дураки.

Среди хитросплетенных преданий о былом, где каждая история ярко выделялась цепочкой знаменательных событий, но в то же время была тесно связана со всеми остальными, Хью разглядывал историю своего клана. Он узнал, что его дед не установил порядка наследования

титула О'Нилов. А также как его дядя Шон взбунтовался и убил своего брата Мэтью, отца Хью, и теперь звался О'Нилом и объявил весь Ольстер своим владением, совершал набеги на земли кузенов, когда заблагорассудится, с шестью жестокими сыновьями. Мальчик узнал, что он, Хью, имел полное право на то, что отобрал у него Шон. Иногда все это было видно так же ясно, как затейливые силуэты по-зимнему голых ветвей на фоне ясного неба, иногда нет. Англичане... здесь крылась загадка. Как соринка в глазу, они сбивали с толку, мешали ясно видеть.

Терлох с удовольствием смакует:

– Вот явится сэр Генри Сидни со своим войском, а, Шон? Сможет ли Шон ему противостоять! Да никогда! Ему бы свою шкуру спасти. И то для этого придется прыгнуть в Великую реку и уплыть. Выпью за здоровье лорда-наместника – он добрый друг истинного наследника Конна.

Или еще говорили так:

– Чего они требуют? – спрашивает блюститель закона, страж правосудия.

– Ты преклоняешь колено пред королевой и предлагаешь все свои земли. Она их забирает и дарует тебе титул графа... и все твои земли обратно. Ты ее подданный, но ничего не изменилось...

– И они клянутся выступить против твоих врагов?

– Нет, – говорит другой. – Зато ты обязан помогать им, даже если они ополчились против твоего родственника или вассала. Конн был прав: им доверять нельзя.

– Только вспомни Десмонда, сидящего все эти годы в лондонской тюрьме. Он им доверял.

– Десмонд, считай, их человек. Нормандец. Их кровь. Не О'Нилы.

– Fubun, – говорит слепой поэт О'Махон тихим тенором, и все стихают. – Позор вражескому оружию! Позор золотой цепи! Позор суду, который говорит на английском! Позор отвергающим сына Марии!

Хью прислушивается то к одному оратору, то к другому, напуганный истовыми проклятиями. Внимание О'Нилов приковано к мальчику.

* * *

В пасхальную неделю из серебристого утреннего тумана с юга появилась медленная процессия пешеходов и всадников. Даже если бы Хью, наблюдая из башни, не разглядел красно-золотого флага лорда-наместника Ирландии, чье полотнище затрепетало от внезапного порыва промозглого ветра, он все равно бы догадался, что гости – англичане, а не ирландцы. Солдаты маршировали стройными шеренгами, образуя темный крест: в центре флаг и фургон, где ехал наместник, окруженный солдатами с длинными ружьями за плечами, в арьергарде плелся бык, волочивший повозку.

Хью с обезьяньей прытью спустился с башни, выкрикивая новость, но процессию уже заметили. Фелим, О'Хаган и Терлох уже садились на коней, чтобы встретить гостей. Хью велел конюхам привести его пони, но Фелим, натягивая английские кожаные перчатки, сказал:

– Оставайся.

– Я с вами, – заупрямился Хью и прикрикнул на мальчишку-конюха: – А ну, живо!

Лошадь Фелима затрясла головой и, пританцовывая, двинулась с места. Фелим, сердито натянув поводья, приказал Хью слушаться. Дядя побагровел от гнева на строптивую лошадь и непокорного мальчишку, а Хью, смеясь, уже сидел верхом на пони.

Терлох молча наблюдал за происходящим, потом остановил Фелима взмахом руки и пригласил мальчишку к себе.

– Какая разница, когда они его увидят, – заметил он и неожиданно мягким движением пригладил волосы Хью.

Англичан и ирландцев разделял заболоченный ручей. Герольды встретились на его середине и обменялись официальными приветствиями.

Лорд-наместник, проявляя учтивость, выехал вперед в сопровождении лишь знаменосца, разбрызгивая воду и помахивая Терлоху рукой в перчатке. Терлох тут же двинулся ему навстречу, потом спрыгнул с коня, взял у лорда поводья и пожал ему руку.

Хью, наблюдавший за осторожными церемониями, оробел и спрятался за всхрапывающим гнедым Фелима. Сэр Генри Сидни был огромен: его белозубый рот прятался в черной бороде, достоящей до самых глаз, маленьких и черных. Его тонкий меч казался безобидной игрушкой на фоне мощных бедер в панталонах и высоких сапог. Его широкая грудь была скрыта за огромной кирасой, напоминавшей бочку, – по последней моде. Хью подумал, что он сам вполне мог бы укрыться в таком доспехе весь, целиком. Сэр Генри поднял руку, облаченную в присборенный, украшенный фестонами рукав. Хью никогда не видел таких сложных фасонов. Маленький отряд двинулся в путь, и сэр Генри заметил мальчика.

Позднее Хью О'Нил обнаружит в глубинах своей души шкатулку или нечто вроде сундука или ларца, где запечатлелись отдельные события его жизни: важные, ужасные, а иногда, казалось бы, сущие мелочи, но всегда яркие, как наяву, пробуждающие те самые доподлинные чувства и ощущения.

Среди самых первых событий шкатулка сохранит и этот день, когда Терлох подвел лошадь с сэром Генри к мальчику. Лорд взял тоненькую, словно хрупкую веточку, руку ребенка своей широкой ладонью и заговорил с ним по-английски.

Все сохранилось в памяти: смеющийся темноволосый великан, звон конской упряжи, резкий запах свежего помета, даже приглушенный блеск росы на серебряных доспехах сэра Генри.

Во сне и наяву, в Лондоне, в Риме, этот момент будет время от времени всплывать в памяти, а Хью будет вглядываться в частичку прошлого, словно в серебристо-зеленый опал, и вспоминать.

Сэр Генри решил взять Хью О'Нила под свою опеку и увезти в Англию. Переговоры о судьбе мальчика шли несколько дней. Сэр Генри был терпелив и осторожен, пока О'Нилы в который раз расписывали, каких мучений натерпелись при власти Шона. Осторожен, чтобы не связать себя большим обязательством, чем он уже обещал. Он будет добрым другом барону Данганнону, как он называл Хью, давая понять, что это сулит изрядные преимущества, например, графство Тирон, которое после смерти Конна осталось в руках королевы, никому не дарованное.

Он подарил Хью кинжал в ножнах. В эфесе слоновой кости поблескивал небольшой изумруд необычного оттенка. Сэр Генри рассказал мальчику, что камень – с захваченного испанского корабля из Перу, что на другом конце света. Хью, не участвовавший в переговорах, сидел среди женщин, вертел кинжал в руках, размышляя, что такое «другой конец света».

Поняв, что ему предстоит поездка в Англию с сэром Генри, он застеснялся и притих, не отваживаясь даже спросить, каково живется в тех землях. Он пытался представить себе Англию. Воображение рисовало бесконечные ряды каменных строений – все огромные, наподобие собора в Арме, куда даже не заглядывает солнце.

Однажды вечером за ужином сэр Генри заметил, что Хью слоняется у залы, заглядывая в дверь. Англичанин поднял кубок и позвал мальчика:

– Заходите, юный лорд.

Ирландцы заулыбались и засмеялись, услышав титул, хотя Хью, сомневаясь в своем английском, подозревал, что над ним подшучивают. Его подзывали жестами. Не дожидаясь, пока его подтолкнут, он выпрямился во весь рост и, держа руку на эфесе кинжала, висящего на перевязи, сам шагнул к великану.

– Милорд, вы согласны ехать со мной в Англию? – спросил сэр Генри.

- Если мои дяди разрешат.
- Они не против. Вы встретитесь с королевой.
- Хью ничего не ответил. Как выглядит королева, он себе представить не мог.
- Сэр Генри опустил тяжелую, как камень, ручищу на плечо мальчика.
- У меня сынок такого же возраста. Может, чуть помоложе. Его зовут Филипп.
- Фелим?
- Английское имя – Филипп. Слушайте, поедemте завтра, а?

Сэр Генри взглянул на присутствующих смеющимися глазами. Он подшучивал над мальчиком, завтрашний отъезд уже был делом решенным.

– Не рановато ли завтра? – сказал Хью, подражая зычному голосу Терлоха и чувствуя, как сердце ушло в пятки.

Грянул хохот, и мальчик оглянулся на зубоскалов. Стыд взял верх над страхом.

– Если милорду угодно, мы отправимся завтра. В Англию.

Раздались одобрителные возгласы, а сэр Генри медленно закивал огромной, как у быка, головой. Хью поклонился и зашагал к двери, сдерживаясь, чтобы не пуститься наутек.

Выскочив из замка, он промчался по грязной улочке между надворными постройками, мимо бездельничающей стражи в поля, которые с приближением сумерек заволакивало густым туманом. Он без остановки летел хоженным путем по влажной, шелестящей траве к расколотому дубу, который стоял там с незапамятных времен, словно скрюченная черная рука с узловатыми пальцами.

Подле того дуба в траве едва проступали цепочки древних замшелых камней, служивших когда-то фундаментом монашеской обители; на месте обвалившегося погребца земля просела неровными впадинами. Как раз здесь Хью практически случайно добыл своего первого кролика.

В тот день он не собирался охотиться. Он сидел на камне, подставив лицо солнцу, ни о чем не думая, с копьем на коленях.

Когда он открыл глаза, то ничего не видел, кроме коричневого кроличьего силуэта, до которого можно было легко дотянуться. С тех пор он считал это место счастливым, хотя ни за что не пошел бы сюда ночью. Сейчас ноги сами привели его, прежде чем он о нем вспомнил, до того как из головы улетучились мысли о голосах и лицах в зале. Он почти подошел к дубу, когда заметил, что на старых камнях кто-то сидит.

– Кто здесь? – спросил человек, не поворачивая головы. – Это ты, Хью О’Нил?

– Я, – ответил Хью, удивляясь, как слепой поэт почти всегда узнавал, кто к нему идет.

Слепой похлопал по камню рядом с собой и позвал:

– Иди сюда, – так и не обернувшись, ибо ему это было ни к чему, но Хью всё равно стало не по себе. – Сядь. При тебе есть железо, братец?

– У меня есть кинжал.

– Достань его. И положи подальше.

Хью повиновался, воткнув кинжал в ствол сломанного дерева, росшего вдали от дуба. Поэт говорил так мягко, что не хотелось ни возражать, ни противиться.

– Завтра, – сказал О’Махон, когда Хью снова сел рядом с ним, – ты едешь в Англию.

– Да.

Хью было стыдно в этом признаться, хотя от него ничего не зависело, но ему даже слышать это название было неприятно.

– Очень хорошо, что ты пришел сюда. Потому что... кое-кто хотел бы пожелать тебе доброго пути. И дать тебе наказ. И обещание.

Поэт не улыбался. Его лицо под реденькой жидкой бородой было спокойным и сдержанным. Глаза с бельмами, будто налитые разбавленным молоком, казались не столько слепыми, сколько бессмысленными, как у младенца.

– У тебя за спиной – продолжал поэт, и Хью быстро оглянулся, – находится бывший старинный погреб, в котором живет тот, который сейчас появится. Но разговаривать с ним не нужно.

Впадина была темной. Любые бугры, которые, казалось, едва передвигаются в темноте, могли обернуться этим существом.

– Из-под того бугра, – О’Махон уверенно показал, хотя и не видел широкого древнего кургана, словно кит, мрачно плывущего над белой массой тумана, – сейчас явится некий принц, и с ним тоже разговаривать не нужно.

Сердечко Хью съезжилось в тугой комок и бешено забилося. Он хотел произнести «сидхе», но не мог сказать ни слова.

Он водил глазами с ложбины на курган и обратно, и вдруг во впадине у какой-то кочки, темнее остальных, выросли руки, кисти, и она медленно, терпеливо вырывалась из земли. Потом впереди Хью раздался звук, будто топало огромное животное, и, повернувшись, он увидел, как из темноты к нему направляется бесформенное бугристое нечто, похожее на огромный развевающийся плащ, или быстрое гребное судно с черным парусом, или несущуюся в панике лошадь в попоне.

По спине Хью поползли мурашки. Он вновь обернулся на звук сзади и увидел сурового черного карлика, полностью вылезшего из земли. Тот пристально посмотрел на Хью блестящими глазами и заковылял к нему, пошатываясь под тяжестью черного сундука в жилистых, кряжистых руках.

Вблизи ухнул филин. Хью повернул голову и увидел совершенно белую птицу, скользящую в небе перед быстро приближавшимся принцем. Хью не удавалось разглядеть ни всадника, ни коня, казалось лишь, что они огромны и как бы составляют единое целое. Постепенно он рассмотрел серые руки с поводьями и золотой венец на голове, на уровне бровей.

Белый филин пролетел над мальчиком и, тихо забив крыльями, сел на ветку расколотого дуба.

Сзади раздался грохот, похожий на раскаты грома. Черный карлик опустил свою ношу на землю. Теперь он свирепо смотрел на принца и медленно качал головой. Его огромная черная шляпа была похожа на кочку, покрытую травой, но на ней трепетало изящное снежно-белое перо.

О’Махон неподвижно сидел рядом с Хью, сложив руки на коленях, но поднял голову, когда принц вынул меч.

Казалось, невидимая рука умело играла полоской лунного света без рукояти, без острия, но это, несомненно, был меч. Принц был в ярости – это тоже было ясно. Он властно ткнул мечом в сторону карлика, который пронзительно взвизгнул, словно от налетевшей бури закрипели ветви деревьев. Человек затопал ногами, но, всячески сопротивляясь, все же открыл крышку сундука.

Внутри, кроме беспросветной тьмы, ничего не было видно. Человек запустил в сундук руку и что-то достал. Потом, неохотно приблизившись, протянул это Хью. Мальчик принял обжигающе холодный дар.

Сзади щелкнул тяжелый плащ, Хью обернулся на звук, но принц уже растворился в темноте. С его исчезновением пропала эта неистовая громада. Филин степенно улетел за ним, обронив белое перо, которое покружилось зигзагами и опустилось перед Хью. За спиной мальчика в темноте блеснули сердитыми глазами черный бугор и исчез. Впереди над полями в серебристой траве низко пролетела коричневая сова в поисках мышей.

Хью держал грубо отесанный камень-кремь, согревающийся в руке, и перо белого филина.

– Камень – это наказ, – сказал О’Махон, словно ничего необычного не произошло. – Перо – обещание.

– Что за наказ?

– Не знаю.

Они посидели молча. Янтарная луна, цвета выдержанного виски, появилась между белой бахромой облаков и серыми вершинами восточных гор.

– Я еще вернусь? – с трудом выговорил Хью, к горлу подкатил предательский ком.

– Да.

Хью весь дрожал. Узнай сэр Генри, что он так поздно ночью сидел под деревом, наверняка бы встревожился. Ночной воздух, особенно в Ирландии, пагубен для здоровья.

– Ну, прощайте, кузен, – сказал Хью.

– Прощай, Хью О’Нил, – улыбнулся О’Махон. – Если тебе в Англии подарят бархатную шляпу, белое перо на ней будет очень кстати.

Сэр Генри Сидни, хотя и не стал откровенничать с ирландцами, ясно пояснил в своих депешах Совету, почему он решил опекать Хью О’Нила. Не только из-за политики англичан помогать более слабому в конфликтах между ирландскими династиями и, таким образом, не допускать укрепления других.

Сэру Генри казалось, что если забрать в раннем возрасте, как неоперившегося соколенка, юного ирландского лорда, то позднее он охотнее подчинится власти англичан. Другими словами, он привез Хью в Англию, как звереныша в хорошо обустроенный зверинец, чтобы укротить его и приручить. Поэтому, невзирая на сомнения жены, он хотел сделать из Хью товарища своему сыну Филиппу и по той же причине просил своего зятя, графа Лестерского, опекать Хью при дворе. «У мальчика нет ни средств, – писал он Лестеру, – ни связей».

В беседе с королевой граф ввернул удачное сравнение, говоря о новом ирландском подопечном, как о привитых деревьях в графском саду. При хорошем уходе выносливой ирландской яблоне можно дать английские корни. Хоть дерево и рождено в ирландской почве, если оно будет иметь английские корни, ему от них никуда не деться.

– Помолимся тогда, сэр, – улыбнулась королева, – чтобы это дерево порадовало нас плодами.

– При должном уходе, мадам, – ответил Лестер, – его плоды будут всегда по вкусу Вашему Величеству.

И он привел к королеве десятилетнего мальчишку с ярко-рыжими непокорными волосами почти того же цвета, что и переплет миниатюрного молитвенника, сделанный из марокканской кожи, который королева держала в левой руке. По бледному лицу мальчика и курносому носу щедро были рассыпаны веснушки, его светло-зеленые глаза сверкали изумрудным блеском. У королевы было две страсти: рыжие волосы и драгоценности. Она протянула длинную руку в кольцах и потрепала рыжие кудри мальчика.

– Наш кузен из Ирландии, – сказала она.

Он не осмелился поднять на королеву глаза с рыжими ресницами после того, как поклонился ей по всем правилам (чему граф его старательно обучил). Пока взрослые беседовали о нем на дворцовом южноанглийском диалекте, который он не понимал, мальчик рассматривал платье Елизаветы. Казалось, их было несколько. Платье было словно сказочная крепость со множеством укрепленных стен с бойницами. Сквозь разрезы и стыки верхнего платья виднелось другое, где была застежка, – еще одно, а ниже кружево.

Верхняя юбка была украшена драгоценностями, расшита жемчугом, словно каплями росы, вышита разными рисунками: листьями, завитками, цветами. На нижней юбке были изображены морские чудовища, морские коньки, левиафаны с пастью как у кита. С изнанки верх-

него платья, вывернутой наружу, были вышиты сотни глаз и ушей. Хью решил, что этими ушами и глазами королева видит и слышит, значит, даже сейчас платье следило за ним.

Хью поднял глаза на бледное лицо королевы, обрамленное накрахмаленным кружевом, на волосы, украшенные серебром и жемчугом. Мальчику казалось, что могущество королевы исходило от ее платья. Она была привязана к этому платью магией, как дети Ллира к лебединому оперению. Проходя по залу, Елизавета будто разгоняла волны придворных, вихрем кружившихся вокруг нее: грациозных, длинноногих, увешанных подвязками и тонкими английскими шпагами.

Выйдя из комнаты, королева больше не разговаривала с Хью, только раз скользнула по нему взглядом. Вокруг нее вились фрейлины, словно шуршащие опавшие листья. Позже граф рассказал Хью, что у королевы тысячи таких платьев, нижних юбок и юбок с фижмами, одни краше других.

За искусной резной ширмой с нимфами и сатирами, гроздьями винограда, нелепыми геральдическими фигурами, покрытыми сусальным золотом, сидели главный советник королевы сэр Уильям Сесил, лорд Бёрли и доктор Джон Ди, ее врач и астролог. Сквозь резную ширму они видели и слышали, как королева принимала посетителей.

– Заметили того рыжего мальчишку? – тихо спросил Берли.

– А, ирландца, – кивнул доктор Ди.

– Ему покровительствует сэр Генри Сидни. Мальчишку привезли, чтобы воспитать в английском духе. Это не первый. Ее Величество верит, что покорит их сердца и завоюет преданность. Они действительно обучаются манерам и этикету, но возвращаются на свой остров, и варварская природа берет верх. Этих дикарей невозможно приручить.

– Не берусь утверждать, – сказал доктор Ди, расчесывая пальцами огромную бороду, – но, может, какие-то способы и найдутся.

– *Doctissime vir*, ученейший муж, – изрек Берли, – если они есть, давайте ими воспользуемся.

Снежок слегка припорошил дороги и домишки, когда сын сэра Генри, Филипп Сидни, и Хью О'Нил отправились из поместья Пенсхерст в графстве Кент в Мортлейк к доктору Ди.

Хотя с ними был тряский экипаж с балдахином в коврах и подушках, мальчишки предпочли ехать верхом со слугами, пока холод не пробрал их до костей сквозь тонкие перчатки и панталоны. Хью, ныне разбиравшийся в платье, не мог пожаловаться, что английская одежда спасает от холода хуже шерстяного ирландского плаща с меховым капюшоном, но в бриджах и короткой одежде он всегда мерз и чувствовал себя обнаженным.

Филипп слез с коня и бросил поводья слуге, растирая ладони, стиснув застывшее тощее сидячее место в синих панталонах.

Хью тоже полез в экипаж. Они задернули шторы и, укрывшись пледами, прижались друг к другу, со смехом смотря, как дрожит сосед. Они говорили о докторе по имени Ди, у которого Филипп уже брал уроки латыни, греческого и математики. Хью, хоть и был старше Филиппа, до сих пор не учился, хотя ему тоже обещали уроки. Мальчишки обсуждали, чем займутся, когда подрастут и станут рыцарями, воображая себя героями легенд о короле Артуре, Уорвике и других.

Когда они играли в героев на своих пони в полях Пенсхерста, Хью ни разу не удалось уговорить Филиппа взять менее значимую роль: «Я буду странствующим рыцарем, а ты моим оруженосцем». Филипп Сидни знал много легенд, а также с молоком матери впитал манеры английского лорда, прежде чем он узнал о мире что-то еще. Даже в игре сын главы ирландского клана не может повелевать сыном английского рыцаря. Но всякий раз, оказавшись на острие деревянного меча, безо всякой надежды на победу, Хью уворачивался и призывал орду призрачных помощников, которые разделялись с обычными людьми из войска Филиппа.

То ирландец выдумывал историю про ворону – зачарованную принцессу, которой он когда-то помог, за чьи ноги он мог схватиться и улететь в безопасное место, то про дуб, в котором открывалось дупло, где он прятался.

– Это нечестно, – кричал Филипп.

Неожиданные помощники, которых Хью призывал на грубом варварском языке, не вписывались в правила, не имели ничего общего с победами добрых рыцарей над злыми, и непонятно, почему они помогали только Хью.

– Потому что моя семья однажды сослужила им великую службу, – трясаясь в экипаже, пояснил Филиппу Хью.

Спор был бесконечным.

– Ну, тогда и моя семья тоже.

– У рыцаря Уорвика семьи нет.

– А я говорю есть, значит, есть.

– И в Англии нет... сказочных существ, – осторожно говорит Хью.

– Конечно, есть.

– Неа, если бы были, как ты их позвал бы? Ты думаешь, они понимают по-английски?

– А я приглашу их на латыни. *Veni, venite, spiritus sylvani, dives fluminarum...*⁸

Хью, смеясь, пнул плед и Филиппа. Латынь!

Однажды они пришли с вопросом к Баклу, егерю, считавшемуся самым мудрым после доктора Ди, которого они не отваживались спрашивать.

– Раньше здесь водились феи, – сообщил тот.

Огромными грубыми руками он точил о камень нож, который так и ходил туда – сюда, вжик – вжик.

– Но это было до короля Гарри, я тогда был мальчишкой и читал наизусть «Аве Мария».

– Понял? – сказал Филипп.

– Это в прошлом, – махнул рукой Хью.

– Моя бабушка их видела, – рассказал Бакл. – Видела, как один сосал козье молоко, как детеныш. И потом она не смогла ничего надоить. Но в наш век их вряд ли встретишь.

Лезвие ходило ходуном: туда – сюда, и Бакл пробовал его заглубившим большим пальцем.

– Куда же они ушли? – спросил Филипп.

– Прочь, – ответил Бакл. – Исчезли вместе с монахами, литургией и Священной кровью из аббатства Хейлс.

– Но куда же? – не унимался Хью.

Бакл улыбнулся, и на его лице и шее разгладились даже глубокие морщины.

– Скажите, юный господин, куда девается ваша коленка, когда вы встаете?

Джейн, жена доктора Ди, напоила мальчишек посетом, горячим напитком из эля и молока. Когда мальчишки согрелись, доктор предложил им выбор: почитать любую из его книжек, поработать с точными инструментами или изучать его карты, которые он развернул на длинном столе, а сверху положил компас и угольник.

Филипп выбрал книгу, роман в стихах, отчего доктор засмеялся. Мальчик удобно устроился в подушках, открыл книгу и вскоре заснул, «как сурок в норке», по словам Джейн.

Хью склонился над картами рядом с доктором, чьи круглые очки странно увеличивали его глаза, а длинная борода чуть не волочилась по бумаге.

Сначала Хью узнал, что карты изображают мир не таким, как его видит человек, а как птица, летящая высоко-высоко.

Доктор показал Хью по карте Англии расстояние от Пенсхерста до Мортлейка, которое они проехали. Оно оказалось не длиннее фаланги большого пальца.

⁸ Придите, придите, духи лесные, божества речные (лат.).

А потом и Англия с Ирландией тоже уменьшились и стали едва заметными, когда доктор Ди развернул карту всего обширного мира. Точнее, половины мира. Мир, как он сказал Хью, круглый, как шарик, на этой карте – половина мира.

Шар, подвешенный Господом в центре небесного свода! Блуждающие звезды вращаются вокруг него по своим сферам, а настоящие – по своим.

– Вот это остров Ирландия, отделенный от нас проливом Святого Георга. Птицы оттуда долетают сюда за полдня.

«Дети Ллира», – подумал Хью.

– Все эти земли – Ирландия, Уэльс и Шотландия, – ткнул он длинным пальцем, – принадлежат британской короне, королеве. А вы ее верный слуга.

Он улыбался, глядя на Хью.

– И я тоже, – добавил Филипп, присоединившийся к ним.

– И вы, – он снова повернулся к картам. – Но взгляните сюда. Ей принадлежат не только Британские острова. Северные земли, где живут датчане и норвежцы, тоже ее по праву, благодаря их прежним королям, ее предкам. Сейчас, конечно, было бы неразумно предъявлять на них претензии. И еще дальше, за морем.

Он рассказал мальчикам про Гренландию и Эстотиланд, про Атлантический океан. Говорил о королях Малго и Артуре, о лорде Мадокке и святом Брендане Великом, о Себастьяне Каботе и Джоне Каботе, добравшихся до берегов Америки за сотню лет до Колумба. Это они и другие путешественники намного раньше ступили на те далекие земли и объявили их владениями предков королевы Елизаветы, поэтому они принадлежат британской короне. Чтобы вернуть их, королеве не нужно разрешения ни испанца, ни португальца.

– Я тоже открою для королевы новые земли, – заявил Филипп. – Вы поедете со мной, чтобы направлять меня. А Хью будет моим оруженосцем!

Хью О'Нил промолчал, размышляя. Ирландские короли не уступали своих земель англичанам. Ирландские земли принадлежали другим кельтским королям, другим кланам с незапамятных времен. А если новый настоящий король короновался в Таре, он снова отвоевывал эти земли.

Мальчикам пора было возвращаться в Кент. Снаружи, звеня шпорами и сбруей, слуги уже седлали коней.

– Кланяйтесь от меня вашему отцу, которого я искренне почитаю, – сказал доктор Ди Филиппу, – и примите от меня этот дар. Пусть он станет для вас путеводителем, когда вы вырастите и отправитесь на поиски приключений.

Доктор взял со стола небольшую книжку, без переплета, сшитую суровой ниткой. Это была рукопись, написанная аккуратным почерком самого доктора Ди, под названием «Заметки касательно общих и частных вопросов искусства мореплавания». Филипп растерянно, с благоговением взял ее в руки, осознавая оказанную ему честь и не совсем понимая, что с книгой делать.

– А вы, мой новый друг из Гибернии, идите со мной.

Он повел Хью в угол удивительно переполненной комнаты, отодвинул блестящий шар светло-коричневого хрусталя на подставке, перенес блюдо с камнями и, воскликнув «А!», достал что-то.

– Вот, – сказал доктор Ди, – примите в дар на память о сегодняшнем дне. Но пообещайте, что вы никогда не расстанетесь с вещицей и никому ее не отдадите.

Хью не знал, что ответить, но доктор продолжал говорить, словно обещание было дано.

– Эта диковинка, молодой человек, единственная в мире. Для чего она, вы узнаете, когда в том возникнет нужда.

Он передал Хью овальное черное зеркальце, чернее которого тот никогда не видел, такой черноты, что боязно взглянуть, и все же он разглядел в нем собственное отражение, словно

наткнулся на незнакомца в темноте. Зеркальце было в золотой оправе и висело на золотой цепочке. На обратной стороне на золотой поверхности виднелся знак, которого Хью тоже раньше никогда не встречал. Мальчик потрогал пальцем гравировку.

– *Monas hieroglyphica*, иероглифическая монада, – произнес доктор.

Он взял маленькое обсидиановое зеркальце из рук Хью за тонкую цепочку и повесил ему на шею.

Когда Хью снова взглянул на глянцевую поверхность, то ничего не увидел, но кожа его горела и в сердце пылал огонь. Хью взглянул на доктора – тот заправил зеркальце под камзол.

Вернувшись в Пенсхерст и уединившись (что в доме Генри Сидни было практически невозможно из-за прибывавших и отъезжавших лордов, придворных дам, офицеров Ее Величества, красавицы сестры Филиппа, дразнившей его, и слуг, сновавших туда-сюда), Хью расстегнул рубашку и взял в руки подаренную вещицу.

В уборной, где он спрятался, было темно и холодно. Он потрогал силуэт, вытисненный на золотой оправе, похожий на человека в короне, а может, и нет. Хью перевернул зеркальце и увидел в нем лицо, но не свое отражение. Как будто он глядел не в зеркало, а через дверной глазок в другое помещение. Оттуда через глазок кто-то смотрел на него. На Хью взидала английская королева.

«О зачаровании зеркал» не было ни книгой, ни научным трудом, ни выдающимся произведением. Оно бы не перенесло кочевого образа жизни, который Джон Ди стал вести, когда наступила пора перемен. Несколько страничек, свернутых восемь раз, были заполнены его каракулями, и никто, кроме самого доктора, не смог бы воспользоваться изложенными там сведениями, ибо некоторые нужные компоненты и действия были запечатлены лишь у него в сердце.

Сегодня от документа осталось только название среди описи бумаг и вещей доктора Ди. Опись прилагалась к просьбе о компенсации убытков, адресованной правительству Ее Величества. Во время длительных заграничных путешествий доктора библиотека и мастерская были расхищены недоброжелателями.

Из всех зеркал, над которыми доктор отрабатывал свое искусство, только одно оказалось удачным. Только в одном нити пространства и времени сплелись таким образом, чтобы дух хозяина предстал перед взором обладателя. Изготовление вещицы началось с парадокса. Рождение зеркала требовало, чтобы первым в него посмотрел хозяин. А поэтому никто другой не мог взглянуть на него раньше, ни тот, кто серебрил зеркало, ни кто полировал сталь. Как тут мастеру не стать хозяином зеркала?

Джон Ди нашел решение. Бывает на свете идеальное зеркальце, которое не нуждается ни в покрытии серебром, ни в полировке. Его просто надо отыскать, определить, выявить гладкую сторону, поднять с земли и скрыть от глаз, даже от человека, нашедшего его. Доктор многое слышал о таких камнях, привезенных с залитых вулканической лавой полей Греции или Турции, впервые обнаруженных, по словам Плиния, путешественником Обсиусом. Свое зеркальце доктор привез из Шотландии. Ему вспомнился холодный холм, острые, словно нож, куски лавы и то, как он смотрел в небо на пролетающие над головой облака, пока пальцы не нащупали идеальный камушек и не спрятали его в карман.

Доктор, не глядя, вытащил камень из кожаного кошелька, нащупал гладкую поверхность, поднес к лицу королевы и держал несколько секунд, прежде чем вложить в руку Елизаветы. Блеск камня ослепил ее, поразил, хотя она и раньше видела куски обсидиана. Но с этой красотой не мог сравниться ни один из прежних камней. Доктор Ди пробудил его скрытые силы молитвой, а также волшебными средствами, подсказанными его помощниками, о которых он не упоминал при дворе, эти тайны не предназначались для чужих ушей. В камне навсегда запечатлелось лицо королевы, и не только – она сама, ее мысли, власть, ее очарование. К счастью,

королева не оставила камень у себя. Нет, она с изящным кивком отдала вещицу и вернулась к делам – камень принадлежал доктору.

Но теперь все изменилось. Камень принял лицо и природу хозяина, и с ним можно было работать. Доктор огранил его, вставил в золотую оправу и подарил ирландскому мальчишке. Да, способы приручения всегда найдутся.

Доктор Ди стоял на валлийском мысе, откуда в ясный день через пролив Святого Георга виднелся ирландский берег. Солнце садилось за холмы соседнего острова, они казались больше и ближе в его золотистых лучах. Там, где садилось солнце, Хью О'Нил однажды станет великим вождем. Так донесли осведомители доктора Ди.

Ирландские короли и старые лорды в будущем заставят Хью создать на острове, раздираемом распрями, единое государство и навсегда изгнать англичан и шотландцев. Но Хью О'Нила, знал он о том или нет, королева как бы держала на длинном поводке, хотя она, возможно, не подозревала, что мыслями, волей, желаниями, потребностями всегда будет удерживать ирландца на привязи. Она будет отвлекаться на другие дела – чем больше мир, тем больше опасностей он таит, – но и о кузене не забудет.

Доктор отвернулся от моря. Ветер гнал на север одинокое облако с кроваво-алой прожилкой, похожее на огромного зверя, преображающееся по пути.

Прошло семь лет. Хью О'Нил вернулся в Ольстер. Он еще не был О'Нилом, не стал графом Тиронским, но и чужаком не стал. По английским титулам, в которые ирландцы верили только наполовину, он был барон Данганнон. Тихий мальчик вырос в степенного мужчину.

Его мятежного отца Мэтью, сына Шона, убил дядя Терлох Луних, за что снискал одобрение англичан, которое не принесло ему никаких благ: богатого графства, титула, жалованных привилегий, денежных займов – ничего (когда это англичане выполняли обещанное?).

Хью вновь находился на ирландской земле с английскими солдатами в свите и английским оберегом на шее, применения которому он так и не нашел. Он ехал по Дублину. Никто не приветствовал его, не радовался его приезду. Кто же на его стороне? На кого можно положиться?

На небогатых О'Хаганов, О'Доннелов, сыновей свирепого шотландского пирата Инина Дава по прозвищу Смуглый? На англичан: придворных королевы Берли и Уолсингама, что с улыбкой пожимали ему руку?

Они знали Конна О'Нила и отпускали шуточки по поводу белого пера, которое Хью всегда носил на шляпе. Они научили его не только аристократическим манерам. Их взгляды были леденее рукопожатий.

Замковая башня Данганнона стояла, как прежде. Но старые вожди и их соратники, которые, бывало, устраивали здесь пирушки и перебранки, теперь разошлись в разные стороны, боролись друг против друга или подались на юг сражаться за наследников Десмонда. Но когда Хью вернулся в родные края, хоть и со скромной свитой, они стали понемногу подтягиваться, каждый день прибывало все больше людей, обнищавших, оборванных, полуголодных. В замке оставались женщины, от них он узнал, что мать его умерла в доме О'Хаганов.

– Тяжелые времена, – сказал слепой О'Махон, который по-прежнему жил в замке.

– Да.

– А ты вырос, кузен. Во всех отношениях.

– Я все такой же, – сказал Хью, и поэт не ответил.

– Скажи мне, однажды тут неподалеку, вверх по дороге к холмам, где когда-то стоял монастырь...

– Помню, – откликнулся Хью.

– Тебе кое-что подарили.

– Да.

Человек может что-нибудь хранить при себе: в кармане, кошельке, где-то еще, и совсем забыть про вещь. Временами он подумывает ее выбросить и все же не решается. И дело не в ее ценности, а в том, что она принадлежит ему, была и остается частицей его самого. Камень пролежал у него то там, то сям, все эти годы взросления, теряясь и находясь снова. Он уже не казался, как раньше, не по размеру тяжелым, олицетворением холодной силы, предназначенной для какой-то цели. Он превратился в старый камешек с выцарапанной на нем человеческой фигуркой. Такую мог вырезать ребенок.

Хью пошарил в карманах и наткнулся на камушек, который с готовностью скользнул к нему в ладонь. Хью вытащил камень с нелепой мыслью показать слепому и подтвердил:

– Да, он до сих пор у меня.

Наказ. Так О'Махон называл камень. Какой, пока неизвестно. Хью сжал камень в кулаке.

– Я скоро построю здесь дом, такой, как у англичан, из леса и кирпича со стеклянными окнами, дымоходом и замком на двери.

– Проводишь меня до того места?

– Если хочешь, кузен.

О'Махон взял Хью под руку, и тот повел его. Поэт хорошо знал дорогу, но ему нужна была помощь, чтобы не споткнуться по пути. Они поднялись на низкий холм, знакомый Хью с детства, когда он впервые приехал сюда с О'Хаганами. Высокие деревья, что стояли здесь раньше, вырубил. За холмом у реки лежали луга, где пасся скот, и кукурузные поля, теперь непаханные и пустые.

– Смеркается, – сказал поэт, словно видел закат своими глазами.

За расколотым дубом посреди невысоких холмов виднелся один повыше, над которым трудилась не природа – вода и ветры, а человек, что сразу бросалось в глаза. Длиной километров пять, сейчас он казался меньше, чем прежде, в детстве.

– Час заката отделяет день от ночи, так же как река – ту и эту стороны. То, что нельзя узреть ни днем, ни ночью, появляется в сумерки.

– Откуда тебе, незрячему, это знать?

– Братец, мои глаза – та же грань. Я стою на ней всю жизнь.

Они молча ожидали, пока небо над их головами не почернело, а на востоке стало бледно-зеленым с алыми прожилками. В низинах собрался туман. Позднее Хью О'Нил не припомнит этого момента, да и был ли он, когда явилась орда, если она вообще являлась, и встала возле холма, смутная, но явно ощутимая. Она всё прибывала пешими и всадниками.

– Иноземной королеве, которую ты любишь и которой служишь, – сказал О'Махон, – до тебя дела нет, ей нужно, чтобы ты держал этот остров у нее в подчинении, чтобы при желании наводнить его своими жадными подданными и бедными родственниками и выжать из него все возможное.

Призрачные воины виднелись отчетливее. Хью почти различал шорох их движений и бряцанье оружия. Древнейшие... сидхе.

– Они призывают тебя сражаться, Хью Гавелох О'Нил из О'Нилов. Ты О'Нил, а кем станешь, неизвестно. Но у тебя есть друзья.

Их очертания то становились резче, то вновь расплывались в темноте, их кони разворачивались на месте, их копыта, как молодые деревья, гнулись на ветру. Они словно с нетерпением ждали, что он кликнет их на помощь, позовет примкнуть к нему. «Наказ», – подумал Хью. Но ни голосом, ни сердцем ему пока нечего было им сказать. Вскоре грань дня и ночи растаяла, и больше он их не видел.

В Манстере, колыбели мира, снова поднялись на борьбу норманнские графы Десмонд, Килдер и Ормонд, сопротивляясь англичанам, претендовавшим на земли, которыми старинные кланы владели испокон веков. Графы не признавали над собой ничьей власти, кроме Папы

Римского. Хью О'Нил держался как можно дальше от баталий на юге. Он считал, что должен добиться превосходства здесь и стать Лордом Севера.

Но зеркальце из обсидиана осудило его, он не оправдывал возлагаемых на него надежд. «Ты плохой друг той, что любит и скоро вознаградит тебя». Королева смотрела на него из зеркальца, ее бледное лицо обрамляли тугие накрахмаленные рюши. Во сне он видел ее глаза. Когда в Дублине англичане собрали армию во главе со старым, усталым Генри Сидни, Хью поехал с ним на юг со своими воинами и кормил их, грабя поля и деревни Десмонда. Любые города и деревни, захваченные Сидни, если не подчинялись, предавались мечу. По всей стране мятежным вождям отрубали головы и насаживали на колья. Графы и их соратники поджигали в полях пшеницу, лишая английскую армию фуража. А весной уже солдаты Сидни с той же целью поджигали первые всходы.

Люди питались травой, а когда ничего не оставалось, умирали от голода, и другие ели их мертвую плоть и плоть умерших младенцев. А королева взывала к сердцу О'Нила: «Не смотри на их страдания, смотри на меня». Но кремь в кармане Хью имел свое мнение на этот счет. Хью держался сэра Генри, но шел своим путем. Он избегал решительных сражений и карательных операций, в Манстере он занимался главным образом не военными делами, а... охотой. Он привез с собой егерей с ружьями («Fubun – позор серому вражескому оружию», – когда-то давно говорил О'Махон, но сейчас пришло другое время).

Где бы он ни бывал, где бы люди ни лишались земель, Хью интересовался у мужчин и ребят, каким оружием они владеют. Когда они упоминали копыя, луки, пики, он приносил ружье, объяснял, как оно действует, и давал одному-другому попробовать. Самых ловких он награждал монетой или другим подарком, а то и вручал ружье.

– Храните его в безопасном месте, – улыбаясь, говорил он.

Ни зеркальце, ни камень не научили бы его той мудрости. Когда придет время вести войско против английских солдат – если оно настанет, – он возглавит не орду горластых висельников против обученных вооруженных пехотинцев. Его армия будет заходить по команде с флангов, маршировать в ногу и вести огонь. Когда придет время.

Вернувшись в Данганнон, он начал строить дом в английском стиле, где в гардеробных хранились его бархатные английские костюмы и шляпы, ковры и постельное белье, сделанное неизвестно из чего. Когда Хью не смог достать свинцовых листов для крыши, Берли распорядился, чтобы кораблем ему отправили многотонный груз (он годами лежал в сосновом лесу в Данганноне, пока ему не нашли другого применения в другом мире).

Хью влюбился, не в первый и последний раз, но счастливо в Мейбл Бейдженал, дочь сэра Николаса Бейдженала, служащего Королевского совета в Дублине. Бейдженал не одобрял брака, не желал принимать в зятя ирландского вождя, полагая, что Мейбл достойна лучшего. Но когда Хью О'Нил прискакал в Дублин в бархате и плаще с подкладкой в сопровождении сотни слуг, ее сердце дрогнуло. И черное зеркальце этому возрадовалось.

Утром после брачной ночи Мейбл обнаружила зеркальце на золотой цепочке на груди жениха и хотела снять его, но он не позволил. Хью показал ей зеркальце и спросил, что она в нем видит. Впервые в зеркало заглядывала третья душа. Мейбл, нахмутив брови, рассмотрела диковину и сказала, что смутно видит свое отражение. Хью себя в этом зеркальце никогда не видел.

– Это подарок, – пояснил он, – от одного мудрого человека из Англии. Оберег.

Мейбл посмотрела на мужа, который, казалось, рассматривал в зеркале свое отражение (хотя она ошибалась), и проговорила:

– Пусть хранит с Божьей помощью.

Той же весной доктор Ди, его жена Джейн и их многочисленные дети уехали на континент с сундуками книг, астрономическими приборами, склянками с лекарствами от всяких болез-

ней, люлькой для очередного младенца и бархатной сумкой с шариком из кристаллического кварца с небольшим изъяном: не совсем по центру его было вкрапление, будто упавшая звезда.

В холодной комнате высокой башни в золотом городе в центре Богемии доктор поместил камень в оправу, вырезав имена и знаки, которые ему сообщили ангелы.

На небесах шла война, под землей тоже, и совсем скоро она охватит человеческие владения: земли и моря империй и королевств.

Война охватит государства Европы, коснется даже султана. Если Испания объявила Атлантический океан своими владениями, то Атлантика тоже будет вовлечена в игру. Фрэнсис Дрейк сменит свой каперский патент на золотую цепь Адмирала морей и океанов, и Уолтер Рейли тоже получит свою.

Силы небесные, что помогают настоящей христианской вере, вооруженные ангельские войска будут вовлечены в битву. Им будут противостоять другие силы, великие и малые, поддерживающие старую веру. Жители срединного мира, духи земли, воды, холмов и деревьев, миролюбивые и способные защитить себя, конечно же, будут бороться за старую религию не из любви к Папе Римскому, а потому что ненавидят перемены. Особого урона они не нанесут, только будут раздражать. Но на раздираемом войной ирландском острове, где будут при-ветствовать Испанию, существовали другие силы, воины, внезапно являющиеся из ниоткуда, чтобы нанести смертельный удар бесшумным оружием и тут же исчезнуть.

Люди ли это, и были ли они когда-нибудь людьми, или пустые шлемы и кирасы? Иногда их ловили, зная заклинания, могли даже ненадолго заточить в тюрьму. Они говорили своим тюремщикам, что вешать их бесполезно, они бессмертны.

Смотрите сами: вихрь ветров в камне, ощущение (не звук) неземного смеха, и тучи расходятся, открывая как бы с высоты птичьего полета вид на западное побережье Ирландии. А на море крохотные точки – большие военные корабли с огромными красными крестами на флагах. Флот в Северное море и пролив Святого Георга пришел, чтобы посадить Филиппа на королевский трон Англии. А королеву-деву отдать ему в жены, хотя она уже стара и бесплодна. В камне крохотные корабли качались в открытом море, как игрушки в театре масок или кукол. Перст ангела указал на них, и Джон Ди услышал шепот. Все это скоро случится.

Хью О'Нил незаметно для себя переступил порог тридцатилетия. Бесконечная череда его врагов, фальшивых друзей, сумасшедших глупцов, которых он встречал в борьбе за наследство, постепенно исчезала: от кого откупился, с кем подружился, кого сослали или повесили. Черное зеркальце было его советчиком и наставником, когда он соперничал с людьми и самим зеркальцем (Хью мог не признаваться и сожалеть об этом).

Иногда зеркальце говорило ему: «Сражайся, не то потеряешь все», а то просто смотрело на него. Иногда образ в зеркале плакал, или смеялся, или изрекал, что сила идет от сердца и ума, но всегда беззвучно, словно Хью сам подумал или мысленно произнес слова, что не уменьшало их правдивости и значимости. Если он умел понять смысл и правильно отреагировать, все происходило так, как было предсказано, и он выигрывал.

Весной тысяча пятьсот восемьдесят седьмого года он вернулся в Лондон, чтобы наконец получить от королевы титул графа Тиронского. Он преклонил пред нею колено, сняв с головы шляпу с белым пером.

– Кузен, – промолвила королева и протянула ему руку в перстнях для поцелуя.

Лицо в черном зеркальце никогда не менялось. По крайней мере, ему так казалось – белое, миниатюрное и украшенное драгоценностями. Но женщина из плоти и крови была уже в годах. Пудра не скрывала четких морщинок вокруг ее глаз и на лбу. Переполненный любовью и жалостью, он склонился над рукой, не касаясь ее губами, и, когда поднял глаза, королева вновь стала юной и прелестной.

Королева повторила:

– Мой кузен. Милорд Тиронский.

Когда он на своем английском корабле вернулся домой с подарками и покупками, которые увезли на двадцати повозках, запряженных быками, на пристани его встречали воины О'Нилов и О'Доннелов с брегонами, женами. Среди встречавших, опершись на посох, стоял, словно пожухлый лист, поэт О'Махон.

Хью подошел к нему, стал на колени и поцеловал белую руку поэта, протянутую к нему. О'Махон поднял его, ощупал большое лицо и широкие плечи, железную кирасу.

– Обещание, данное тебе, выполнено, – промолвил поэт.

– Как это, кузен?

– Ты О'Нил, это подтверждено в Туллихоге, так же как утверждали всех твоих предков. Ты граф Тиронский по воле Англии. Ты передал им свои земли, а они вернули их тебе, словно земли принадлежали им, и добавили титул графа.

– Как это соотносится с обещанием?

– Это они должны были знать. Твое дело действовать и учиться.

Он прикоснулся к руке Хью и добавил:

– Кузен, ты не отправишься летом путешествовать? Земли, которыми ты владеешь, огромны.

– Может быть. Погода благоприятствует.

– Я был бы счастлив отправиться с тобой. По крайней мере, до старой крепости Данганнона.

– Ну так поедem. Тебя понесут на носилках, если хочешь.

– Я еще держусь в седле, – улыбнулся поэт. – А мой конь знает дорогу.

– Что мы там будем делать?

– Я? Ничего. Но ты, ты опять встретишься со своими союзниками или с их посланником, герольдом. Они расскажут тебе о более могущественных силах, которые пробуждаются ото сна, и их бледных конях.

Улицы, которые были тихими, когда юный ирландец вернулся домой с того острова, куда его увезли в детстве, сейчас оживились. От улицы к улице, от дома к дому передавали новость, что Хью О'Нил приехал домой. Люди подходили к нему, дотрагивались до сапог, поднимали детей, чтобы они рассмотрели его. В знак признательности он снимал черную бархатную шляпу с белым совиным пером.

Противники – королева Англии и древнейшие из-под холмов – общими стараниям возвеличили Хью О'Нила. Он стал таким, каким они хотели его видеть. И что теперь ему было делать? Он попытался было снять с шеи черное зеркальце, однако обнаружил, что это невозможно. И сила была, и цепочка тоненькая, вроде ничего не стоило разорвать ее пальцами, но не тут-то было...

Хью О'Нил, Лорд Севера, стоял в центре времени, которое не отличалось от его собственного. В мире существует пять направлений: север, юг, восток и запад. А пятое направление лежит посреди них. Оно указывает на пятое королевство, единственную землю, где может стоять он или любой человек. Здесь. Что же, пусть так и будет. Кто такой Хью, как не поле битвы, где армии и генералы разрывают его пополам согласно своим целям. И никто не знает, как будет развиваться мир отсюда, где он стоит. Будь что будет.

Королевы уже не было на этом свете. Джон Ди был при смерти. Его книги, алхимическое оборудование, даже подарки от королевы – все было продано, чтобы купить хлеба. Его долголетняя служба при дворе ничего не значила для нового шотландского короля, который боялся магии превыше всего. Все имущество доктора было распродано, кроме этого маленького черного кварцевого камушка, в котором сидело существо из другого мира, ангел, как доктор предполагал раньше, но в чем теперь сомневался.

Война, которую камень показал ему, прекратилась, сделала перерыв, и в этой части мира воцарился покой, словно в центре урагана. Ненадолго.

Сейчас в камушке он видел не армии королей и императоров, не небесные твердыни и сонмы ангелов. Он видел только длинные каменистые берега и знал, что это западное побережье Ирландии, и там, где раньше разбивались о скалы испанские суда, строились другие корабли, не похожие на те, которыми управляют люди, корабли, сделанные в другом времени, веке, посеребренные, как сплавной лес, с тонкими, как паутина, парусами. Те, что строили суда, грузились и спускали их на воду, тоже были серебряными и прекрасными. Победенные, они бежали. Они плыли на запад, к Блаженным островам, к берегам и дальним неведомым холмам.

Внутренний голос сказал Джону Ди: «Это будущее. Оно придет. Мы не знаем когда. Да будет так».

Когда он склонился над блестящим камнем, набравшаяся сил душа пророчески поведала ему, что, когда наступит конец сражений и пройдет время, истинные силы, сражавшиеся в этих войнах, забудутся, канут в вечность, и он сам тоже. В истории останутся только люди: короли и королевые, солдаты, священники и простые горожане.

Мэтью Хьюз⁹

Мэтью Хьюз родился в Англии, в Ливерпуле, но большую часть жизни провел в Канаде. Он работал журналистом, писал речи для министров юстиции и окружающей среды и как спичрайтер-фрилансер в Британской Колумбии, пока серьезно не занялся писательским трудом. На его творчество значительное влияние оказал Джек Вэнс. Хьюз детально описал приключения негодяев Хэнгиса Хэпторна, Гута Бэндара и Луффа Имбри, живших до Эры умирающей Земли, в популярных рассказах и романах, включающих «Странствия глупца» (Fool's Errant), «Одурачь меня дважды» (Fool Me Twice), «Черный Бриллион» (Black Brillion), «Маджеструм» (Majestrum), «Геспира» (Hespira), «Спиральный лабиринт» (The Spiral Labyrinth), «Шаблон» (Template), «Квартет и триптих» (Quartet and Triptych), «Желтый кабашон» (The Yellow Cabochon), «Другой» (The Other), «Простой народ» (The commons), его рассказы вошли в сборники «В поисках правды и другие рассказы» (The Gist Hunter and Other Stories) и «Замыслы Луффа и другие рассказы» (The Meaning of Luff and Other Stories). Он автор трилогии «В ад и обратно» (Hell and Back Trilogy): «Проклятые жулики» (The Damned Busters), «Костюм не включен» (Costume Not Included) и «Должок» (Hell To Pay).

Он пишет детективы под псевдонимом Мэтт Хьюз и тексты для СМИ, как Хью Мэтьюз. Недавно вышли его книги о Луффе Имбри: «О причудах и нублах» (Of Whimsies and Noubles) и «Прозрение» (Epiphanies), сборник «Дьявол или ангел и другие рассказы» (Devil or Angel and Other Stories) и книга об Эрме Касло «Помощник волшебника» (A Wizard's Henchman).

Здесь вы прочитаете рассказ о волшебнике, столь могущественном, тщеславном и алчном, что, казалось бы, он вовсе не нуждается в друзьях, однако на деле все оказывается не так однозначно.

⁹ Matthew Hughes, 2018; © пер. В. Соломакиной, 2018.

Друзья Маскелейна неотразимого

У волшебника Маскелейна была одна особенность: если ему что-нибудь нравилось, он считал эту вещь своей, и только своей. А если она принадлежала другому, значит, тот владел ею незаконно.

«Негодяй обокрал меня!» – так решал Маскелейн. Он копил в себе возмущение, разрабатывая планы, направленные не только на отъем понравившегося, но и на наказание наглого вора. Таким вот образом Маскелейн и прослыл волшебником, который любил вызывать других на поединки. Те, кто решался сразиться с Маскелейном Неотразимым, возвращались домой побитыми и нищими, ведь, кроме предмета, послужившего причиной поединка, он отбирал все, что ему хотелось. И вешал волшебную палочку побежденного чародея на стену столовой.

На сто девятнадцатом Великом симпозиуме, проводившемся в роскошных садах при дворце Великого Магнуса, Маскелейн разгневался на Подлбрима, безвестного чародея, у которого даже прозвища не было. Маскелейн тщательнейшим образом подготовился к состязанию, ревностно охраняя репутацию образцового исполнителя нескольких сложнейших трюков.

К восторгу всех собравшихся, он представил серию сцен из Девятнадцатой Эры с помощью конструкции из призм и кристаллов, с исключительным мастерством выращенных в пещере неподалеку от его поместья в Хай Войдераш. Работа велась месяцами и чуть ли не до смерти изнурила нескольких сильфид. Фигуры высотой в половину человеческого роста, облаченные в античные одежды, исполняли в воздухе тайные замысловатые ритуалы, изображавшие сценки повседневной жизни при дворе Седого императора бесчисленные тысячелетия назад. Власть Маскелейна над собственным творением была настолько велика, что позволяла провести публику за Закрытый Занавес, считавшийся доселе непроницаемым, и показать развлечения императора и наложниц в гареме.

Первым заплодировал сам Великий Магнус, затем к нему с восторгом присоединились судья Фубэй и старейшины Колледжа. Маскелейн заметил, как Лурулан Лучезарный и Омбо Досточтимый обменялись на трибунах угрюмыми взглядами. Их совместный проект воссоздавал фрагмент полумифической Войны Семи царств, когда две армии в самом разгаре свирепой битвы внезапно прекратили сражаться друг с другом и объединили усилия против извивающейся юной драконессы, слетевшей с небес. Лурулан и Омбо сотворили тысячи миниатюрных роботов, пеших и конных, и ужасающего червеобразного дракона, изрыгавшего красно-желтое пламя. В разгар битвы чудовище, сраженное мерцающими лучами Бессмертных и Железной гвардии, взорвалось яростной вспышкой света, разлетевшись во все стороны сверкающими искрами и мерцающей чешуей.

Пока Маскелейн складывал в коробки свои призмы и кристаллы, зрители наблюдали за воюющими фигурками, творением Лурулана и Омбо. Маскелейн, купаясь в восторженных похвалах публики, был сама скромность, лишь в глазах блестел холодный огонь тщеславия.

Он поклонился Великому Магнусу и Фубэю, одной рукой вяло помахал слугам, чтобы те унесли аппаратуру, а другую прижал к груди в благодарность публике за ее шумное одобрение. Маскелейн сошел с помоста, не дожидаясь окончания аплодисментов, и стоял среди толпы волшебников и государственных сановников, слушая приглушенные восклицания.

Дворецкий Великого Магнуса объявил:

– Подлбрим... – Он поискал в свитке прозвище, но, не найдя его, замаскировал эту досадную заминку кашлем, после чего продолжил: – Подлбрим и его Дерево сокровенных желаний!

В зале воцарилась тишина, нарушаемая лишь шелестом ткани, – публика вытянула шеи, готовая лицезреть новое чудо. Маскелейн не узнал Подлбрима, хотя имя было ему знакомо. На помост вышел невысокий, полноватый человек в невзрачной, какой-то даже тусклой мантии. Поклонился публике – мелькнула лысина с мышино-седой каймой волос. Никаких велеречи-

вых жестов или театральных поз, технику которых Маскелейн всегда тщательно отработывал. Чародей окинул собравшихся удивленным взглядом, как бы спрашивая, что они тут делают, потом откашлялся и произнес:

– Смотрите.

Шагнув в сторону, он коротким жестом представил публике нечто необычное. В центре сцены откуда ни возьмись появился столб бледно-голубого дыма и спиралью стал закручиваться вверх, непрерывно расширяясь и превращаясь в плоское облако над головой чародея. Дым сгустился, потемнел, затвердел, и видение стало стеклянным деревом цвета морской волны. Дерево выбросило во все стороны сильные ветви, они стали змеиться, переплетаться, нежная, почти прозрачная листва одела зеленью молодые побеги.

А потом на дереве появились плоды. Подлбрим сорвал с нижней ветки шар, ладно улегшийся в горсти, окинул его почти равнодушным взглядом и бросил Великому Магнусу, сидевшему в ложе. Повелитель страны поймал стеклянное яблоко, повертел в руке, рассматривая с неподдельным любопытством, и поднял высоко над головой, чтобы на фоне полуденного неба заглянуть вглубь.

Притихшая толпа услышала резкий вдох аристократа, и затем шумный выдох, что, условно, выражало восхищение. Магнус замер, удивление сменилось грустью. После долгой паузы он медленно опустил яблоко и смахнул слезу. Вновь бросив взгляд на шар в своей руке, тихо произнес:

– Изумительно.

Подлбрим слегка поклонился Великому Магнусу, потом сорвал еще одно яблоко с прогнувшейся под тяжестью плодов ветки и кинул его Фубэю. Судья уставился на шар взглядом потерявшегося ребенка, который, увидев мать за углом и широко распахнув объятия, бросается ей навстречу. Подлбрим сорвал еще несколько плодов, один за другим, и бросил их в толпу. Счастливицы, получившие шар, вели себя так же, как Великий Магнус и судья: долго заглядывали в глубь стеклянного яблока, издавали радостный возглас, удивлялись и умолкали, погружаясь в печальные раздумья.

Никто не восхищался громогласно, не слышно было и аплодисментов. Подлбрим не использовал театральных жестов, он вел себя как обычный человек – просто срывал яблоко и бросал, как крестьянин, вывезший урожай на рынок, пока каждый не получил свой подарок с сюрпризом. Одарены были все, кроме Маскелейна, потому что, когда приземистый волшебник хотел бросить ему последнее яблоко, Маскелейн, отказываясь, махнул рукой.

Подлбрим поднял стеклянный шар и вопросительно посмотрел на Маскелейна. Получив в ответ холодный взгляд, точь-в-точь как у василиска, которого Маскелейн держал на цепи в подвале, волшебник пожал плечами. Он подержал шар на вытянутой руке, с сожалением, словно птицу, которая не смогла улететь, потом подбросил его в воздух. Шар лопнул, как мыльный пузырь.

Подлбрим повернулся к дереву, последовал небрежный жест короля, отпускающего просящего. Дерево заблестело и растворилось в воздухе. Собравшиеся дружно вздохнули, раздались грустные вскрики – вместе с деревом исчезли и плоды с видениями.

Подлбрим, кивнув вместо прощального поклона, покинул сцену и пошел на свое место. Публика еще долго не могла прийти в себя, затем дворецкий вспомнил о своих обязанностях и объявил следующий номер.

Медленно моргая, словно пробуждаясь ото сна, Шеванс Проницательная вышла на сцену и наколдовала цепочку привидений. Однако ни забавные гримасы, ни странные предсказания фантомов не рассеяли атмосферы размышлений, созданной Подлбримом и его шарами. Шеванс быстро свернула свое представление и покинула помост. Прочие волшебники отказались выступать, признавая свое поражение.

Великий Магнус приказал внести золотой венок победителя, его доставил дворецкий на традиционной алой бархатной подушечке с золотыми кистями. Когда слуга выкрикнул имя Подлбрима, выяснилось, что волшебник незаметно покинул симпозиум.

– Гений, увенчанный скромностью, – сказал Великий Магнус. – Вот у кого всем нам следовало бы поучиться.

Маскелейн Неотразимый ни в коем случае не мог согласиться с мнением высокочтимого аристократа. Подлбрим украл у него триумф! Усевшись в карету и приказав слугам доставить его домой, он вдруг понял, что украдена не только победа: вынудив Маскелейна отказаться от яблока, Подлбрим лишил его чудесного эффекта, покоровшего сердца остальных волшебников и аристократов.

Карета взмыла в небеса, волшебник стиснул зубы от возмущения. Он преподаст урок ненавистному Подлбриму! Придется тому – хочет или нет – выложить тайну дерева, которое по праву принадлежит Маскелейну, и понести наказание за причиненный ущерб.

* * *

Карета приземлилась в переднем дворике поместья, раскинувшегося высоко на мысе, с видом на долину Короманс. Стайка сильфид окружила Маскелейна. Они жеманничали, подлизываясь, искали прикосновения его руки и ласкали лицо, но он отмахнулся от воздушных чаровниц и направился в свой кабинет на верхнем этаже башни, стоявшей на краю обрыва.

Волшебник давно уже обходился без учеников: толку от них чуть, зато хлопот не оберешься. Но у него был близкий друг – демоненок, которого Маскелейн некогда поймал и заставил принять форму овального зеркала в золотом обрамлении. Войдя в кабинет, чародей произнес заклинание, пробудившее адское отродье.

– Чего ты хочешь от меня?

– Знания, – ответил Маскелейн, – о том, кого зовут Подлбрим.

– Хорошо, я поспрашиваю.

Волшебник зашагал по круглой комнате, выглянул в окно и увидел, как старое рыжее солнце погружается в хмурую тень, опускаясь к горизонту. В голове Маскелейна мелькнула наполовину сформировавшаяся мысль, он подошел к шкафу, вырезанному из костей давно вымершего зверя, и скользнул пальцем по дюжине книжных корешков на полке. Однако мысль оставалась все такой же туманной, и он в раздражении повернулся к зеркалу.

– Ну, не трать же понапрасну мое время! Говори.

– Сведений не так уж много, – отозвался демон. – Подлбрим весьма скромн. А это значит, что он не афиширует свои достижения. Живет довольно-таки уединенно, в маленьком домике в Ардоллийском лесу, и редко общается с миром.

Ну, это не новость. Раньше Подлбрим не посещал Великий симпозиум, поэтому сегодня Маскелейн увидел коротышку-волшебника впервые. Вообще-то его имя было Маскелейну известно, но не вызывало никаких ассоциаций. Подлбрим был словно чужая страна, дикарская и неблагозвучная, далекая, о которой слышали лишь мельком, но никак не связанная с жизнью «здесь и сейчас».

– Покажи мне его домик, – приказал Маскелейн.

По зеркалу пошла рябь, потом появилась убогая мазанка, крытая темной соломой. Невдалеке стоял сарайчик со свиньей, еще один – с курами и крытый колодец.

Вид с высоты птичьего полета.

– Эге, да у него нет даже приличного каменного укрытия. Подойди поближе. Давай заглянем в окно или проникнем сквозь тонкие стены.

Картинка враз увеличилась, словно птица спланировала перед домом, где рядом с обычной деревянной дверью находилось скромное окошко из стеклянных ромбов, размером

с ладонь. Окошко, приближаясь, увеличивалось, пока целиком не заполнило овальное зеркало, а стекла стали матовыми и непрозрачными. Картинка вдруг остановилась.

– Ближе, еще, еще! – закричал Маскелейн.

По зеркалу вновь пробежала рябь, и оно потемнело. Волшебник смотрел на свое отражение, и выражение собственного лица ему совсем не нравилось.

Демон сказал:

– Я... меня отбросили.

– Что? Как это?

Пауза.

– Не знаю, как объяснить точнее. Не совсем грубый отпор. Я его едва почувствовал. Но весьма недвусмысленный. Ближе я подойти не могу. Вот сейчас как раз пытаюсь вернуться... и не могу.

Маскелейн принялся браниться на чем свет стоит, призывая на голову волшебника-провинциала самые страшные проклятья, и даже демоненок притих, спрятавшись за зеркальной гладью. Обеспокоенная криками сильфида в смятении подошла к двери кабинета, и волшебник едва не убил ее грозным рыком и упрекающим взглядом, смягчившись лишь при ее последнем вздохе и позволив бедняжке унести ноги. Наконец Маскелейн кое-как обуздал свой нрав и добавил к растущей стопке прегрешений Подлбрима еще одно оскорбление. Этот выскочка за все заплатит! Потом Маскелейн повернулся к зеркалу:

– Так что ты посоветуешь?

– Честно? Не связывайся с Подлбримом. Похоже, он очень силен.

Волшебник задохнулся от гневного разочарования.

– Разузнай о нем побольше, – прошипел он, стиснув зубы. – Не то накажу.

– Когда я что-нибудь узнаю, тотчас же доложу. А сейчас могу сообщить, что у Касприна Несказанного были какие-то делишки с Подлбримом. Он может быть тебе полезен.

– Ага! – проговорил Маскелейн, соорудив злорадную гримасу. – Значит, Касприн.

Нельзя сказать, что у Маскелейна были друзья, хотя врагов имелось в избытке. Всех их он побеждал и обирал, облагал данью. Они боялись его гнева и держались тише воды ниже травы. Однако существовала другая категория волшебников, которые ничего не имели против него и не заслужили наказания. Таким был Касприн Несказанный, чародей, который жил под горой, в подземном укрытии, бывшей цитадели короля-параноика, расположенной где-то на западе.

Маскелейн вытащил аппарат для связи – аспектрон и поставил его на рабочий стол.

– Касприн, говорит Маскелейн!

После небольшой паузы над аппаратом возникло узкое лисье лицо Касприна.

– Маскелейн? Что за странный звонок?

– Меня интересует тот загадочный тип, Подлбрим.

– А-а, – протянул Касприн, вкладывая в междометие бездну смысла. – Великий симпозиум. Замечательное выступление.

– Ты был там?

Тонкие губы расплылись в улыбке.

– Нет, но слухами земля полнится.

– А мне вот шепнули, что у тебя раньше были какие-то делишки с Подлбримом. Расскажи мне о нем.

Касприн задумался, потом кивнул:

– Я хорошо тебя знаю, поэтому не обессудь, в гости не приеду. Тебе придется прийти ко мне. Разговаривать будем только на моей территории, с охраной и защитой.

Маскелейн не колебался:

– Я прибуду дорогой Мрака. Жди, я скоро.

Касприн махнул рукой в знак согласия, его образ помутнел и исчез.

Маскелейн подавил нетерпение и задумался. Касприн не сделал ему ничего плохого, и все же не стоило появляться во владениях другого волшебника, не приняв кое-каких мер предосторожности. Он сверился со своими книгами и выбрал три достаточно сильных заклинания: «Полное разрушение Буакса», «Непроницаемое платье Цайнца» и «Всепроникающий луч Уиллифанта». Зафиксировав все три в свободных отделах памяти, он открыл портал дороги Мрака и сделал шаг. Перед ним лежала бледная призрачная дорога, ведущая через темное болото и лес. Маскелейн, бывалый путник дороги Мрака, четко держал в уме образ пункта назначения. Он быстро миновал опасный путь и вдруг оказался в туннеле, глубоко под горой Касприн. Волшебник подошел к двери, распахнувшейся перед ним, за которой узколикий чародей ждал его в слабо освещенном зале для приемов.

Касприн шагнул в сторону, впуская гостя. Маскелейн оглядел скудно обставленную комнату, не заметив ничего опасного, и теперь ждал, что предпримет хозяин цитадели.

Касприн закрыл дверь, провел рукой черту от косяка до косяка, тихо произнося заклятье, и, судя по положению руки, гладившей поверхность двери, чародей использовал «Непроницаемый буфер Шлетцеля». Маскелейн ничего не сказал: ни к чему ранить самолюбие хозяина, если надеешься на его помощь.

Теперь Касприн повернулся к нему, пряча руки в рукава шелкового халата.

– Так чего же ты хочешь? И что дашь за это?

– Расскажи мне все, что ты знаешь о Подлбриме.

На второй вопрос Маскелейн почти не отреагировал, небрежно бросив:

– Возможно, тебя заинтересует череп ниграва.

Таким же безразличным тоном Касприн заметил:

– У меня, конечно, тоже такой есть.

Он словно бы обдумывал поступившее предложение, потом добавил:

– Но мой – молодой, с шишкой вместо рога.

– У моего – рога взрослого самца.

Касприн развел руками.

– Какой длины рога?

Маскелейн широко развел руки. Искра алчности промелькнула во взгляде хозяина цитадели.

– Согласен. Мои провидческие способности повысятся.

Волшебники исполнили ритуал заключения сделки и обговорили обоюдное проклятие – «Фурункулы Хоха», призванное покарать любого из них, если тот не выполнит обязательств.

Дело сделано. Маскелейн обернулся к чародею:

– Рассказывай.

– Присядем.

Касприн указал на два внезапно выросших на голом полу стула. Маскелейн уселся, не сводя глаз с задумчивого лица собеседника.

– Увы, я не так уж много знаю, в основном это слухи. Говорят, что начинал Подлбрим у Чейчея Прозорливого...

– Красная школа. Как же, помню.

– Точно. Но после двенадцатой ступени Подлбрим ушел от Чейчея в ученики к Гроффеску Упрямому.

– Но ведь это Синяя школа! Не хочешь ли сказать, что этот простак удостоился знаний Лиловой школы?

– Понятия не имею. После нескольких лет у Гроффеска Подлбрим вернулся в Ардоллийский лес и посвятил себя частным исследованиям.

Маскелейн наклонился вперед.

– В какой сфере?

– Однажды я посетил его домишко. Тогда он искал способ соединения несопоставимых флюксий. Считал, что это в значительной степени увеличит их силу.

– Абсурд! – заявил Маскелейн. – Синюю и Красную соединить невозможно. Они всегда конфликтуют, хотя усилием воли можно достичь неких напряженных отношений.

– Я тоже так думал, – проговорил Касприн. – Однако Подлбрим был убежден, что это возможно, и, по некоторым признакам, таки добился успеха.

– По каким?

На лице Касприна появилась презрительная гримаса.

– Разве ты не видел прямого доказательства этому сегодня? Дерево сокровенных желаний? Маскелейн пренебрежительно фыркнул.

– Я видел, как дерево сформировалось из столба дыма. Оно дало побеги со стеклянными плодами. Я тоже так умею.

Касприн отвел взгляд, затем искоса взглянул на волшебника.

– Мне сказали, что ты не заглянул в свое яблоко.

Маскелейн ошетинился.

– Я был не в настроении в игрушки играть.

– Тогда ты даже не представляешь, что мог увидеть.

– И что такого я мог увидеть?

Касприн покачал головой.

– То, что могло исполнить твоё сокровенное желание.

– А откуда Подлбриму знать о моем сокровенном желании?

На этот раз Касприн пожал плечами.

– Для этого, полагаю, надо причаститься тайн Лиловой школы.

Маскелейн подавил раздражение, борясь с порывом жгучего желания завернуться в непроницаемое платье Цайнца и применить луч Уиллифанта.

– Еще что-нибудь?

– Я вспоминаю, что в самом начале своих занятий Подлбрим увлекался земной магией, – сообщил Касприн. – Ну, знаешь, все эти корешки, ветки и тому подобное – все, что может жить и бурно разрастаться среди экстраполяций.

Маскелейн презрительно выдохнул:

– Земная магия! Деревенщина!

Касприн пожал плечами. Ему нечего было добавить.

– Чего же хочет добиться этот тупой крестьянин? Каково его сокровенное желание?

Касприн не нашелся с ответом. Помолчав, все же кое-что сообщил:

– Помнится, я слышал, что Подлбрим обращался к Хуа-Сэнгу насчет старинного клави-конта, который Хуа-Сэнг унаследовал от Вантуниана, когда тот ушел в мир иной. Но то было давно.

Новость поразила Маскелейна нелепостью.

– Клавиконт? Подлбрим – любитель скрипуче-визгливых фуг?

Очередной взлет и падение облаченных в шелка плеч.

– Такой прошел слух. Подлбрим очень расстроился, получив отказ.

– В самом деле, – заметил Маскелейн. – Что такого ценного крестьянин из Ардоллийского леса мог предложить мудрейшему Хуа-Сэнгу?

– Вряд ли причина была в этом. Ну, вот и все, что я могу сказать.

Полученная информация не тянула на череп ниграва, но Маскелейн успокоил себя тем, что у него остался второй экземпляр лучшей сохранности. Ведь Касприн, дурачина, не задал вопроса о состоянии черепа. Левый рог треснул и не выдержал бы тряски, но Касприну только предстояло это узнать.

Маскелейн попрощался и подошел к двери. Касприн хотел было снять «буфер Шлет-целя», но гость сам снял заклятие. Он шагнул в туннель и отправился домой по дороге Мрака.

* * *

– Хуа-Сэнг, говорит Маскелейн Неотразимый!

– Узнал по тону, – прозвучал четкий голос из аспектона, – ладно, поговорим.

Аппарат сверкнул, и подобие Хуа-Сэнга появилось в кабинете, повиснув в воздухе. Миниатюрный волшебник, казалось, маячил над Маскелейном. Хозяин настроил автоматику, и нога видения коснулась пола, теперь Маскелейн был выше гостя.

Оба волшебника обменялись приветствиями, как того требовали приличия, и Хуа-Сэнг перешел к делу:

– Так о чем речь?

– Я решил организовать квартет или квинтет, еще не знаю точно, чтобы исполнять погребальные песни и легкие пьесы Восемнадцатой эры. Я приступил к обучению сильфид, но мне бы хотелось использовать настоящие инструменты, а не их копии.

– Не знал, что у тебя столь глубокие музыкальные интересы.

– Я их не афиширую.

Хуа-Сэнг сохранял вид полнейшей невозмутимости.

– Ну а я тут при чем?

– Говорят, у вас есть клавикунт Восемнадцатой эры.

– Да, есть.

– Интересно, не хотели бы вы с ним расстаться?

– Ну уж нет, он мне очень дорог.

– Я подумал, может, у меня есть что-то ценное для вас, на обмен.

Лицо Хуа-Сэнга выражало безмятежное спокойствие.

– Вряд ли это возможно. У меня есть все, что мне нужно.

Хуа-Сэнг слыл волшебником независимым. Маскелейн ожидал, что тот не заинтересуется его запросом, однако слуги тщательнейшим образом проверили все запасы, чтобы найти то, перед чем волшебнику трудно будет устоять. Дворецкий проштудировал инвентарную книгу и посоветовал предложить гостю одну штуку, выигранную когда-то на дуэли и пылившуюся в кладовке за ненадобностью.

Маскелейн спросил Хуа-Сэнга:

– А вы знаете о змеях острова Бальбеш, тех, что вырастают до невероятных размеров?

– Кажется, что-то слышал.

– А слышали ли вы, что у взрослых особей в желчном пузыре растут камни?

– Гм-м.

– И камни эти обладают интересной особенностью: они резонируют на любое изменение скорости движущегося предмета или жидкости. Резонируют и увеличивают громкость.

Хуа-Сэнг приподнял правую бровь. Маскелейн заметил это и сделал паузу.

Молчание висело в воздухе несколько долгих секунд, пока Хуа-Сэнг не сдался, хрипло спросив:

– У тебя есть один из тех камней?

Маскелейн, не говоря ни слова, вытащил из кармана своего одеяния камень размером с кулак и подержал его перед аспектоном.

– Вот это да, – ахнул Хуа-Сэнг.

– Да уж, – согласился Маскелейн.

* * *

– Если будешь разговаривать с Подлбримом, – сказал Маскелейн, – дай ему знать, что я приобрел клавикунт у Хуа-Сэнга.

Призрак Касприна старательно выдерживал маску безразличия на крысином личике.

– Ты хочешь, чтобы я был посредником?

Маскелейн помахал рукой, делая вид, что ему все равно.

– Я сказал что-то обидное?

Маскелейн старательно подчеркивал, что проблема его не волнует. Глаза Касприна сузились, но он равнодушно заметил:

– Если случайно встречу его, то скажу.

– Отлично, – сказал Маскелейн и, сократив до минимума обмен любезностями, прервал связь.

* * *

– Я говорил с Подлбримом, – сообщил Касприн. – Он не прочь пообщаться.

– Еще бы, – усмехнулся Маскелейн.

Не удержавшись, он спросил про череп ниграва:

– Полагаю, он тебе подошел?

– Более чем. Я рассказал о нем Подлбриму. Он знает заклятие «Непогрешимый выпрямитель Уванча».

Маскелейн сдвинул брови:

– Что-то малоизвестное. Никогда о таком не слышал.

– Не важно. Я принес череп, он слегка поколдовал, поврежденный рог теперь как новенький.

Касприн расплылся в улыбке.

– Мои предсказания достигли новых уровней проницательности.

– Он щедр. Или же мот?

– Называй как хочешь. Мне пора. Я возвращаюсь к работе.

На этот раз разговор оборвал уже Касприн, не дожидаясь, пока Маскелейн закончит вежливую церемонию.

* * *

– Подлбрим, говорит Маскелейн!

Образ неуклюжего толстячка не появился над аспектоном, но в воздухе прозвучал голос:

– Я предпочитаю беседовать с глазу на глаз. Хотите поговорить, милости прошу ко мне.

Маскелейн подавил гневный порыв и сказал:

– Очень хорошо. Если вы подготовите вход, я приду дорогой Мрака.

Но Подлбрим на это не согласился:

– Если я открою портал дороги Мрака, появятся вредные испарения, которые помешают моей работе с флюксиями, Серебром и Тьмой.

– С чем? – вырвалось у Маскелейна. Он знал четыре вида флюксий: Желтую, Зеленую, Синюю и Красную. Эти пересекающиеся линии силы сформировали своеобразную сеть над землей и морем. Маги, старательно сосредоточивавшие волю с помощью звуков, движений и поз, управляли линиями силы – так осуществлялось волшебство.

– Серебряная и Черная. Вы слышали о них?

Маскелейн растерялся. Признаться, что никогда не слышал о таких флюксиях, означало ударить в грязь лицом. Если же подобных флюксий в природе не существует и Подлбрим задумал высмеять его, а Маскелейн скажет, что знает о них, – и того хуже. Попасть впросак не хотелось – слухи расходятся мгновенно.

– У меня нет на это времени, – нашелся он с ответом. – Раз я не могу воспользоваться дорогой Мрака, каретой, что ли, прилететь?

– Да, подойдет, – медленно, будто раздумывая, сказал Подлбрим. – Ее энергия не мешает экспериментам.

– Ждите, я скоро буду. – Маскелейн оборвал разговор, нисколько не заботясь об этикете.

* * *

Карету приводил в движение «Неистошимый мотиватор Азериона». Она катилась по коридорам между параллельными флюксиями, и самый скорый ход был среди Синих. Карета смогла въехать в Ардоллийский лес, но не далее. К мазанке вела узкая, извилистая тропа.

Маскелейн терялся в догадках. Волшебники неизменно устраивали свои жилища на пересечении флюксий. Точка пересечения Желтой и Зеленой считалась наименее благоприятной. Синей и Зеленой – предлагала прочную основу для большинства заклинаний и колдовства, но редко встречающиеся перекрестки Красной и Синей были наилучшим вариантом, если волшебник обладал сильной волей и мог справиться с их естественной тягой к столкновению.

«Орлиное гнездо» Маскелейна в Хай Войдераше располагалось на пересечении Синей и Красной флюксий, с преобладанием Синей, что давало ему возможность извлекать энергию из несовместимости. Он принадлежал к Синей школе, однако лелеял мечту со временем дорасти до Лиловой, когда отточит мастерство на ритуалах Красной школы и добавит ее знание к своему опыту. Он не сомневался, что его воли хватит на все.

Однако домик Подлбрима не располагался ни на одном из пересечений. Опытный волшебник мог бы применить здесь магию, но ожидать естественного наращивания воли вряд ли стоило. И все же это место каким-то непонятным образом, не прибегая к насилию, дало отпор его демону. Что-то не сходилось.

Выйдя на поляну, Маскелейн ощутил легкое покалывание в нижней челюсти – ему позволили преодолеть защитный барьер. Заклятия он не распознал: неприятно. Дверь открылась, и Подлбрим пригласил его войти. Маскелейн шагнул вперед, загоняя поглубже ощущение скованности и неуют.

Гость рассыпался в любезностях – так принято у волшебников при личной встрече, и хозяин оплатил ему той же монетой. Тем временем Маскелейн осматривал владения коротышки-волшебника. К своему удивлению, он не заметил явных следов магических ритуалов. В комнате стоял рабочий стол, но на нем почти не было колдовских принадлежностей, и книжный шкаф с тремя небольшими томиками. И все! Остальное пространство занимали еще один стол и два стула, да еще узкая кровать в алькове за полужакрытым занавесом, камин и изрядно потертый ковер. Ничто не говорило о присутствии в доме слуг или каких-то других людей.

Подлбрим наблюдал за тем, как Маскелейн оценивает его собственность.

– Я живу скромно, никакие излишества не должны мешать исследованиям.

– Тем не менее вы хотели приобрести античный клавикунт.

– Точно, – удивился Подлбрим. – Я думал, он хорошо резонирует с заклинанием, которое я тогда сочинял.

Коротышка-волшебник развел руками и улыбнулся.

– Давненько это было. Когда я еще учился в Лиловой школе.

Маскелейн отметил последние слова, но они не произвели на него особого впечатления.

– Вы сочиняете?

Подлбрим протестующе замахал руками.

– О нет, это лишь слова... В основном я восстанавливаю утраченные заклинания. Но иногда получается неплохая вариация на давно забытую тему. Как на том представлении, которое я показал на Великом симпозиуме.

– Да, – кивнул Маскелейн, пока его мозг переваривал услышанное. – Это было...

Его голос дрогнул, когда до него дошла вторая часть утверждения.

– Утраченные заклинания? Их много?

– О-о, десятки, думается мне, даже сотни. Ведь прошло столько времени. Теперь, когда я определил флюксии Серебра и Тьмы, – это античная терминология, сегодня мы говорим Серебряная и Черная... Так вот, я нашел, где они прячутся, и научился их пробуждать, так что...

Подлбрим завершил фразу широким жестом, намекавшим на огромные, ранее не существовавшие возможности. Маскелейн кивнул и улыбнулся, нисколько не сомневаясь в том, что усмешка вышла достаточно зловещей.

– Серебро и Тьма? – повторил он. – Да, что-то такое вертится в памяти, бог знает, где или когда я это слышал... Мелочи, да? Для залатывания дыр?

– Вы так думаете? – бросил Подлбрим с вежливой сдержанностью. – На мой взгляд, они – хорошая основа для создания школы волшебства, которая превзойдет все знание, собранное за последние эры. Могущество и власть, утонченность и глубины – так мне это представляется, – он пожал плечами. – Вот почему я бросил Лиловую школу.

И, умаляя собственное достоинство, коротышка-волшебник заключил:

– Конечно, я пока не углублялся, так, прошелся по поверхности. Время покажет.

Маскелейн моргнул и, не найдя ничего лучшего, спросил:

– Значит ли это, что клавикумент вас теперь не интересует?

– Нет, но спасибо, что вспомнили обо мне.

* * *

Маскелейн вернулся в свою башню над долиной Короманс. Он отпустил карету и пошел к себе в кабинет, где сел в любимое кресло для размышлений и стал заново осмысливать все сказанное Подлбримом.

Слуги, чувствуя, что хозяин не в духе, пытались отвлечь его шутками и лестью, но он прикрикнул на воздушных чаровниц, и они убежали в слезах и тоске. Вспышка гнева и стихающие стенания слуг привели его в чувство, он решительно поднялся с кресла и подошел к полке. Снял книгу в красном чешуйчатом кожаном переплете и долго листал ее ветхие страницы, пока не нашел то, что искал. Потом приготовил необходимые материалы, поздравив себя с тем, что сохранил флакон с прахом, необходимым для заклинания. Когда все было готово, он сперва упорядочил слова заклинания в голове и лишь затем произнес его вслух, касаясь пальцами флюксий, проходящих по комнате и видимых только ему одному.

Перед ним возникло дрожащее, почти прозрачное видение. Маскелейн сконцентрировал волю и дотронулся до Синих линий. Фигура стала более четкой.

– Отпусти меня, – проговорил призрак.

– Не раньше чем получу желаемое.

Призрак вздохнул:

– Что же тебе нужно?

– Знание. О Серебре и Тьме.

Выходец с того света простонал:

– Мне это неизвестно.

– Ты был великим волшебником из Элмери. Если ты не знаешь, то не знает никто.
– Я помню заброшенные дворцы, лица мертвых прелестниц, врагов, связанных и убитых мною, моря, превратившиеся в песок. Но магии я не помню. Совсем.
– Попытайся!
– Бесполезно, для этого нужна воля, а у того, что от меня осталось, ее нет.
– А если я возвращу тебе жизнь?
– Твое призывное заклятье вынуждает меня говорить одну лишь правду. Я сотру тебя в порошок, как яичную скорлупу.

Из горла волшебника вырвался глухой стон. Маскелейн отпустил призрака и повернулся к зеркалу. Но демоненок ничего не знал про Серебро и Тьму. Волшебник снова подошел к полке, перебирая справочники один за другим, борясь с сопротивлением самых древних томов, от тысячелетнего общения с магами ставших чересчур своевольными.

Он вглядывался в глобусы из черного стекла, вновь и вновь бросал многогранную фишку из кости дракона, пил зелье, призванное открыть видения других уровней, мысленно путешествовал в прошлое, рыскал повсюду, где только мог, во всех местах, доступных великому волшебнику Синей школы. Увы, увы! Волшебник обессилел и лег на пол кабинета. Какая-то сильфида появилась в дверях, робко спрашивая, не нужно ли чего хозяину. Он приказал ей подать бульон, чтобы восстановить иссякшие силы. После нескольких ложек золотого варева апатия исчезла, он сел в кресло и задумался.

И ответ пришел, ворвавшись в сознание титановым салютом. Он яростно заскрежетал зубами, осознав вероломство своих врагов. Хуа-Сэнг и Касприн были участниками заговора! Лурулан и Омбо, конечно же, желали отомстить ему после неудачи на Великом симпозиуме. А за ними и другие – все те ничтожества, кому он бросал вызов, над которыми брал верх все эти годы, отбирая волшебные палочки и то лучшее, что у них было, заставляя противостоять силе его воли.

Маскелейн победил каждого из них в честном поединке, и никто из них не смог сохранить свое добро и ускользнуть. Теперь они объединились, чтобы подорвать его веру в свои силы, но не в открытой борьбе. Они сговорились, наняли этого захудалого колдунишку, о котором никто не слышал, заставили его объявить, что он якобы обладал силой, о которой Маскелейн не имел понятия.

«Серебро и Тьма, ну еще бы! Обман, жульничество, ловкость рук у всех на виду!»

Они послали его искать вчерашний день, то не знаю что. Маскелейн представил, как они – прямо сейчас – смеются над ним. Как Лурулан семенит по комнате, карикатурно изображая его утонченные манеры, Омбо корчит рожи, а мерзкий Подлбрим ухмыляется и чешет в затылке, изобретая новую возможность ублажить своих хозяев.

«Я отомщу, – пообещал себе Маскелейн, – и мало им не покажется, так что мертвые перевернутся в гробу, а еще не родившиеся отложат появление на этот свет».

Он еще раз пересмотрел свой волшебный арсенал. Но теперь, вместо бесплодных поисков Грааля, он четко представил конечную цель. Возмездие начнется с Лурулана из Красной школы.

* * *

Лурулан именовал себя «Превосходительством», хотя мало кто сегодня использовал громкие титулы. Посредственный практик, он вынужденно опирался на волшебный инвентарь, потому что не обладал «мощью осевой воли», – этот термин обозначал силу воли. Чтобы заставить его врасплох, достаточно было подкараулить волшебника вдали от магических «куриных богов» и силовых кристаллов.

Лурулан был тщеславен, тщательно следил за внешностью. Он поддерживал ауру молодости, предпочитая облик юноши, едва вступившего на тропу мужественности, хотя был лет на сто старше Маскелейна, а тот прожил почти тысячу лет. Эффект молодости частично достигался с помощью «Ублажающей привлекательности Ибиста», но Лурулан даже не думал оставаться на внешнем сходстве – его тщеславие требовало подкреплять кажущееся настоящим, поэтому он регулярно посещал омолаживающие источники долины Таза-че.

Маскелейн лежал в засаде на дороге между особняком Лурулана и Таза-че. Замаскировавшись всеми доступными ему средствами, включая магию, он наблюдал, как волшебник Красной школы прокатился мимо в неуязвимом Пузыре, торопясь как на пожар. Средство передвижения имело существенный изъян: преследователь мог проникнуть в сопутствующую струю и незаметно путешествовать вместе с жертвой. Маскелейн в потоке воздуха благополучно прибыл к источникам в тот момент, когда Лурулан вышел из Пузыря и сбросил свою обувь и одеяние, готовясь окунуться.

– Ага! – сказал Маскелейн. – Вот ты и попался!

Лурулан оторопел, но быстро пришел в себя. Он сложил руки на груди и открыл рот, чтобы сказать что-то. Однако Маскелейн все продумал и подготовил заранее. До выхода из Пузыря он уже успел произнести заклинание «Постепенная скованность Вената», оставалось лишь щелкнуть пальцами, и Лурулан онемевает.

Маскелейн не колебался, переходя к новой фазе атаки. Мышцы Лурулана затвердели, он в отчаянии вытянул руку. Его волшебная палочка с рубиновым наконечником пыталась вырваться из кармана одеяния и лететь на помощь. Но Маскелейн предвидел, что соперник попытается воспользоваться волшебным инвентарем, и немедленно представил в уме «Временный морозильник Цзе-Фана». Он проговорил четыре отрывистых слога и поднял указательный палец, на ногте которого была выгравирована руна власти.

Лурулан застыл. Волшебная палочка подлетела к его протянутой руке и, не подхваченная, упала на землю. Маскелейн поднял палочку и заткнул ее за пояс своего синего сарафанда. Потом он улыбнулся.

– Думал, вы можете объединиться, чтобы расправиться со мной? Но я всегда буду неуязвимым для таких, как вы.

Лурулан беспомощно смотрел на него. Он не мог даже моргнуть. Маскелейн милостиво подарил ему еще несколько мгновений, чтобы как следует оценить грядущее наказание, а затем наложил последнее из трех подготовленных для этой дуэли заклятий – «Гибельное изгнание Бронта».

Как только прозвучал последний слог, Лурулан перестал существовать на этом уровне, и тело его перенеслось в мир иной. Там ему суждено остаться, пока кто-нибудь не вспомнит и не вызволит его из ссылки. Но так как никто, кроме Маскелейна, не знал, куда отправился красный волшебник, велика вероятность надолго застрять на Втором уровне. Маскелейн собрал одежды Лурулана, бросил их в Пузырь и сам в него сел. Управлять транспортным средством было несложно, и вскоре он уже летел к родному гнезду. Транспорт вполне мог пригодиться – в качестве курятника для домашней птицы, приносившей ему яйцо на завтрак.

* * *

Пузырь Лурулана сослужил еще одну службу, прежде чем стать убежищем для домашней птицы. Он перенес Маскелейна через озеро Туманов на остров, где Омбо возвел свою крепость со множеством башен. Лурулан и Омбо частенько работали вместе, поэтому появление транспорта в саду не вызвало ни малейших подозрений.

Омбо склонился над клумбой цветущих колокольчиков. Пузырь остановился, и Маскелейн вышел в сад. Омбо сказал, не оборачиваясь:

– Лурулан, послушай только, как звенит этот колокольчик, редко услышишь столь чистый звук. Когда он полностью расцветет...

Но на этом тирада была прервана, потому что Маскелейн заранее заготовил «Постепенную скованность Вената». Голос Омбо перестал ему повиноваться, все тело сковало заклятьем до такой степени, что только наметанный взгляд профессионала мог отличить его от камня. Так он и застыл, наклонившись к цветку, и упал ничком на клумбу. Примятые колокольчики печально зазвенели.

Маскелейн выкатил его с клумбы и перевернул на спину, чтобы Омбо знал, с кем имеет дело. Он сделал несколько замечаний по поводу характера и магического дара Омбо, давно просившихся на язык, замечания, каковые пришли на ум в эти минуты. Маскелейн планировал отослать Омбо к его дружку на Второй уровень, но, посмотрев на образцово разбитый сад, придумал кое-что получше – творческую месть. Он выкатил застывшую жертву на лужайку, а сам вернулся к машине-пузырю и достал гримуар, куда имел обыкновение складывать заклятья, которые обычно брал на вооружение. Волшебник отменил неиспользованные заклятья отвердения и высылки, потом поискал другие. Через некоторое время он вернулся к неподвижному и сторбившемуся Омбо.

Маскелейн проговорил отрывистые, почти лающие слоги «Растительного принуждения Твиска», используя описание дерева, облик которого предстояло принять Омбо. Он выбрал высокий раскидистый дуб с множеством веток и побегов, на таких деревьях птицам очень нравится вить гнезда.

Но Маскелейн не мог целиком и полностью полагаться на природу. Вместо этого он применил редчайший вариант довольно-таки простого заклинания деревенских колдунов, отгоняющих стаи птиц с колосющихся полей. Как только он сделал последний жест, откуда ни возмись налетела пестрая стая – около трех сотен маленьких крапчатых грик-грэков – и поселилась на новом дереве, то есть на Омбо. Птицы издавали пронзительные хриплые крики, за которые и получили свое название, окончательно заглушив музыкальный звон колокольчиков. Маскелейн пытался перекричать какофонию:

– Омбо! Это звук моей мести. Наслаждайся им с утра до ночи. Могу еще подкинуть короедов, чтобы накормить птичек, зуд слегка отвлечет тебя от музыкальных экзерсисов.

Он зашел в дом, распугал слуг и взял все, что ему приглянулось.

* * *

– Маскелейн! Говорит Касприн!

– Слушаю, – ответил Маскелейн.

Он шевельнул пальцем, и призрак волшебника-хитреца взлетел над аспектоном.

– Я получил послание от Шеванс Проницательной. Она не смогла связаться с Его Превосходительством Луруланом, потом пыталась поговорить с Омбо, но тоже безуспешно.

– Эти двое частенько проводят время вместе. Должно быть, где-нибудь развлекаются.

– Возможно, – сказал Касприн. – Только Шеванс говорит, что она побывала у Омбо на острове и там такой беспорядок...

– Я не лезу в чужие дела, особенно если это касается домашнего хозяйства.

Касприн промолчал, но его взгляд показался Маскелейну подозрительным.

– У меня серьезное исследование, я занят. Если тебе больше нечего сказать...

– Надо бы встретиться, – предложил Касприн.

– Жду тебя завтра.

– Уж лучше ты приходи ко мне.

Маскелейн невозмутимо кивнул:

– Как скажешь. Тогда я опять приду дорогой Мрака.

– Хорошо, давай.

* * *

Но Маскелейн не пошел той дорогой. Вместо этого он подлетел к горе Касприна в своей карете, запряженной сильфидами, и приземлился перед величественным входом, который вел к Дороге процессий давно почившего короля, идущей под уклон прямо к подземным владениям волшебника. Маскелейн взорвал портал с помощью «Полного разрушения Буакса» и все барьеры до своей цели и ринулся вниз, Касприн скрывался в туннеле, который вел от дороги Мрака к двери его дома.

Маскелейн сотворил голема и послал дорогой Мрака, совместив его появление со своим. Неуклюжее существо не задержало волшебника – Маскелейн, когда в том была необходимость, передвигался быстро.

Касприн все еще не отошел от «Разрушения» (разбившего двери так, что щепки летали в воздухе), а Маскелейн уже предстал перед ним.

В прошлый раз Маскелейн запасся не только «Полным разрушением Буакса», но и «Непроницаемым платьем Цайнцена» и «Всепроникающим лучом Уиллоифанта». Касприн был способным волшебником и легко распознавал ауру заклятий. И, конечно же, он поймет, что после «разрушения» последует «луч», а «платьем» волшебник прикроется для защиты.

Но Маскелейна голыми руками не возьмешь! Да, он защитился «платьем», но «луч» решил не применять. Когда при его появлении Касприн выставил защиту против «луча» – «Сверкающую призму Чапа», она оказалась совершенно бесполезной, поскольку Маскелейн применил «Сокрушающий удар Ованиана». Недоужинная сила отбросила. Касприна в глубь туннеля. Волшебник упал, с трудом переводя дыхание.

Касприн не смог наложить заклятия, которое подготовил – «Решительный отпор Бардольфа», призванного окутать Маскелейна пеленой силы и зажать словно в тисках. Он бы превратился в тугой моток материи, настолько твердый, что прошил бы каменную земную поверхность до самого расплавленного ядра. К несчастью, заклинание Бардольфа требовало произношения громким, отчетливым голосом, чтобы привести флюксии в движение, а Касприн лишился дара речи. Он направил луч холодного огня из вытянутого в направлении врага пальца, но Маскелейн в защитном одеянии не обратил на это внимания, он подошел поближе к Касприну для нового заклятия, оставляя сопернику время, чтобы оценить происходящее.

– «Ускоритель непредсказуемости Пабилло». Я нашел его в одном старинном гримуаре у Омбо, хотя сомневаюсь, что он пользовался этим видом колдовства. Книга была той еще дрянью. Вчера я несколько часов буквально вырывал из нее это заклинание. Помнишь, я сказал, что провожу исследование? Ну, вот теперь пожинай плоды моего труда.

Это было могучее заклинание, примитивный остаток Восемнадцатой эры, когда флюксии только-только формировались и, чтобы уловить их, требовалась определенная жесткость, даже жестокость. Но жестокости Маскелейну было не занимать, он горел желанием во что бы то ни стало наказать врагов, а Касприн относился к этой несчастной категории.

Резким, хриплым голосом он прокричал двенадцать слогов в барабанном ритме. При последнем звуке стены туннеля начали вздыматься волнами и мелко дрожать, как желе. Потом чародей прочитал додекафонию еще раз, и пол, пульсируя, стал подниматься и опадать. И наконец он прокричал двенадцать слогов последний раз, сопроводив последний слог ударом кулака о ладонь. Свет в туннеле погас, прошелестел ветер, подняв полы одежд. Потом свет зажегся, и Маскелейн увидел, как сработало заклятие. Груда костей, обернутая в кожу, как в пергамент, увенчанная жалкими клочками волос, сползала по стене на пол. Лохмотья одежд распались на глазах, превращаясь в пыль. Затем высохшая плоть развалилась, и кости стали прахом.

Маскелейн схватил волшебную палочку Касприна, чтобы водрузить ее на стену своей столовой, рядом с другими трофеями. Он вошел во владения Касприна, чтобы забрать добычу.

* * *

– Маскелейн, – голос судьи прервал исследования волшебника. – Говорит Фубэй, судья.

Маскелейну не хотелось разговаривать, он как раз погрузился с головой в подготовку наказания для Подлбрима, но Фубэй – старейшина Коллегии магии. Он не только сильнейший волшебник, но само его положение позволяло ему призывать других магов объединяться в общину, обретая могущество и непобедимость. Маскелейн отложил в сторону том, взятый у Касприна, с которым вел изматывающую борьбу, и откликнулся:

– Я слушаю.

Сегодня Фубэй появился в образе смазливового юнца, одетого арлекином в стеганом колпаке. Едва возникнув в кабинете, он быстро осмотрел чужие владения и огорченно кивнул головой:

– Значит, все это правда. Вы напали на своих товарищей и отняли их богатства. И все это после дружественной встречи и застолья на Великом симпозиуме!

– Они объединились против меня, поэтому наказание вполне заслуженно.

– А где доказательство заговора? Почему вы не обратились с жалобой в Коллегию?

– Я разгадал их планы и немедленно отреагировал. Вовлекать вас и других старейшин не было необходимости.

Фубэй задумчиво потер подбородок:

– Мы проведем расследование. Будьте готовы к вызову на заседание.

Маскелейн подождал, не упомянет ли судья каких условий. Ему не хотелось, чтобы его обязали не покидать своего жилища до слушания дела. Но Фубэй ограничился лишь приказом воздержаться от нападения на других коллег. Фыркнув, Маскелейн сказал, что подчиняется. Как только образ судьи померк, он призвал демоненка и спросил:

– Скажи, Подлбрима приняли в Коллегию?

– Он подавал заявку, но его кандидатура все еще рассматривается. Там... сложный случай.

– Значит, никакой он мне не коллега.

Маскелейн отослал слугу и вернулся к подготовке. Времени было предостаточно: чтобы объединить расписание необходимого числа старейшин и собрать комиссию по запросу, Фубэю потребуется несколько дней.

* * *

Пребывая в своей наилучшей форме, Маскелейн запоминал три пространных заклинания за раз. Но чтобы расправиться с ненавистным Подлбримом теперь, когда заговорщики больше не могли оказать ему необходимую поддержку, Маскелейн выбрал пять несложных формул. И прихватил свою лучшую волшебную палочку.

Он хотел как можно сильнее унижить деревенщину, насладиться на него чесотку, заставить плясать до упаду, пусть у него брызжет слюна, пусть он начнет мочиться под себя, можно превратить его в горбуна, покрыть все тело бородавками и, в конце концов, отправить на остров в Южном океане – пускай там обороняется от людоедов.

Он вызвал карету, завернулся в плащ и отправился в путь. Приземлившись недалеко от мазанки, с победным маршевым мотивом, крутящимся в голове, он пошел по тропе ко входу. Маскелейн стукнул кулаком в дверь и потянулся к щеколде, ожидая, что жилец выглянет в окно. Однако дверь тут же распахнулась, на пороге стоял Подлбрим в неизменной (неопису-

емая серость) одежде, в которой он выступал на Великом симпозиуме. Он моргнул, с трудом узнавая пришельца. Потом лицо его прояснилось:

– А-а, тот, с клавиконтом! Извините, не припомню вашего имени.

Маскелейн улыбнулся. Раньше от этой улыбки кровь стыла в жилах его врагов.

– Меня не проведешь, Подлбрим. Я все знаю.

– Неужто? – удивился коротышка-волшебник. – Никогда не встречал того, кто бы знал все. Хорошо бы ознакомиться с вашими эпистемологическими методами.

– Довольно! С вашими сообщниками покончено. Пришла ваша очередь.

Он ворвался в домик. В комнате все осталось по-прежнему, как раньше. Маскелейн оглядел свою жертву.

– Будете просить пощады?

Подлбрим прикрыл дверь и сунул руки в рукава халата. Наклонив голову, он рассматривал пришельца с видом удивленного исследователя, обнаружившего на образчике не ту этикетку.

– Вы застали меня врасплох. Я и не подозревал, что состою в заговоре.

– Я сказал *довольно*, – взгляд Маскелейна ожесточился. – Начнем.

Он наставил волшебную палочку на Подлбрима и проговорил первую суру «Переменной чесотки Тиза». Однако что-то пошло не так. Он слышал собственный голос, интонирующий слоги, но в голове его они не отзывались многократным эхом, что подтверждало бы их мощь.

Маскелейн покачал головой и произнес вторую суру, размышляя, что он мог упустить в этом детски простейшем заклинании, но и свежие слоги ничем не откликнулись в его голове.

Тем временем Подлбрим уставился на него, как на тупого студента, который никак не может справиться с декламацией.

Маскелейн поборол свой гнев. «Чесотка Тиза» может сменить полярность, если финальную суру не произнести в надлежащей точности, такой конфуз для него нежелателен, даже если Подлбрим никому ничего не расскажет. Он очень аккуратно произнес слоги и описал палочкой три маленьких кружочка, как и полагалось по инструкции.

Но ничего не произошло. Ни Синей линии, ни взрыва ауры вокруг Подлбрима, ни следа муки на вежливом лице!

Подлбрим поинтересовался:

– Что это было? Заклинание?

Маскелейн промолчал. Раньше с ним ничего подобного не случалось, даже когда он был неопытным учеником-первогодком. И столь простое заклинание... Он потряс палочкой.

– Разве мы не обсуждали Серебро и Тьму? Я имею в виду флюксии. Здесь у вас ничего не получится.

«Безумный танец Ограмана» вызывался пятью слогами и жестом. Маскелейн произнес их, махнул левой рукой – никакой реакции.

– Я покажу вам, – сказал Подлбрим.

Закатав рукава, он обнажил руки и зашевелил пальцами, словно играл на сложном инструменте. Мгновенно пространство между ним и Маскелейном на уровне пояса покрылось толстым горизонтальным слоем кабеля из искрящегося серебра. Подлбрим снова пошевелил пальцами, и стальные иссиня-черные тросы прошли серебряные флюксии под прямым углом.

– Когда их вызовешь, – пояснил волшебник, – они просто поглощают энергию Красных, Синих, Зеленых, Желтых флюксий во всей округе. Особенно в точках пересечения.

Маскелейна захлестнул целый каскад непрощенных эмоций. Первое – он понял, что его выставили дураком. Потом накатила волна беспомощности, а за ней последовал удар кувалды невыносимого позора оттого, что этот Подлбрим смотрит на него свысока, когда все должно быть ровным счетом наоборот. Сейчас этот грязный деревенщина обязан был молить о пощаде,

обчесываясь и выкидывая судорожные антраша. А вместо этого он лепечет о схождении линий и каких-то там связях.

А потом сквозь сумбур ненависти пришло озарение. Маскелейн считал себя весьма способным, опытным волшебником. Он накладывал мощные заклятья и заколдовывал магов гораздо более умудренных, чем он сам, но которым не хватало силы воли, применяемой им в работе.

И вот тут, сейчас, в этой ветхой мазанке, он вдруг увидел пересечение флюксий, чья сила была на несколько порядков выше, чем он когда-либо мог достичь. Он должен был достать эту силу и прикоснуться...

И он решил действовать немедленно. Маскелейн сфокусировал свою волю и послал ее в правую руку, распрямив пальцы, чтобы коснуться флюксий Серебра. Он увидел, что Подлбрим прервал монолог и предупредительно поднял руку. Маскелейн подумал: «Что, забеспокоился? Ну ладно, я покажу...»

В этот момент его руку и тело пронзило ударом энергии. Он почувствовал, как ноги оторвались от пола и их втянуло в поток Серебряных флюксий. Волшебник мгновенно погрузился в него, словно превратился в ком земли, смытой с крутого берега в бешено несущийся, бурлящий поток реки во время бури. И, подобно кому земли, он растворился в потоке.

Что было потом, он не помнил. Маскелейна больше не существовало, было лишь безымянное, безвольное нечто, подхваченное потоком энергии невероятной силы, несущееся на невообразимой скорости из никуда в нигде, без остановки, в нескончаемом диком бегстве.

Казалось, прошла вечность. А потом с той же скоростью, с какой его поглотила Серебряная флюксия, он вновь обрел прежний облик. Маскелейн очнулся. Он стоял в комнате, голый и дрожащий, в голове пустота, тело будто промерзло до костей. Сознание медленно возвращалось, он стал различать признаки того, что прошло немало времени: одежда коротышки-волшебника выглядела мятой и запачканной, усталое лицо и нижняя челюсть, заросшая густой щетиной, свидетельствовали о том, что события произошли явно не вчера.

– А-а, ну наконец-то. – Подлбрим подошел поближе и похлопал рукой по воздуху вокруг Маскелейна, заглянул ему в глаза, пощелкал пальцами около ушей. – Хоть какая-то часть. Говорить можете?

– Я... Я был...

Он с трудом вспоминал, что такое слова и как их соединять друг с другом. Процесс утомил его.

– Ничего, все восстановится.

Подлбрим осмотрел Маскелейна, заботливо подвел его к креслу и показал, как на нем сидеть. Маскелейна бил озноб, поэтому Подлбрим укутал его в одеяло.

– Я сварил луковый суп с укропом, – предложил коротышка-волшебник. – Думаю, вам сейчас нужно поесть.

– Суп, – задумался Маскелейн.

Значение этого слова дошло до него не сразу, но, почувствовав запах, исходящий от деревянной чашки, принесенной Подлбримом, он вспомнил, что такое суп. Когда первую ложку бульона поднесли к его рту, он вновь открыл для себя, как глотать.

– Да, – вздохнул Подлбрим после того, как покормил беднягу. – Придется вам пожить тут немного.

– Пожить, – повторил Маскелейн.

Он подозревал, что «пожить» как-то связано со временем и отсутствием движения.

– Да, – подтвердил Подлбрим. – Пока вы не... придете в себя.

– Суп, – повторил затем Маскелейн и открыл рот.

Вскоре суп был съеден, Подлбрим убрал миску, вернулся и снова похлопал воздух вокруг Маскелейна.

– Уже лучше. Вас уже больше. Думаю, остальное тоже вернется через день-другой.

Подлбрим сел за рабочий стол и стал читать книгу, страницу за страницей.

– Хотя возможны кое-какие изменения, если то, что тут написано, верно, – он хлопнул ладонью по книжке. – Погружение во флюксию не прошло даром: теперь любое ваше заклинание будет сию секунду отменяться, словно никогда и не произносилось.

– Заклинание, – повторил Маскелейн.

Он чувствовал, что должен знать это слово, и изо всех сил старался вспомнить, что оно значит.

– Да, чертовски неудачно для волшебника, – продолжал излагать свою мысль Подлбрим. – И все же я уверен, что ваши друзья сплотятся и помогут вам преодолеть возникшие трудности. Кое-кто о вас уже спрашивал.

– Друзья, – сказал Маскелейн, но обнаружил, что значение этого слова ему неизвестно.

Изабо С. Уилс¹⁰

Изабо С. Уилс родилась в Калифорнии и много путешествовала по Испании и ее прежним североамериканским колониям. Она перешла в разряд «бывших» историков, когда факты перестали ее привлекать, уступив место блестящим картинам ее воображения. Ранее она занималась исследованием малоизвестных деталей военной истории и разрабатывала программы наиболее эффективной дезинфекции белья в отдаленных гарнизонах.

Изабо – выпускница Клариион Уэст (интенсивной программы для писателей в жанре фэнтези и научной фантастики), была номинирована на Всемирную премию фэнтези, премию Джеймса Типтри-младшего и получила Премию Андре Нортон. Она автор романов о Флоре Сегунда: «Волшебные несчастья храброй девчонки» (Being the Magickal Mishaps of a Girl of Spirit), «В зеркале» (Her Glass-Gazing Sidekick), «Два зловещих дворецких» (Two Ominous Butlers (One Blue)), «Дом с одиннадцатью тысячами комнат» (A House with Eleven Thousand Rooms) и «Рыжая собака» (A Red Dog); «Храбрая Флора» (Flora's Dare); «Как храбрая девчонка побеждает всех и узнает много новых слов» (How a Girl of Spirit Gambles All to Expand Her Vocabulary), «Встреча с попрыгунчиком и спасение Калифы от разрушения» (Confront a Bouncing Boy Terror, and Try to Save Califa from A Shaky Doom; (Despite Being Confined To Her Room), и «Ярость Флоры» (Flora's Fury) «Как храбрая девчонка и рыжая собака удивляют своих друзей, поражают врагов и узнают о необходимости хранить свет» (How a Girl of Spirit and a Red Dog Confound Their Friends, Astound Their Enemies, and Learn the Importance of Packing Light). Одна из последних ее книг – сборник рассказов «Предсказания, клевета и мечты» (Prophecies, Libels & Dreams) – вышла в 2014 году.

Она живет в Сан-Франциско, и ей очень нравятся ослики.

В этой книге мы знакомимся со сказочным зачарованным городом Калифа и известным воришкой Джеком-попрыгунчиком, решившим украсть любовь с непредсказуемыми для себя последствиями: теперь Джек по уши в беде. И в торте.

¹⁰ Ysabeau S. Wilce, 2018; © пер. В. Соломакиной, 2018.

Биография Джека-попрыгунчика. Джек и любовь

Ну, мои маленькие болтуны и болтушки, вы уже слышали историю о крошке Джеке, о его страсти к красному цвету и сокровенной мечте: паре блестящих красно-коричневых ботинок со скользкой змеиной головой на носу у каждого. И как после этой покупки, совершенной на последние гроши из семейных денег, он обнаружил, что сделка была отнюдь не простой, а покупка оказалась с норовом. Однако, сожалея о потраченных деньгах, он понял, что новый талант может принести неплохую прибыль, потому что окна на верхних этажах редко оснащаются запорами и решетками. Джеки, решив, что воровать лучше, чем бедствовать, вырвал семью из когтей голода, и вскоре они привыкли к кражам и вкусной еде.

Однажды подпрыгнув, Джек с каждым прыжком взлетал все выше и выше – до самой вершины вероломства. В сумеречном мире Прайм-Коувз, среди карманников, магазинщиков, киллеров, наркодилеров, шулеров, маклеров, картежников, наркоманов, извращенцев, пьяниц, жиголо, барыг всех сортов и мастей Джек был королем. На высоких красных блестящих каблуках он возвышался надо всеми – гигант преступного мира, царь хищников, франт из франтов. Джек был счастлив, независим, не влюблен, сыт, в общем, что твой сыр в масле... самая жирная сметана, самый сладкий завиток глазури на торте, самый хрустящий край копченого бекона. И все же...

Вот тут и начинается наша история.

* * *

Одним рыжевато-коричневым утром, дорогие мои куколки, просыпается Джек от какого-то журчащего беспокойного стука. Он лежит на своей пуховой перине в пять саженей глубиной и барабанит блестящими красными каблуками по бархатному стеганому одеялу (ведь даже во время сна Джек не расстается с ботинками), пытаясь понять, в чем дело. В животе его нечто непонятное бурлит и булькает, но не из-за еды, несмотря на то что в утреннем воздухе разлит великолепный запах жареной свинины. Размышляя об этом бульканье, Джек решает, что оно исходит не из живота, а откуда-то повыше, из другого органа. Тело Джека нагрелось, как тост, пальцам ног уютно в сиянии ботинок, уши завернуты в ворсистую фланель, туловище тонет в коконе из мягкой шерсти, тепленькой, что весеннее солнышко. Но его сердце, бедная трепещущая птичка, ой, какое холодное! И откуда мороз? Разве он не получил всего, чего только можно пожелать в этом мире? Симпатичный парень – да еще при деньгах. Другие бедолаги его уважают, берлога битком набита едой и питьем, все в лучшем виде, превосходнейшие связи, имя мелькает во всех газетах. Чего же недостает его алчному сердцу? *Не глупи, парень*. Не обращая внимания на холодок, Джек спрыгивает с кровати и отправляется за беконом, напевая:

– Тра-ля-ля, деньжищ у меня тьма-а-а...

Но мелодия обрывается. Он все еще что-то напевает, наводя красоту: завязывает парчовый галстук, набрасывает на плечи великолепный красный кожаный плащ. Танцуя, спускается по лестнице в столовую, задержавшись на площадке, чтобы погладить щенков корги в плетеной корзинке. Сквозь легкие занавески проникают солнечные лучи, от тепла трепещут бабочки, нарисованные на обоях. Немного кофе, пара ломтиков бекона, чуть-чуть жаркого из риса и рыбы с пряностями – и жизнь удалась. Но, разглядывая длинный стол с обильным завтраком, он вдруг понимает, чего ему не хватает. Перед ним – роскошный пир умопомрачительных блюд: вышеупомянутый бекон, банановые чипсы, желе из питахайи, смузи из кольраби, лососевые омасуби, попкорн, тосты... И все это предназначено ему одному. Как же он одинок!

Семья, которую он спас от голода, долго жила как у Христа за пазухой за счет его воровского бизнеса, но потом каждый пошел своей дорогой. Мама вышла замуж за ганг-

стера из Сакто и открыла публичный дом на Джойс-стрит, где она теперь величаво расхаживает среди красных бархатных портьер и зеркал, как императрица. Чахлый ребенок-доходяга, задыхавшийся от непрерывного кашля, вырос и превратился в шикарную развеселую девицу в фуражке с кокардой и костюме маркитантки с яркими золотыми пуговицами. Она танцует на сцене Дворцового театра, курит дешевые сигары и распевает зазорные куплеты под рев восторженных воздыхателей:

*Наивная девчонка,
Я погулять не прочь,
Разбил мне сердце милый,
С другой уехал в ночь.*

Теперь процветающие, а не умирающие от голода, они упорхнули из-под крылышка Джека, чтобы найти свой путь в этой жизни.

В полном одиночестве сидит Джеки среди нажитого несправедным путем великолепия в утренней тишине, давась толстым куском бекона.

Ах, если бы ему было с кем поделиться тайными печальми и радостями, надеждами и желаниями, огромной мягкой постелью, длинным полированным столом, вкусным-превкусным беконом! Ах, если бы у него была любовь, с которой не страшны любые невзгоды! Но как найти подругу? Он жевал чипсы и хмурил брови, пил кофе и пытался строить планы. Он размышлял целый день: прыгнув в будуар Главной судьи Калифы, освободив ее от нескольких безделушек на туалетном столике, только портивших, по мнению Джека, обстановку, обыскав ящик с носками и сняв серебряный ошейник с посапывающего мопса, пока пес и судья сладко храпели. Джек прыгал по крышам Калифы и наполнял свой мешок для краденого, как анти-Санта, воруя подарки вместо того, чтобы их раздавать.

Он все еще ломал голову над неразрешимой задачей, разглядывая добычу в своей тайной комнате и щедро одаряя участников Грохочущего бала, проводимого каждые пять дней в месте, которое я не осмелюсь открыть, мои лапочки, даже под угрозой смертной казни. (Городская тюрьма – ну, скажите, есть ли лучшее место для преступников, и вряд ли сюда догадаются заглянуть стражи закона.) На балу ответ не пришел ему в голову, но, когда Джек запрыгал по направлению к дому, из-за напевной рекламы газетчика забрезжило неожиданное решение: «Лучшее лекарство! Сель-дурей-соль! Только у мадам Твонки!»

Как народ вообще что-нибудь находит? Слесаря, пропавшую собаку, новую собаку? Посредством объявления, конечно.

Итак, Джек составляет неотразимое объявление и помещает его в раздел «Ищу» «Калифской полицейской газеты» и ежеквартальника «Модные панталоны»: «Страстный джентльмен ищет женщину-персик для долгих прогулок по пляжу, ужинов под луной, игры в слова и жизни долгой и счастливой. Маньячкам, наркоманкам и извращенкам просьба не беспокоить».

Его почтовый ящик очень быстро наполняется нетерпеливыми ответами, надушенными листочками, конвертами, полными обещаний и портретов, выбирай не хочу, но ни одна не подходит: зануда, далеко не девичьего возраста, пианистка со сточенными от музыкальной зубрежки зубами, пухлая тетка, на все корки поносящая его мать, трактирщица, чавкающая что твоя хрюшка, и адвокат, расплывающаяся в сахарный сироп при виде кис-кис-кисонек, и тому подобный контингент.

Самое многообещающее из груды писем накропала дьяволица из ада. (Листок бумаги был опален пламенем.) Джек ничего не имеет против демонов из ада как таковых, но полагает, что страстные сверхчеловеческие объятия чересчур пылки, словно допрос с пристрастием, поэтому вряд ли кому понравятся.

Не приблизившись ни на шаг к своему сокровенному желанию, Джек сдается, уничтожает объявление и топит печали в прыжках. Он ПРЫГАЕТ и пьет, крича во все горло от отчаяния барменше из придорожного кафе «Время любить». Видавшая виды, измученная тяжелой работой барменша с горечью ему советует:

– Любовь приходит к тому, кто ее ищет; тот, кто ждет, – ждет вечно. Нужно искать то, чего желаешь.

Джек стучит кулаком по стойке бара, и бутылки подпрыгивают. Ну конечно, барменша права! Он допрыгнул до удачи и до славы, он допрыгнул до свободы и до... и до любви он допрыгнет тоже.

А если любовь не придет к нему по доброй воле, он ее украдет!

Принять решение всегда легче, чем исполнить задуманное. Любовь не рассыпана, как драгоценности или монеты, на туалетных столиках, не висит на стенах, подобно картинам, не выставлена напоказ, будто статуэтки, не дремлет в сейфах, ожидая, когда ее заберут. Ее не запихнешь в мешок, она будет царапаться и сопротивляться. Можно оценить монеты, жемчуг, драгоценные камни, серебро, настоящую любовь же распознать нелегко. Но Джек старается.

Теперь Джек не ждет, когда все в округе стихнет и все лягут спать. Он дожидается, когда хозяева вернутся домой, и прыгает. Он встречает удивленные взгляды парней и девушек, пытается расположить их к себе сладкими речами, нитками жемчуга и изящными манерами. Но джентльмена, среди ночи запрыгнувшего в комнату через окно, никто не воспримет благожелательно, как бы ни были сладки его речи или сногшибателен букет. Его душевные порывы встречают пронзительными воплями, визгом, стуком кочерги, летающими тапками, оскалом и пеной из пасти особенно свирепых корги.

А теперь, мои маленькие проказники, оставим испуганного Джека, за которым гонится корги, и сменим на минутку декорации. Пока Джек стремится заполучить любовь, некто стремится заполучить Джека. Имя Джека, народного героя, вызывает крики ликования у бедняков и обездоленных, их радость и одобрение связаны с добычей, которую Джек крадет от их имени. Однако не все рады Джеку. Те, кто, проснувшись, обнаруживает взломанные замки туалетного столика, зияющие пустотой сейфы, пропажу серебряной тарелки и вылизанные банки из-под джема, Джеком вовсе не восхищаются. Знать, лучшие граждане Калифы, требуют отобрать у Джека его ботинки, а самого поймать, судить, четвертовать и выставить на всеобщее обозрение. Красивые такие кусочки Джека-воришки, красным-красные, и тем не менее кусочки.

В те времена, мои сладкие, в Калифе был шериф, а у него помощники, вполне безобидные ребята, которые могли наилучшим образом прекратить драку в баре, перевести старушку через дорогу, найти потерявшуюся кошку, потерянную конфету, потерянную шляпку и развести повозки, скопившиеся в пробке. Однако схватить преступника мирового класса им явно не по зубам. У Джека не только прыгучие ботинки, уносящие ввысь, где полицейским его не достать, но в ходе своих вылазок он прихватил и другие полезности, и теперь, разодетый с головы до ног, включая несгораемый плащ, в руке – перо-компас, на плече галка, чувствующая приближение опасности и поднимающая тревогу, Джек прыгает, не обращая внимания на то, что неотступно следующие за ним шерифы либо ищут его не на той высоте, либо опаздывают.

Однажды утром герцог де Грандселлос просыпается поутру и не находит своего любимого халата, вышитого золотыми драконами по небесно-голубому шелку. Княжна Надежда Напроксина, известная субретка и мастерица готовить мексиканские острые блюда, теряет свое алое манто из шкуры полярного медведя, бесследно канувшее в мешок-с-барахлом Джека. Чеддар де Рок, знаменитая арфистка, обнаруживает, что струны на смычке, сплетенные из волосков гривы единорога и самой Богини Калифы, исчезли. Джек хранит редкого норвежского синего попугая от Святой блудницы и любимую кофейную чашку Понтификессы, изготовленную из покрытого золотом и перламутром пилеолуса самого Олбани Бильскинира.

Яростные вопли богатеев достигают поистине шквального уровня. Пока шуточные передовицы, кричащие: «Молодец!», появляются на страницах «Газеты мошенников», письма, опубликованные в светской газете «Альта Калифа», более зловещи. Передовица в «Альта Калифе» призывает ввести комендантский час, дорожные заграждения, устроить обязательные для всех и каждого проверки на дорогах, поквартирный розыск. По всему городу развешаны плакаты с премией за поимку преступника, а Лусциус Фирдраака, лишившийся очень ценного обычного куска льда и теперь вынужденный пить теплые коктейли, многозначительно повесил на ворота Крэк-пот здоровенный крюк и теперь жаждет повесить на него если не целого Джека, то хотя бы его нежнейшие куски.

Когда в Калифе призывают к *настоящему* порядку, дарителем сего блага выступает Понтифика – благодарным гражданам через свою личную охрану, ужасных Алакранов, красно-коричневых скорпионов, чьего разящего жала все настолько страшатся, что порядок устанавливается сам собою. К помощи Алакранов прибегают крайне редко, но они всегда наготове, молниеносно действующие убийцы. Пока Джек держался подальше от Понтифики, она тоже не имела ничего против Джека. Но с кофейной чашкой он зашел слишком далеко. Понтифика, на которую выплеснулся яростный гнев дочери, была вынуждена действовать.

Капитанша Алакранов была призвана в кабинет Понтифики, где получила совершенно недвусмысленное указание касательно поимки Джека.

– Ну, наконец мы до него доберемся! – с мрачной улыбкой сказала Понтифика.

Вернемся теперь к нашему герою, мои красотульки, к сорвиголове, который и не подозревает об устроенной им заварухе. После ранее упомянутой кусачей корги он решает больше не красть любовь и тешит свою душу (и плоть), собирая отвязную тусовку, на которую приглашен весь отчаянный люд. На встречу с коллегами по ремеслу Джек надевает халат с драконами Лусциуса Фидрааки. Джек жадно пьет холодный кофе из перламутровой чашки в форме пилеолуса, ранее принадлежавшей Джорджиане Хадраада Сегунда. Он расчесывает синего попугая платиновой, инкрустированной бриллиантами расческой, позаимствованной у Лусциуса Фидрааки, его ноги покоятся на письменном бюро, стянутом у аристократа. Вокруг него пир горой, народ веселится вовсю, выделявая коленца в бурной тарантелле под разухабистую мелодию неумолкающего оркестра. Парочки обнимаются, обжимаются, шепчутся, танцуют, смеются, и только он, король этого раздолбайского люда, позабыт, позаброшен. Галка, сидящая на плече Джека, насмешливо каркает – она в любовь не верит.

Джек поднимает чашу и произносит тост. Он тоже разочаровался в любви. Да и кому нужна эта любовь, когда у тебя и так все есть? Он спрыгивает с трона и включается в безумную пляску, бешено кружась в танце. Но на следующее утро голова тяжела, как пудовая гиря, пятки болят, он потягивает холодный кофе и читает газеты, требующие сей же час подать на блюде его голову и другие части тела. Ему скучно, взгляд рассеянно скользит по потоку речей, хвалебно или браняще (в зависимости от того, кто оплачивал статейку) оценивающих его деятельность. Джек жует банановые чипсы и хихикает. Раз уж он такой необыкновенный, может, и ничего, что он одинок? Кто сказал, что это плохо?

Затем он листает «Альта Калифу» и видит заголовок, набранный крупным шрифтом: «СОВЕТЫ СВЯТОЙ БЛУДНИЦЫ СТРАДАЮЩИМ ОТ БЕЗНАДЕЖНОЙ ЛЮБВИ».

Как же он раньше об этом не подумал? Идиот пустоголовый. Запутался в трех соснах, не видя очевидного выхода. Вот кто поможет ему найти любовь – Святая блудница. Разве это не ее призвание? *Советы страдающим от безнадежной любви*. Вот оно! Он-то точно страдает, и добрый совет пришелся бы как раз кстати. Но Джек не может столько ждать. Опять сочинять письмо, отправлять, ждать дни напролет, пока его перешлют, внимательно прочитают, обдумают ответ, наконец ответят, напечатают в газете, рыскать по газетным киоскам, с надеждой просматривая каждый выходящий номер. Нет, он до этого не доживет.

Джек спрыгивает со стула, переодевается в пестрый фрак от Биби де Кинтеро-Роха, укладывает перламутровые локоны с помощью помады на медвежьем жире от мадам Твонки, на шее у него позвякивают жемчуга воеводы Шинглтауна. Джек сажает галку на свою напомаженную макушку, как на насест, укрывается несгораемой накидкой, она же плащ-невидимка, и, перевернув вверх дном свое логово, выпрыгивает в тихий рассвет – серая пелена, вся в поцелуях звезд, и душа его поет от восторга.

Дом Святой – восхитительная архитектурная сладость, пирожное с кремом, со всевозможными завитушками и украшениями, причудливыми, как кружево. Джек приземляется на сахарно-белых мраморных ступеньках, ведущих к глянцевой леденцовой красной двери. Поднявшись по ним, он дергает ириску-колокольчик. Дверь со скрипом приоткрывается, и оттуда выглядывает раздраженная физиономия ангела. Он скептически оглядывает Джека, но, обратив внимание на шляпу и отметив неподдельное отчаяние на румянном лице, приглашает войти. Приемная Святой блудницы до отказа набита удрученными, тоскующими страдальцами, и все надеются на помощь. Они таращатся на Джека и раздраженно шипят, когда появляется архангел Боб, чьи вертикально сложенные красно-коричневые лебединые крылья скользят по блестящему паркету. Архангел приглашает Джека следовать за ним.

А вот и Святая блудница – девушка-конфетка, замотанная в широкую шелковую ткань, которая развеивается вокруг сливочных форм, не то скрывая, не то демонстрируя ее прелести. Святая принимает юного Джека (не забывайте, что успех пришел к нашему герою раным-рано и он – просто неосторожный, своевольный мальчишка) в будуаре с белыми меховыми стенами, белой полированной мебелью, обитой тем же белым мехом, – короче, полный декаданс, но очень уютно.

Джек робко сидит на белом пучке травы и нервничает – боится что-нибудь запачкать. Змеиные головки на его ботинках шипят от счастья, когда ангел Мокс-Мокс предлагает им блюда с пивом, а Архангел Боб наливает Джеку большую кружку «Сердечного утешения». Джек и так ничего не скрывает от своей очаровательной исповедницы, но сладкий золотистый ликер еще больше развязывает язык, и страстная литания грез и желаний льется из него, как вино из разбитой бочки.

– Ну, вот, – томно произносит Святая блудница, когда Джек наконец замолкает.

Ангел Мокс-Мокс обмахивает ее веером, и шелковая ткань соблазнительно вздымается.

– Кто же наденет узду на пылкого юношу? Пойдемте, дорогой, мы все исправим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.